

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Москва 2015

Издание выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: msps@msps.su
<http://www.msp.su>

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский
Е.В. Барabanов
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
А.В. Макаркин
М. Мертеc (ФРГ)
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
В.А. Рыжков
Ю.П. Сенокосов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь: *С.А. Максимов*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Верстка: *Валерия Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

*Издание этого номера журнала осуществлено при поддержке
М.М. Задорнова, группы компаний «Рольф».*

Содержание

№ 1 (67) 2015

К читателю

«Круг чтения»: наш новый проект 5
Юлия Счастливецва

Семинар

Информационный контекст и пределы свободы 7
Георгий Бовт
Дискуссия 13

Тема номера

Вызовы экономической политики России 23
Алексей Кудрин
Чего ждать от кризиса 33
Наталья Зубаревич

Гражданское общество

О гражданском обществе в США 44
Тоби Гати

Историческая политика

Отношение к истории в Германии и Франции 50
Ютта Шеррер

СМИ и общество

Журналистика как власть и ответственность 64
Квентин Пил
*Зачем нужны журналистика, литература, образование,
если они ничего не могут изменить?* 70
Александр Архангельский

Точка зрения

Политическая деятельность и гражданское участие 77
Сергей Мошкин
Интеллектуальные истоки демократии 81
Андрей Зубов

Горизонты понимания

Хорошая новость, которую вы не слышали, и кое-что еще 91
Хакан Алтинай

Наш анонс

Демократическая легитимность.
Беспристрастность, рефлексивность, близость 100
Пьер Розанваллон

Книги

Олигарх, заключенный, диссидент. Что дальше? 108
Андрей Захаров

Контрапункт 110
Владимир Рыжков

Nota bene

Культур много, гражданство одно 119
Ален Турен

В оформлении этого номера журнала использованы работы авторов из Австрии, Бельгии, Германии, Испании, Италии, России, Франции.

«Круг чтения»: наш новый проект

*Юлия Счастливецва,
журналист,
выпускница Школы*

Проект «Круг чтения», запустивший процесс «медленного», как говорят филологи, чтения книг из обширной библиотеки Московской школы гражданского просвещения, за полгода существования вышел из формата школьного «читального зала» и ищет место в большом мире.

Идея автора проекта, эксперта Московской Хельсинкской группы Вадима Карастелева, и инициаторов из числа выпускников Школы, я думаю, близка и понятна каждому члену нашего сообщества. У многих из нас часть домашней библиотеки состоит из книг серий: «Библиотека Школы», «Своевременная мысль», «Культура. Политика. Философия». В силу того, что подобная литература требует времени, мотивации и часто специальных знаний, эти книги не стали достоянием широкой читательской аудитории. Поэтому цель проекта ее автор и инициаторы видели прежде всего в популяризации (насколько применимо здесь это понятие) школьной библиотеки внутри сообщества выпускников. Однако аудитория участников получилась гораздо шире хотя бы потому, что технически проект позволяет вести обсуждения в режиме вебинаров, что территориально делает наш «круг чтения» безграничным. Постоянный участник вебинаров Евгений Тищенко из Иркутска, например, регулярно выступает содокладчиком по разным темам.

Возможно, в будущем чтение внутри нашего «круга» приобретет системность, появятся повестка и тематические группы, но пока мы читаем и обсуждаем то, что показалось остро актуальным. В этом есть своя логика: по моему глубокому убеждению, каждая книга попадает к нам в руки в тот самый момент, когда мы готовы принять ее, а она — раскрыться нам. Нас ведет читательская интуиция.

Проект открылся в конце 2014 года обсуждением выпущенной Школой книги Пьера Розанваллона «Общество равных». В январе 2015-го состоялась дискуссия с автором книги «Законотворчество как политический про-

цесс» Екатериной Шульман, нить разговора о которой задал Никита Молчаков: законотворческий процесс — предмет изучения политической или юридической науки? каково соотношение законотворчества и «указного права»? существует ли в России судебное нормотворчество? О значении политической конкуренции в законотворческом процессе; какой закон можно назвать правовым и эффективным? Обсуждение книги Дмитрия Горина «Интеллектуалы и свободы» также прошло с участием автора. В сессии обсуждения книги-биографии ставропольского журналиста Сергея Белокопя «Синий магистр» о просветителе XIX века Януарии Неверове приняли участие основатели Школы Елена Немировская и Юрий Сенокосов — разговор шел о том, возможна ли в России модернизация без широкого просвещения и гражданского образования.

В наших ближайших планах — обсуждение книги Александра Нольде (1873–1919), посвященной биографии М.М. Сперанского, в контексте опыта и перспектив правовой реформы в России. Осенью состоится дискуссия по книге Ханны Арендт «Банальность зла», которую культуролог и выпускник Школы Дмитрий Шевчук уже анонсировал: «В последнее время все чаще можно услышать, что мир захватила гибридность — наиболее часто упоминают о “гибридных режимах”, “гибридной войне”. Для сферы морали гибридность наиболее опасна, поскольку при этом теряют определенность моральные оценки и категории. В результате появляется то, что Арендт называет “банальностью” зла».

На странице проекта в Facebook идет обмен рекомендациями, более двухсот участников «Круга» публикуют рецензии и комментарии о прочитанных книгах. В стратегии проекта образовалась развилка, и участникам предстоит определить, по какому пути идти — развиваться как площадка для обсуждения специальной литературы в узком кругу профессионалов или остаться просветительским проектом и площадкой для более широкой аудитории.

Первое направление, задачу которого Вадим Карастелев видит в «формировании содержательной исследовательской повестки в гуманитарных науках», опробовано на площадке Высшей школы экономики в Москве. В сотрудничестве с кафедрой публичной политики «вышки» Денис Бураков провел семинар-дискуссию «Претензия знания? Польза научного метода в современной политической науке». Второй путь — через «инициативу снизу», когда кто-то из участников проекта предлагает для обсуждения книгу из издательской программы Школы (или извне), а в качестве ведущего дискуссии приглашается специалист или, если есть такая возможность, автор книги.

Проект запущен, и нам понятно, что «Круг чтения» востребован и будет развиваться. Нужно ли планировать повестку, объединять книги в тематические блоки или сохранить стихийность чтения? Нужно ли вводить «критерий приемлемости» для обсуждения книг, не входящих в фонд Школы? Над этим мы размышляем. Однако есть кое-что, что мы поняли для себя самих, существуя полгода в «Круге чтения». Проект — это площадка для неформального образования и самообразования, каждый в нем выстраивает собственную стратегию развития.

Информационный контекст и пределы свободы*

*Георгий Бовт,
политолог, журналист*

Не вижу ничего необычного в том, что происходит в России, если речь идет о состоянии СМИ. Мы развиваемся, во-первых, в духе российских исторических традиций, во-вторых, что более важно, происходит это в контексте общемировых трансформаций в отношениях между государством и массмедиа. В России зарегистрировано примерно 90 тысяч СМИ, может быть, сейчас чуть меньше: цифры каждый год меняются на сотни в плюс и в минус. Но вот что любопытно: 90% российских СМИ не являются государственными. Федеральные СМИ, эти самые полтора десятка федеральных телеканалов и больше сотни спутниковых телеканалов, связывают территории — держат общее культурно-информационное пространство, создают единый контекст и контент. Давно уже стало банальностью мнение о том, что Интернет конкурирует с офлайновым СМИ. Но эта банальность подтверждается цифрами. Парадоксальность в том, что, например, на сайты российских СМИ заходит довольно много народу в абсолютных цифрах, а в относительных — всего лишь каждый четвертый пользователь Интернета. Причем только 4% российских пользователей регулярно просматривают новостные сайты. Мы имеем дело с двумя (а может, с десятью или сотней) параллельными информационными пространствами. Пространство, которое создают Первый канал или ВГТРК, скажем, на 4% пересекается с информационным пространством, которое создает Интернет. Уже много сказано по поводу того, что в России есть общество Интернета и общество телевидения: и да, и нет. С одной стороны, они пересекаются, с другой стороны, 4% каким-то образом коррелируют с обществом в офлайне. Другая любопытная статистика: каждый из таких интернет-ресурсов, как «Яндекс»,

* Выступление на семинаре Школы в Голицыно 10 декабря 2014 г.

Mail.ru, «ВКонтакте» или даже иностранный Google, обгоняет один-два федеральных канала по численности аудитории. Причем не только в Москве, но по всей стране, и речь не только об аудитории до 34 лет, для которой «Яндекс» является первым медиаресурсом, но и аудитории до 64 лет, — «Яндекс» обгоняет Первый канал. И, конечно, в таких условиях государство не может не обращать внимания на этот растущий сегмент.

Россия не стоит особняком от современных общемировых процессов в медиа, которые по-разному проявляются в Америке, Иране, Китае и в России. Недавно вышла интересная книга, в числе соавторов которой — один из основателей Google Эрик Шмидт*. Авторы полагают, что период свободного развития Интернета, неограниченной его свободы заканчивается во всем мире. Тенденции к национализации Интернета, созданию национальных его сегментов характерны не только для таких стран, как Иран, Китай или Россия, которая скоро, в ближайшие уже месяцы, наверное, определится с долгосрочными тенденциями в этой отрасли, — но и для других стран. Тенденции к фильтрации Интернета проявляются в Европе и в Америке. Там это делается по-другому, но тем не менее делается. В частности, проводятся консультации с лидерами рынка, беседы, конференции, на которых стороны приходят к взаимопониманию. Например, нужно, чтобы латентные джихадисты из Европы не отправлялись воевать в «Исламское государство». Как этого добиться? Вероятно, не принятием какого-нибудь законодательного запрета, потому что на уровне Евросоюза сделать это довольно затруднительно. Еще более затруднительно регулировать СМИ через законодательство в

США, поскольку на Первую поправку к американской конституции никто в открытую не покусится. Тем не менее взаимопонимание достигается, в том числе путем технических манипуляций, в результате которых определенные сайты становятся недоступны либо труднодоступны. Регулирование может осуществляться гораздо более тонко, чем, как мне кажется, это представляется условному депутату Деньгину от ЛДПР. Для меня это скорее имя нарицательное, некий абстрактный депутат, который пытается регулировать Интернет дремучими методами. Возьмем закон, который был принят в августе 2014 года, и, прочитав который, все испугались, что в кафе для выхода в Интернет через Wi-Fi придется предъявлять паспорт. И как это происходит на деле? Да никак. Закон попросту не работает. Он принят, но не действует, потому что его применение абсурдно. Идентификация пользователей — вопрос во всем мире решенный. В Европе с вас в худшем случае могут потребовать подтверждения через СМС, или логин, или что-то еще. Но поскольку в европейских странах все мобильные номера верифицированы, на любой бензоколонке можно без всякого логина и пароля подключиться к Интернету через Wi-Fi. То есть существуют гораздо более тонкие способы идентификации. А наши депутаты Госдумы не знают, как устроено современное информационное пространство, но, испытывая запретительный синдром, не могут решить проблему цивилизованными методами.

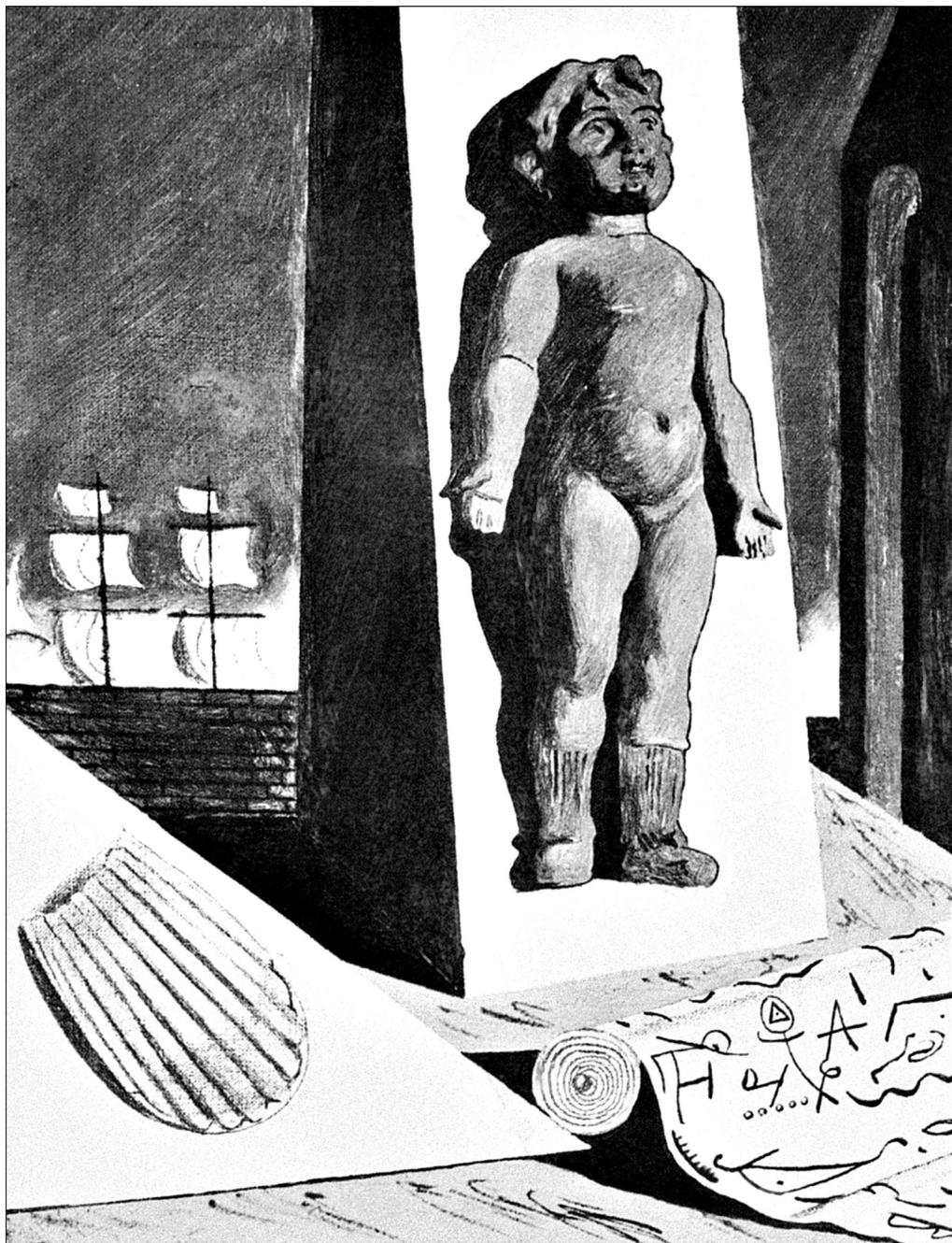
Так или иначе, какая-то фильтрация интернет-контента в России начнется, и это будет не уникальным чисто российским примером. В Америке, если вы увлечетесь скачиванием пиратского кон-

* Эрик Эмерсон Шмидт — председатель совета директоров компании Google. Член совета по науке и технологиям при президенте США Бараке Обаме, Национальной инженерной академии, Академии искусств и наук США, возглавляет некоммерческий фонд New America Foundation. — Прим. ред.

тента или педофильных материалов, вас арестуют, вычислив тем или иным способом — по IP-адресу, обойдя VPN и анонимайзеры. В данном случае американские правоприменители, в сущности, ничем не отличаются от российских, когда говорят, что нужно преследовать за экстремизм. Другое дело, что в юридических, иезуитских упражнениях англосаксонские законодатели поднаторели, поскольку за их плечами многовековая практика. А у нас в этой части провал из-за долгого периода преобладания в праве революционной законности. Не очень понятно, по какому принципу в России будут фильтровать контент, но если фильтрация будет контекстной, мне кажется, в ней обнаружится много дыр. Очевидно, что взаимодействие государства и лидеров интернет-сообщества в сфере регулирования Интернета у нас недостаточное. Если бы началось открытое, заинтересованное обсуждение, можно было бы найти компромиссное или даже консенсусное решение по многим вопросам, связанным с интересами общественной безопасности, нравственности и т.д. При чем договоренности можно было бы не оформлять формально через законодательство. Ну, например, можно ли формально прописать правила пользования ножом и вилкой? Нет, нельзя, потому что это определяется культурой и этикетом. Невозможно создать конечный список, регламент в тысячу страниц, который нельзя было бы обойти как любое формальное право: если в законе не написано, что нельзя вилку совать в нос, то почему бы этого не сделать? Я же не нарушу закон. Регулирование контента печатных СМИ в интересах государства, кстати, во многом основано не на формальном законодательстве, потому что закон о печати с начала 90-х годов особенно не трогали. Регулирование офлайновых СМИ осуществляется способом, который пока не работает по

отношению к Интернету, — неформальные отношения, административное вмешательство, финансовые рычаги. В результате российские СМИ оказались встроены в конструктивную с точки зрения государства информационную политику и ведут себя дисциплинированно, не нарушают канонов гражданской стабильности и равновесия. Существует масса способов привести их в чувство, если они начнут нарушать правила игры. В сущности, все эти методы регулирования известны во всем мире. И если даже в самой демократической стране собственник СМИ вдруг впадает в безрассудство и начинает выбиваться из консенсусной или компромиссной линии поведения, одобренной большинством, рынок или кто-то еще его одернует. К тому же само общественное сознание настроено на самоблокировку маргинальных проявлений. Думаю, что и в России можно бы уже не упражняться в принятии экзотических законов, потому что наше общественное сознание обладает способностью к самоблокировке. Но представители российской законодательной и исполнительной власти опасаются, что наш человек дурнее, чем все другие в мире, и не сумеет отсеять экстремизм попросту на уровне его восприятия. В действительности многие запреты излишни и не выполняют никакой функции.

Полагаю, таким же бесплодным будет и закон об иностранном участии в СМИ. По действующему законодательству он касается только телеканалов и радиосетей, которые вещают на территории с охватом большим, чем половина населения России, и при условии, что иностранцам принадлежит 50% и более данных СМИ. А есть разговоры о новой планке в 20%, которая вызывает серьезные опасения, что это приведет к переделу всего рынка российских СМИ. Думаю, механизм принятия этого закона

Джорджо де Кирико. Весна. 1914

был примерно таким же, как в случае с законом об указании паспортных данных при использовании Wi-Fi: налицо раскоординированность в выработке решений между ветвями государственной власти и разными акторами на политиче-

ской сцене. Не уверен, что законопроект родился в результате тщательного согласования позиций Минкомсвязи и людей в Госдуме, которые оформляли инициативу в буквы. Исполнительная власть так мыслит: если реальность будет богаче,

чем закон, мыотрегулируем его подзаконными актами. В реальности можно получить результат противоположный тому, что подразумевал закон. Далее, давайте учитывать традиционно пренебрежительное отношение в России к формальному праву — мало ли что в законе написано. Тем не менее формально закон затронет более половины российских СМИ, в том числе федеральные каналы, например СТС, акции которого есть на бирже «Насдак»*. Стало быть, телеканал СТС должен уйти с биржи «Насдак», поскольку нельзя гарантировать, что какой-нибудь иностранец не купит больше 20% акций. То есть в данном случае результатом будет падение капитализации конкретного телеканала и падение капитализации всего медиарынка.

Неизбежен передел российского рынка СМИ. Уже сейчас, когда в пакете телеканалов «Акадо» больше нет группы каналов шведского спутника Viasat, нет канала «Си-эн-эн», который тоже ушел, Bloomberg пока остается, потому что он работает по аккредитации и на него закон не распространяется. Что еще мы получили, кроме общего падения капитализации рынка, снижения его рекламной привлекательности и потока инвестиций? Мы получили нерациональную трату ресурсов на то, чтобы обойти закон через хитроумные юридические схемы. То есть, условно говоря, если газета «Ведомости» захочет остаться на рынке, то она останется примерно в том же виде, в котором сейчас существует, но оформлено юридически это будет так, что не подкопаешься. И журналисты будут понимать, что работают в той же газете, которая есть часть «Уолл-Стрит Джорнал» и «Файненшл Таймс». А правоприменители будут знать, что могут

закрывать ее по понятиям, например за несоблюдение требований к пожарной безопасности.

Возьмем другой пример. Что произошло после принятия закона о том, что кабельные каналы не могут транслировать рекламу. Законодатели думали, что ударят по телеканалу «Дождь». Нет. Первым, кто ушел с рынка, стало телевидение «Комсомольская правда», у которого было много рекламы. Это к вопросу о том, насколько просчитываются подобные инновации с точки зрения рынка и капитализации. Притом что есть масса способов отрегулировать этот рынок неформальными методами взаимодействия на элитном уровне, через внушение, политическое давление, административное давление, которое я не осуждаю как таковое, как некое «ай-ай-ай». Современный мир настолько богат на практики воздействия, регулирования, в том числе через неформальные методы, что далеко не всегда обязательно прибегать к реактивному написанию и принятию законов, которые неэффективны для регулирования процессов. Но хождение по граблям — это, как известно, наша старинная национальная забава.

Интернет-рынок составляет существенную часть российской экономики: это 143 млрд долларов общей капитализации, это 1,3 млн IT-профессионалов, это 8,5% генерации с помощью прямых и косвенных средств российского ВВП, это 2,5% всей российской торговли, внутренней и внешней. Хотя бы поэтому, на мой взгляд, этот сегмент экономики: а) такими методами лучше бы не трогать; б) его можно было построить и отрегулировать более эффективными неформальными методами, как это про-

* *NASDAQ* (сокр. от англ. *National Association of Securities Dealers Automated Quotation*) — одна из трех основных фондовых бирж США (наряду с *NYSE* и *AMEX*). Собственник биржи — американская компания *NASDAQ OMX Group*.

исходило в США, где Google, Yahoo и все прочие вполне себе договороспособны.

Кроме того, нас ждет еще более важный этап, тоже носящий глобальный характер, который заключается в том, что уже даже не интернет-СМИ являются распространителями медиаконтента, а браузеры и интернет-платформы, социальные сети как средства распространения информации или играющие роль СМИ. Мы вступаем в область неопределенности: ни государство, ни игроки рынка не знают, что будет происходить дальше. Известный закон о персональных данных вступит в силу с 1 сентября 2016 года*, и если трактовать его буквально, он означает изоляцию российского сегмента Интернета от внешнего мира. Закон родился в результате того же непонимания условным депутатом Деньгиным реалий мирового информационного пространства, феномена облачных технологий, метаданных, что такое персональные данные и где они вообще витают. Ведь уже все случилось, персональная информационная невинность, нетронутость давно потеряна. Современные методы мониторинга, контроля и обработки метаданных достаточно развиты, имеют наднациональный характер. Можно, конечно представлять, что сервер Facebook или Twitter стоит непосредственно в Лэнгли в ЦРУ, но это не так. Ну да, от ЦРУ к нему ведет более короткий отрезок кабеля, но если играть по этим правилам, то никто не мешает развивать собственный сегмент такими же методами на основе собственных отечественных корпораций типа «Яндекса», который в России по-прежнему впереди Google. Отрезок ка-

беля до «Яндекса» короче, чем до Google. На мой взгляд, решение не принято на политическом уровне, оно будет зависеть от того, как будут развиваться наши отношения с Западом: до сентября 2016 года еще вечность. Но если трактовать закон буквально, то будет нельзя ничего — ни айтюнс, ни айфон, ни айпад, ни вообще продукцию Apple. Впрочем, пользоваться мобильной связью теоретически тоже нельзя, потому что можно докопаться до ваших персональных данных. Ну и вообще, кроме звонка по телефону старого типа, где нужно диск вращать, ничего нельзя. На самом деле все это государству невыгодно, в интересах ФСБ не запрещать ни Интернет, ни Facebook с Twitter, потому что они удобное средство контроля за нежелательными элементами. Они там сами о себе все пишут. Просто самодонос. Нужно лишь уметь это анализировать. Непонятно, что победит: глупость отдельных правоохранителей либо продвинутость той части сообщества спецслужб, которые считают, что Интернет предлагает хорошие методы слежения и этот канал нужно использовать.

Мы стоим на развилке, пока непонятно, какие методы будут преобладать — глупые и неграмотные, исходящие из непонимания современных информационных процессов, или умные и продвинутые, основанные на компетенции, позволяющие, в том числе государству и его спецслужбам, регулировать общественные процессы, проводить нужную государству информационную политику, влиять на массовое сознание эффективными методами. Собственно, в ближайшие год-два мы увидим, по какому пути пойдем.

* В декабре 2014 г. президент РФ В. Путин подписал закон, в соответствии с которым вступление в силу Закона о персональных данных, обязывающего интернет-компании хранить персональные данные россиян на российской территории, перенесено на более ранний срок — 1 сентября 2015 года. — Прим. ред.

Дискуссия

Марина Скорикова, менеджер Школы гражданского просвещения, г. Москва:

— Спасибо, Георгий Георгиевич. Хочу обратить внимание на мысль эксперта о том, что процессы, происходящие в России, в культурно-информационном пространстве в его взаимодействии с государством и обществом, не обособлены от мирового контекста. Ясно также, что наши инструменты в этой сфере все же несколько иные, как, собственно, и риторика.

Хотела бы прокомментировать заключительную мысль Георгия Георгиевича о том, что выгодно или невыгодно государству. Сейчас, похоже, из легитимного пространства выдавливается общественная дискуссия как инструмент формирования консенсусных решений для общего блага. Есть ли тут заинтересованность государства, которое не доверяет обществу? Лично у меня возникает ощущение, что происходит это отчасти оттого, что общество сейчас испытывает дефицит профессионалов, что стало заметно в общественной и политической жизни. Думаю, что это есть и в журналистской среде. К чему это может привести?

Георгий Бовт:

— Тут вопрос, наверное, вообще о качестве государственных и общественных институтов в стране. Их можно выстраивать по-разному. Можно строить на основе демократии, которая описана как демократия западного типа, родившаяся в XVIII–XIX веках и утвердившаяся сначала в англосаксонских странах, а потом и в других странах западного мира. Можно их строить на основе восточноазиатской меритократии, с профессиональной бюрократией и определенными культурно-историческими традициями, которые не позволяют дуракам, грубо говоря, прорываться на высокие бюрократические позиции. Собственно, и профессиональные среды формируются по тем же принципам, конечно. Либо это конкуренция, свободный отбор на основе диктата рынка, сейчас, к сожалению, довольно упрощенного. В принципе сочетание демократии и меритократии, наверное, было бы идеальным, но мне кажется, что мы зависли в какой-то черной дыре между тем и другим. И отсутствие культа знаний, культа науки, который был присущ даже позднесоветскому периоду, в настоящее время сказывается и на качестве государственного управления, и на качестве масс-медиа. У нас государство имеет гораздо больше формальных и неформальных возможностей, рычагов, методов, чтобы продвигать свои интересы по разным медийным каналам. И оно часто проигрывает в силу того, что не использует эти методы и опускается до пропаганды, которая просто неэффективна. Потому что в одном случае это Рифеншталь и Киселев,

которые талантливы, а в другом — какой-нибудь глупец, который опустит передачу до низшего рейтинга, и все, что он скажет, обернется против государства и против него лично.

Евгений Коноплев, *руководитель пресс-службы Государственного бюджетного учреждения «Городское агентство управления инвестициями», г. Москва:*

— У меня два вопроса. Один касается чисто российской специфики, второй — глобального контекста. Пока я вас слушал, мне вспомнилась фраза, которую произнес мой знакомый, руководитель одного издания. Фраза звучит приблизительно так: «Работа в медиабизнесе сегодня напоминает мне игру в шахматы, когда твой партнер может непредсказуемо и в любой момент изменить правила игры». Вам, может быть, интересно узнать, что эта фраза была сказана пятнадцать лет назад. То есть ничего нового, по сути, сегодня не изобретено. Мы видели, как все происходило с Первым каналом и его акциями, с НТВ, где был «спор хозяйствующих субъектов». Мы видим, как это сейчас происходит с «Дождем», «Эхом Москвы», «Лентой.ру». В американский кризис в обиход появилась такая максима, как «Ту биг ту фэйл» — «слишком большой, чтобы рухнуть». У меня ощущение, что сейчас в России в отношении медиа действует правило «слишком большой, чтобы выжить». Любое условно независимое СМИ, старающееся сохранять независимую повестку, дорастает до масштаба, когда становится заметным, получает проблемы и прекращает существовать. Примеров множество. Какой вы представляете оптимальную форму СМИ, которым предстоит действовать в ближайшие годы? Понятно, что повестка вряд ли изменится в горизонте до пяти, а может, и десяти лет, если не будет резких событий. Эффективной будет какая-то мобильная команда типа «Ленты», которая вдруг стала «Медузой», переехала в Эстонию и небольшим коллективом от пяти до десяти человек вместе с уволенным главредом пытается строить независимое СМИ? Или это все-таки должно быть издание типа «Ведомости», которое является огромным ресурсом, обеспечивающим надежность СМИ как источника информации и ее ценность и надежность своим статусом. Или массмедиа вообще можно редуцировать до какого-то блогера, который, по сути, является самостоятельным СМИ — как, скажем, Навальный или Кох, у которых число подписчиков часто превосходит число читателей среднего СМИ. Если рассматривать три условные модели: «Ведомости», «Медуза», индивидуальный блогер, то каков оптимальный размер СМИ в наших российских условиях?

Второй вопрос о мировом опыте. Судя по всему, Америка все-таки переходит на платную подписку. И если «Нью-Йорк Таймс» сделала это еще несколько лет назад, то «Вашингтон Пост» относительно недавно сломалась и тоже стала давать десять бесплатных статей в месяц, а за большее уже просить плату. «Уолл-Стрит Джорнал» изначально не давала ни одного бесплатного материала, а сразу просила оплатить доступ к любому материалу. Я знаю людей, которые с десяти мобильных устройств выходят на «Нью-Йорк Таймс» и получают не десять, а сорок бесплатных статей в месяц. «Уолл-Стрит Джорнал» перекрыл этот механизм изначально. В России

видно на примере «Дождя», как тяжело внедряются эти механизмы, более или менее эффективного, на примере «Слона», ужасно реализовавшего, на мой взгляд, введение платы за статьи на своем сайте. И видно на примере «Ведомостей», которая проиграла «Коммерсанту», когда ввела платную подписку на свою электронную версию, потому что «Коммерсант» сохранил аудиторию, в том числе для рекламодателя, а «Ведомости» потеряли неплатежеспособную аудиторию, в том числе ту, с которой мог бы работать рекламодатель. В общем, три российских издания тяжело осваивают опыт введения платного доступа к своей информации. И есть ощущение, что пока этот механизм не побеждает бесплатный доступ. Не вытеснят ли эти сложности Россию из мирового глобального контекста, где, судя по всему, платные механизмы будут набирать силу?

Георгий Бовт:

— Непредсказуемые правила игры — это часть правил, это как данность. Ты знаешь, что участвуешь в непредсказуемой игре, и это абстракция. Но ты знаешь, что в ранге вице-губернатора или начальника департамента по связям со СМИ есть человек в администрации, который тобою занимается, и с ним надо выстраивать отношения. В зависимости от того, как ты выстроишь отношения с вице-губернатором по печати, и будет складываться твоя судьба. Думаю, это вполне понятные правила игры. Абсолютно. А если у тебя есть выход на первого заместителя руководителя администрации президента РФ Алексея Алексеевича Громова, то это тоже понятные правила. По поводу «Ленты»: этот пафос — ах, профессиональная «Лента» ушла с рынка, какой ужас, какой ужас! — я не разделяю. Потому что, во-первых, я не был фанатом старой «Ленты». Я не вижу в ней ничего уникального с точки зрения предложения на информационном рынке. Я не считаю Галину Тимченко светочем свободной журналистики. Цифры показывают, что через месяц после ухода уникального творческого коллектива трафик упал, а сейчас он восстановился до прежнего уровня и даже выше стал. Агрегатор новостей, работающий продвинутым копипастом, не может провалиться. И это вопрос раскрутки и сугубо информационных технологий, а не уникальных качеств уникального творческого коллектива. Я не верю в «Медузу», поскольку там очевидны, на мой взгляд, профессиональные недостатки изготовления СМИ. Лишившись всех примочек, которые они имели в холдинге Александра Мамута (российского предпринимателя и финансиста), уверен, они не достигнут прежних результатов. Потому что, повторю, тут вопрос технологий, а уникального продукта они не предлагают. То, что они предлагают, я могу прочесть у Навального, я могу прочесть в колонках оппозиционно настроенных людей и т.д. Там нет уникального коммерческого предложения. Вот в чем ужас. Я извиняюсь за резкость, но я делаю это специально, не нужно видеть фетиш там, где его нет. Второе: не надо было подставляться с предупреждением Роскомнадзора. Ты знаешь законодательство, знаешь ситуацию в стране и уровень паранойи в определенных кругах. Зачем ты это публикуешь? Чтобы что? Фильтруй базар. Ты находишься в обстановке, близкой к военной. Тебя могут подставить. Тебя могут использовать против тебя. И в этой обстановке ты публикуешь...

И потом кричишь: «Ах, ах, ах, нас закрыли, наше свободлюбивое СМИ». Вас бы не закрыли еще год или еще три, если бы вы сами не подставились. Ведь это есть, и это, на мой взгляд, проявление непрофессионализма в сложных условиях. Не надо так работать. То же самое с Плющевым — журналистом «Эха Москвы» — абсолютная глупость и хамство, не потому что Иванов неприкасаемый, дело не в этом. Ты пишешь пост, когда над тобой есть Михаил Юрьевич Лесин, который, в общем, тебе не идеологический партнер и не друг, а как минимум оппонент. В этих условиях вопрос о корпоративной дисциплине должен стоять особенно остро. Тем более что уже был опыт. С опросом «Дождя» по поводу блокады Ленинграда. Ну был же опыт, ребята. Эти люди ходят по граблям, и вы по ним же пошли. Не надо по ним ходить! Будьте умнее своих оппонентов, будьте профессиональнее. Я бы Плющева уволил в тот же день. Так и сказал бы: «Знаешь, милый друг, иди-ка, потому что ты дискредитируешь нас. Мы претендуем на некую большую чистоту, чем вот эти грязные люди во власти. Опускаться до их уровня? Ты должен уволиться. Сам». Я бы поступил так. В этом плане Венедиктов молодец, выкрутился. Но он рисковал. А надо ли так рисковать? На мой взгляд, нет. Потому что тут риск необоснованный. Потому что в какой-то момент он перерастает в распальцовку. Ты круче или не круче? Я переиграю и переломлю или не переиграю? Но ведь ты мог подставить весь ресурс, который служит каким-то объективным целям. Я предлагаю вам некую альтернативную точку зрения, другую трактовку. «Эхо Москвы» несет важную общественную функцию, и ты не можешь рисковать этой важной общественной функцией, потому что завтра миллионы людей не выйдут на улицу тебя защищать. Ты живешь в обществе, где все молчат. Если бы ты мог спровоцировать выход миллионов — тогда да, тогда о'кей, тогда это другая игра и ты можешь себе что-то позволить. Но сейчас ты живешь в другом обществе. Не стоит терять рычаги воздействия на общество, которые у тебя остаются. Не надо делать глупостей. Конечно, можно обвинять кого-то в конформизме, но мы живем в обществе, в котором живем, где выход на улицу даже с целью протеста против платной парковки — не против Собянина, а всего лишь против департамента — является определенной политической смелостью. И далеко не все готовы на нее. Сегодня почти никто не готов. Даже обманутым дольщикам выйти и сказать, чтобы застройщик N вернул деньги, страшно. Роль СМИ в таких условиях другая. Не надо подставляться заранее, подождите, вас успеют задавить лет через пять. Но за пять лет вы принесете больше пользы. А может, вообще не задавят.

Теперь по поводу платного принципа. Первое. Думаю, отношение к этому абсолютно разное в России и на Западе, и готовность платить за информацию разная. Россия находится лишь в начале пути. Не хотят пока люди платить за информацию. Второе. Информация должна монетизироваться. Прочтя «Уолл-Стрит Джорнал», я пойду и куплю такие-то акции. Потому что я владею верной информацией или думаю, что это так. Потому что количество игроков на бирже в Америке, количество частных лиц косвенно, через пенсионные фонды, через еще кого-то, — это десятки миллионов людей. А в России это какие-то отчаянные флибустьеры. То есть тот, кто

платит за информацию, может ее потом, грубо говоря, окупить и получить прибыль. Прочту я «Слон», колонку Пупкина, ну и что? Почему я должен платить за колонку Пупкина? Что он мне открыл принципиально нового, что я могу монетизировать? Ничего. Поэтому за «Слон» я платить не буду. А за «Ведомости», скорее всего, буду. Я вот, например, подписан на «Ведомости». Хотя я это рассматриваю как часть профессиональной деятельности. Потому же я подписан на Foreign Info и журнал «Тайм». Мне они нужны по работе. Те, кому «Ведомости» нужны по работе, тоже на них подписаны. Таких людей немного, поскольку российский рынок акций, опять же очень грубое сравнение, меньше, чем капитализация компании Apple, как недавно выяснилось. Попытка «Дождя» добиться каких-то высот рейтинга, на мой взгляд, была обречена на неудачу с самого начала. О'кей, «Дождь» – это нишевый канал. И на него может быть такая же подписка, как на камеру, установленную на Лазурном берегу, через которую кто-то смотрит в онлайн, как люди загорают топлес. Такие люди есть в мире. Они будут подписываться на «Дождь» из маргинальных информационных соображений. Поскольку «Дождь» не является для меня открытием в области информационных технологий, он не является для меня уникальным информационным предложением, за которое я готов платить. Во-первых, потому, что все важное на «Дожде» я прочту в Facebook, причем в виде заголовка. Мне даже подробности не нужны, я вижу заголовок и понимаю, о чем речь. «Дождь» предсказуем как телеканал. Я увидел заголовок в три строчки, все понял и дальше могу ту же информацию, что они дают под своей трактовкой, получить в других источниках, которых масса. «Дождь» не уникален. В данном случае это чисто коммерческая ошибка. С помощью политического ресурса, думаю, «Дождь» восстановит свои позиции в кабельных сетях, у него есть политический ресурс. Поэтому тут ситуация иная, чем была с НТВ. «Дождь» прессуют по дру-

тому поводу. И у него больше шансов, чем у НТВ. Я думаю, он восстановится в каком-то виде в кабельных сетях и на этом все успокоится. А платная подписка, мне кажется, была ошибкой. Хотя тактически, может быть, и нет. То, что они продержались и боролись, было их козырем, и он сработал. В конце концов, если бы они исчезли раньше, никакого политического ресурса не потребовалось бы. А сейчас они дожили до того момента, когда условный добрый Медведев или кто-то еще добрый рядом с Медведевым говорит: «Ну ладно. Нет задачи его запретить. Не время запрещать, пока не надо». А что касается места России в информационном контексте, то она из него уже во многом выпала. У России свой информационный контекст, и это видно по набору новостей.

Ксения Батанова, *шеф-продюсер телеканала «Дождь», Хабаровский край:*

— Мне было довольно интересно слушать ваше выступление. Не буду говорить, с чем я согласна или не согласна. Все точки зрения имеют право на существование, и именно это является нашей работой. Мы позволяем всем высказываться на «Дожде». Другой вопрос, что не все приходят к нам, чтобы высказать свою точку зрения. Я хочу сказать, во-первых, мне не понятно ваше заявление по поводу каких-то наших политических связей. Если у вас есть какая-то информация, поделитесь, пожалуйста. Последние восемь месяцев мы живем на деньги, которые получаем от подписки. Поэтому ваше замечание о том, что это было сделано неправильно, опровергается самим фактом, что мы до сих пор живы. Подписка — единственное, что дает нам возможность жить и работать последние восемь месяцев. У меня на самом деле есть вопрос, он не про «Дождь». Я услышала довольно странную фразу. Мы начали с того, что говорили о правовом государстве, к которому стремимся. И тут вы говорите, что телевизионный рынок можно отрегулировать административным давлением, политическим, то есть можно позвонить, скажем, главному редактору «Комсомольской правды» Сунгоркину и сказать: «Почему твой чувак там говорит то-то и то-то». То есть вы считаете абсолютно нормальным, что рынок регулируется не законами, пусть даже тупыми, которые пишут депутаты, а административными и политическими ресурсами? Может, я не до конца поняла вашу мысль, но мне она показалась странной, если честно. Потому что первое правило журналистики: никто не может на тебя влиять никаким образом. Ты пишешь о том, что видишь, и говоришь то, что видишь.

Георгий Бовт:

— Я намеренно занял подчеркнуто циничную позицию в данном вопросе. Мы, конечно, можем делать вид, что живем в правовом государстве, где право торжествует и где каждый, прежде чем что-то сделать, водит пальчиком по писаному закону. Но это не так. Реалии гораздо более суровы, чем нам кажется. Мне тоже, например, общаться с американскими государственными органами было бы легче, чем с российскими. Потому что я знаю, как там себя вести. Там тебя тетка в буклях не отправит подальше,

потому что у нее сегодня плохое настроение. Они абсолютно предсказуемы, потому что действуют на основании унылых, рутинных регламентов. А у нас все непредсказуемо. Надо знать, кому улыбнуться, кому какие-то конфеты принести, еще что-то. Вот история в Екатеринбурге с Анной Пановой, с бывшим шеф-редактором информационного агентства «Ура.ру» и губернатором Евгением Куйвашевым. О каком правовом государстве мы тут говорим? При этом все разрешилось, правда, относительно благополучно и гораздо более цивилизованно, чем могло бы завершиться, скажем, еще лет пятьдесят назад. Темпы прогресса в России нужно мерять не годами, а десятилетиями. По сравнению с 70-ми и тем более с 50-ми годами прошлого века у нас сейчас наивысшая свобода, которую когда-либо знала Россия. Наивысшая! Но она нам не нравится, потому что она недостаточная в сравнении с другими странами, в сравнении с нашими ожиданиями, которые завышены, на мой взгляд, в сравнении с состоянием общества в целом. Потому что общество расколото на образованное меньшинство, которое мало что решает, но влияет на принятие решений больше, чем выборы, и остальное большинство, которое в принципе пока все устраивает.

Теперь о том, есть ли у меня какая-то инсайдерская информация про историю с «Дождем». Я думаю, что если бы было желание задавить «Дождь» теми же методами, как в свое время давили НТВ, его бы уже не было. По моим глубоко субъективным ощущениям, которые я никогда не подтверждаю документально, у «Дождя» есть симпатизанты в кругах, которые причастны к принятию решений, так я это сформулирую. И это помогает. По поводу перспектив канала скажу так: у каждого нишевого проекта есть какая-то аудитория, но на деньги подписчиков нельзя развиваться, на эти деньги можно прозябать и существовать. На мой взгляд, «Дождь» предлагает свою позицию, и я ее с точки зрения идеологии готов даже разделять. Но с точки зрения коммерциализации проекта, его продвижения, расширения и обретения новых качеств, которые позволили бы каналу развиваться как информационному ресурсу, этой позиции в условиях нынешнего российского общества мало. Если помочь каналу вернуться в кабельные сети, для него это будет хорошо. Но если произойдет возвращение «Дождя» в кабельные сети, я никогда не поверю, что оно произошло просто так, потому что кто-то одумался.

Юрий Лобунов, журналист, г. Брянск:

— Георгий Георгиевич, я знаю два принципиально разных подхода к формированию общественного мнения. Если табуретка сломана, то, чтобы убедить, что она исправна, есть первый способ — отремонтировать табуретку, и тогда объективная реальность убедит меня, что она исправна. И есть второй способ: специально обученные люди сначала убедят меня, что табуретка исправна, потом — что я с нее не упал, потом — что не было у меня перелома, а потом убедят следующего, что он должен сесть на эту табуретку. Экс-губернатор Брянской области Юрий Лодкин в те времена, которые привычно называть тоталитарными, работал молодым журналистом, писал критические материалы. И когда его переманивали в другую сферу дея-

тельности, вопрос решался на уровне политического руководства области. Руководитель обкома сказал: «Нет, Лодкина я не отдам. Он мне нужен, он делает за меня мою работу. Они ищет недостатки, он ищет недочеты». У меня вот какой вопрос: разве политика «закручивания гаек» в отношении СМИ, попытка формировать общественное мнение — на пользу государству? Мне кажется, сломанная табуретка не на пользу никому. «Закручивание гаек» и попытки формирования альтернативной реальности, может быть, идут на пользу неким лицам, которые пытаются приватизировать кусочки власти, но никак не на пользу государству. Прокомментируйте, пожалуйста.

Георгий Бовт:

— Я не говорил, что это полезно государству. Я говорил, как происходит в реальности. Просто я занял такую удобную, циничную позицию: я не за «закручивание гаек», я говорю, что в нынешних исторических условиях можно делать так, а можно делать этак, достигая целей, которые заявлены российским правящим классом. У нас есть правящий режим, есть президент, за которого на выборах проголосовало большинство, и мне кажется, в интересах этого большинства, президента, правящего класса можно было бы делать так или этак. То есть я говорю с точки зрения технологии. Опять же, вечный русский вопрос: если народу дать волю, что он сделает? Сожжет усадьбу. Такое представление родилось не в 2000 году, когда к власти пришел Владимир Владимирович Путин и Сурков стал ведать идеологией. Оно родилось столетиями раньше, и так просто от него не избавиться. А взять на себя такую политическую смелость в нынешних условиях, что сродни авантюризму, боязно, потому что последствия непредсказуемы. Тут работает даже инстинкт не самосохранения, а инстинкт самосохранения государства в их трактовке. И, знаете, участвуя в собрании садоводческого товарищества, я начинаю их понимать, потому что способность договариваться по горизонтальной линии в России совсем не та, что в западных странах. Окажись вы в Кремле на их месте, вы скажете: «Какой дикий народ, нельзя им давать ничего в руки, никакое управление, только сверху». Многие демократы, оппозиционеры, оказавшись у власти, приходили к такому выводу. Неизбежность этого вывода меня поражает и ужасает.

Игорь Хорошилов, корреспондент газеты «Донская искра», Ростовская область:

— Давайте добавим больше конкретики, приблизимся к нашим реалиям. Предположим, сейчас наша власть будет вынуждена разыгрывать карту Новороссии, чтобы оставить Крым в составе Российской Федерации. В таком случае как скоро изменится политика федеральных каналов? Как скоро Киселев опустит свою правую руку?

Георгий Бовт:

— Поделюсь чисто субъективным наблюдением: чем ниже цена на нефть, тем больше демократии. Ставлю запятую, с поправкой на какие-то невоз-

вратные моменты и на менталитет правящего класса. А в принципе — упадет нефть до 20 долларов за баррель, он обе руки опустит, я думаю. Тут есть связь, не прямая, наверное, но Россия же не существует в мире изолированно. Более того, думаю, что если бы объем взаимной торговли с Америкой был бы таким, как у США и Китая, или больше, 800 млрд долларов, то Керри говорил бы о киевской хунте жарче Киселева, и «Ату их», и «Правильно», и «Давайте наведем порядок и установим там понятный всем режим». Недавно глава Китайского регулятивного агентства Интернета был в гостях у Цукерберга в Калифорнии. Цукерберг посадил его в свое кресло, принял книгу от Си Цзиньпина с подписью и рассыпался в благодарностях, говоря, как ему лестно видеть китайского товарища. Между тем Facebook вообще запрещен в Китае.

Алена Алешина, корреспондент информационного агентства «Губерния», г. Хабаровск:

— С учетом всего, что вы сказали, не проще ли журналисту быть не думающим и критичным, а быть неким аппаратом, обслуживающим власть, транслировать правильные мысли, которые власть хочет донести?

Георгий Бовт:

— Тут вопрос личного выбора. Еще раз подчеркиваю: я не занимаю позицию, не говорю, что хорошо, а что плохо, а говорю, как есть. Я думаю, что Цукерберг не защитник идеалов демократии, а бизнесмен. Я думаю, что евробюрократы тоже не ангелы с крыльями и не защитники неких альтруистических ценностей. Вообще в мире, в животном и человеческом, альтруистов всего 10%, и они двигают эволюцию. И эти альтруисты не

сидят ни в Брюсселе, ни в Кремле, ни в Вашингтоне, ни в офисе Facebook. У Америки с Тайванем есть договор о взаимной безопасности: если завтра Китай туда вторгнется, Америка должна начать полномасштабную войну против Китая. Однако, если Китай туда и вторгнется, Америка полномасштабную войну не начнет. Тут персональный выбор, и все. Говорю об этом осторожно, потому что мало ли что делает человек в условиях голода. Посмотрите, что люди делали за пайку в концлагере, и я не дам гарантии, что, оказавшись в концлагере, не буду сотрудничать с местным надсмотрщиком, потому что инстинкт самосохранения у человека самый сильный из инстинктов. Сидя здесь в костюме и галстук, я бы на это не подписывался, потому что подписаться легко, а соблюдать подписанное сложно.

Наталья Бычкова, *магистрант Самарского государственного университета*:

— Вы затронули тему корпоративной дисциплины, и у меня в связи с ней возникла мысль. Мысль не новая и даже стала уже риторической: в демократическом обществе регулирование государством каких-то процессов должно быть сведено к минимуму, в том числе цензурирование. Но, как известно, сетевые СМИ расширили площадку для дискуссии и новости делают уже не только журналисты-профессионалы, но и многие другие, допущенные к созданию новостей, комментированию, то есть к формированию информации. В связи с этим могут возникать проблемы, например снижение качества языка, пропаганда экстремизма... Нужна ли, на ваш взгляд, какая-то определенная цензура в журналистике, нужен ли механизм модерации этих процессов? Или все должно сводиться к самоцензуре?

Георгий Бовт:

— Тут тоже вопрос персонального выбора. Если ты блогер, то отвечаешь за себя сам, зная российское законодательство. Если ты идиот и вывешиваешь где-нибудь постеры про то, как Владимир Путин ест младенцев, то какой с тебя спрос, а если ты идешь на это сознательно, должен знать, что за этим последует. Тут вопрос либо о глупости, либо о непрофессионализме, поскольку то же самое можно написать другими словами. Недавно я беседовал с руководителем крупного интернет-ресурса, который признался, что выловил у своих «писателей» фразу, дословно: «Путин обезумел». Спрашивает: «Что делать?» Отвечаю: «Раньше, в мою бытность в “Коммерсанте”, вопрос решался просто — штраф. Платили “черным налом”, очень просто — штраф, причем очень большой, чтобы раз и навсегда отбить охоту». Одно дело аргументированно описать, что ты не согласен с политикой правящего класса, и другое — писать несурзости или то, что я называю «лезть на рожон». Это как, цензура?

Когда вы находитесь в Дании, вы можете изобразить пророка Мухаммеда в карикатурах. И формально вас в Дании за это никто не посадит, хотя в обществе была большая дискуссия по этому поводу. Но почему-то никто больше этого не делает. Почему не публиковать каждую неделю карикатуру на пророка Мухаммеда? Это цензура или самоцензура?..

Вызовы экономической политики России*

Уважаемые друзья, я рад присутствовать на открытии нового цикла Школы. Я хотел бы, чтобы вы провели четыре дня очень плодотворно, чтобы каждый вышел отсюда с какими-то новыми знаниями, новым видением.

Когда мы говорим о гражданском просвещении и о том, что должен знать каждый и тем более активист гражданского общества, я вспоминаю основы образования, которые в свое время закладывались еще в Древней Греции. Образование свободного человека тогда включало три предмета — риторику, грамматику и логику. Именно они должны помочь каждому внятно формулировать мысли, отстаивая свои права. Если мы хотим быть свободными людьми, мы должны владеть в совершенстве грамматикой, риторикой и логикой, чтобы защищать себя и свою точку зрения.

Я являюсь деканом факультета свободных наук и искусств СПбГУ. Есть привычные факультеты — экономики, физики и пр., а есть факультет свободных наук и искусств. Меня часто спрашивают: «А что же это такое?» Так вот, это как раз то, что в переводе с английского (*liberal arts*) и означает свободное искусство. Это тот самый греческий тривиум, который я упомянул. Из первой двадцатки университетов в мире по всем рейтингам восемнадцать реализуют программу *liberal arts*. Ну а мой факультет является базовой экспериментальной площадкой для реализации этих образовательных принципов в России.

Это вообще особое умение — думать, отстаивать свою позицию, аргументируя ее. Хотел бы, чтобы все вы в конечном счете умели мыслить и говорить свободно, критически осмысливая мнения выступающих экспертов.

Россия сейчас находится в сложной экономической ситуации, мы вступаем в полномасштабный экономический кризис. Не все еще с этим согласны, потому что

*Алексей Кудрин,
министр финансов
(2000–2011);
председатель правления
Фонда Кудрина
по поддержке гражданских
инициатив*

* Выступление на семинаре Школы в Голицыно 11 марта 2015 г.

Ханс Арп. Паук. 1958

статистически не все процессы настолько негативны. В январе у нас был чуть заметный экономический рост — чуть больше нуля процентов. Наш прогноз (и сегодня большинство ведущих экономических экспертных групп и прогнозистов разделяют эту позицию): в этом году, по-видимому, нас ждет падение валового внутреннего продукта на 4% или больше. Официальный прогноз Министерства экономического развития пока что 3%. Ну а другие, в том числе международные институты, предполагают спад в пределах от 3,5 до 4,5%. Есть западные инвестиционные банки, которые показывают и 6%.

В 2008–2009 годах у нас тоже был спад, но тогда весь мир погружался в рецессию. Сейчас наоборот: в среднем в мире рост ожидается больше 3%. В США экономика растет, в Европе будет небольшой совсем, символический рост — около 1%. На этом фоне Россия показывает спад. Есть несколько причин такой ситуации.

Наиболее «популярная» — падение цен на нефть. Причем к 2014–2015 годам Россия стала зависеть от цены на нефть еще больше, чем раньше. Если в кризис 2008–2009 годов мы входили, когда наш бюджет балансировался при цене на нефть в 65 долларов, то в этот — бюджетное равно-

весие достигалось только при цене в 102 доллара. То есть мы существенно больше стали позволять себе тратить. А обязательств набрали много: и зарплаты повысить, и дороги построить, и оборону укрепить, и еще пенсии повысить. Когда вся экономика постепенно привыкает к высоким мировым ценам на энергоресурсы, то она попадает в полную зависимость от их уровня. Когда цена падает, денег в бюджете попросту не хватает. Приходится снижать инвестиции, потому что экономия на зарплате в госучреждениях — проблема деликатная. Приходится сокращать другие государственные расходы. В этом году сокращаются расходы на образование, здравоохранение. Только на оборону пока не только не сокращаются, а растут. И некоторые социальные пособия будут расти и индексироваться по инфляции. Но многие другие важные расходы все же сокращаются. Мы применяем так называемый проциклический механизм экономики: когда цены на нефть на достаточном уровне, активно тратим наши нефтегазовые запасы, временные ресурсы, потому что средства от продажи нефти — это временные ресурсы. Если цена нефти падает, меньше становится и ресурсов. Резервов хватит только на два-три года, чтобы продержаться, пока цена, может быть, снова начнет расти.

Как бороться с этой зависимостью? Может быть, надо было на эти деньги построить заводы, не связанные с нефтью и газом? Так думают многие, но они не учитывают реальные механизмы денежно-кредитных отношений как в России, так и в мире.

Дело в том, что мы с вами живем в рублевой зоне. Мы рубли тратим, зарплату получаем в рублях, коммунальные услуги оплачиваем. Если вы хотите инвестировать на территории России, то нужны рубли. Доллары и евро можно держать на счете для внешних расчетов: оплаты импорта или возврата кредита. Их можно

продать на рынке, на бирже, получить рубли и выдавать зарплату, инвестировать. У нас ни одна компания по закону не имеет права производить внутренние расчеты в валюте.

Чтобы поднимать экономику, строить заводы, нам, оказывается, нужны не доллары, нам нужны рубли. Тогда давайте напечатаем рубли и построим эти заводы, все в наших руках. Но оказывается, если мы начинаем печатать рубли, то возникает инфляция. Потому что рублей в обращении нужно ровно столько, сколько требуется для оборота, для инвестиций. Чтобы, не раскручивая инфляцию, увеличить инвестиционную активность, нужно сделать так, чтобы те рубли, которые уже обращаются в экономике, были направлены в инвестиционные проекты. Как только растет производство, спрос на деньги увеличивается, и вот тогда можно их печатать. То есть не сначала деньги, а затем — экономический рост, а наоборот: сначала увеличение деловой активности, а потом Центральный банк увеличивает предложение денег. В жизни это не так, конечно, линейно происходит. Одно другое чуть-чуть опережает, но логика примерно такая.

Вообще деньги в экономике имеют несколько качеств, в том числе скорость обращения. Чем она меньше, тем больше можно держать в обороте денег, не вызывая инфляции.

И есть еще один важный момент — сбережения. Дело в том, что банки имеют право брать в десять раз больше средств, чем стоит их собственный капитал. То есть на одну единицу капитала можно принимать десять единиц вкладов и десять единиц выдавать кредитов (есть такой норматив). Но, аккумулируя средства вкладчиков, банки начинают кредитовать друг друга. То есть деньги проходят огромную цепочку кредитования и возникает денежная мультипликация, которая увеличивает, по сути, предложе-

ние денег. Так вот, на единицу условных рублей, вносимых в базовую часть денег, коэффициент в разных странах разный. Например, в стабильных странах с хорошим коэффициентным рейтингом такой коэффициент достигает шести, в Китае он достигал десяти к одному «рублю» наличных денег. В нашей стране всего три-четыре.

Оказывается, что экономика — это как губка, которая или впитывает деньги, или нет, создает или не создает денежный мультипликатор, увеличивающий их количество, в том числе для инвестиций. Когда негативных, рискованных факторов не так много, когда сохраняется стабильный деловой и институциональный климат, то банки охотнее дают деньги, денежное предложение в экономике вырастает в силу спроса на них, в силу готовности банков кредитовать, а их клиентов — брать кредит. Таким образом, не печатая деньги, можно увеличивать их количество в экономике в два-три раза.

Значит, чтобы получить серьезный объем инвестиций и рост экономики, нужен хороший инвестиционный климат, нужны устойчивые банки с правильными принципами работы. При этом долларов нам не так уж много и надо.

До нынешнего кризиса, например, в 2010 и 2011 годах, инвестиции в основные фонды в России составляли 13 трлн рублей. Это величина примерно федерального бюджета страны. В долларовом выражении в год инвестиции доходили до 400 млрд долларов. Поэтому когда говорят, давайте где-то еще 5 млрд долларов найдем на инвестиции, то вообще-то сам механизм внутренней экономики должен создавать условия, чтобы деньги шли в инвестиции. Только примерно 15% инвестиций в стране должны покрываться за счет внешних источников. То есть инвестиции должны быть обеспечены в основном внутренними источниками. Поэтому, если мы хотим нарастить инве-

стиции в реальное производство, в промышленные предприятия, нужно думать об источниках инвестиций, формируемых в рублях через внутреннюю финансовую систему, думать об инвестиционном климате.

Мы не являемся сверхзависимой от внешнего мира страной. Однако даже 15% внешних инвестиций имеют значение, потому что, как правило, это более эффективные вложения, с высоким уровнем технологий. Ведь, вкладывая свои средства, западные банки семь раз отмерили, скрупулезно оценили проект, перспективы его отдачи, риски и прочие условия. Поэтому приток капитала в страну или его отток являются важным показателем для инвестиций иностранных компаний, которые они размещают у нас. Как правило, прямые инвестиции связаны с внедрением новых технологий, в которых мы нуждаемся. Собственно, в этом суть внешних инвестиций — привезти в Россию то, чего здесь нет, и на этом быстро заработать.

Еще одна особенность нашей экономики. С 1992 по 1999 год Россия продала нефти, газа и нефтепродуктов на 200 млрд долларов. А с 2000 по 2011 год — на 2 трлн. Нефтегазовые компании платят налоги. Чем выше цены — тем выше налоги. В некоторые годы до 50% выручки добывающих компаний уходило на налоги. Часть средств предприятия продавали, чтобы купить рубли для операций внутри страны. Долларов на нашем рынке становилось все больше, и они дешевели по отношению к рублю. Это означало, что наша средняя зарплата в пересчете на доллары чуть-чуть росла, мы на нее могли больше импортных товаров купить, потому что импорт становился дешевле вслед за падением доллара. Российские граждане стали покупать больше иностранных товаров более высокого качества, чем у нас, чаще отдыхать за границей, покупать импортные автомоби-

ли, компьютеры и пр. Соответственно произошло увеличение импорта — с 50 млрд долларов в 2000 году до примерно 350 млрд в прошлом году. Такой рост импорта убивает внутреннее производство, потому что, оказывается, проще ввозить товары из-за рубежа, чем производить у себя. Этот механизм называют голландской болезнью.

Моя недавняя статья как раз была посвящена анализу того, насколько у нас проявилась эта болезнь. Есть оценки, что она у нас проявилась неявно и к тому же удешевила завоз технологий, нового оборудования. Многие заводы переоборудовались и стали более производительными, то есть они как бы чуть-чуть компенсировали уменьшение внутреннего производства в нашей стране. Но сегодня мы находимся в самом эпицентре кризиса по времени, в этом году в силу девальвации рубля импорт может сократиться на 40%. Напомню, доходы предприятия получают в рублях, на которые они должны купить доллары, чтобы приобрести импортные комплектующие, материалы, оборудование. Однако это все стало в два раза дороже. Подорожали потребительские товары. Жизненный уровень снизился. Если бы все товары были импортные, то наш жизненный уровень упал бы еще заметнее. Но есть все же и отечественные товары. На продовольственном рынке до последнего времени импорт составлял половину потребления. Его сокращение привело к росту цен. Ситуацию ухудшили и те ответные санкции, которые мы сами на себя наложили. Например, мяса и рыбы было ввезено в январе 2015 года по сравнению с январем прошлого соответственно в пять и в три раза меньше, что, естественно, отразилось на ценах. По всей массе товаров цены вырастут, пусть

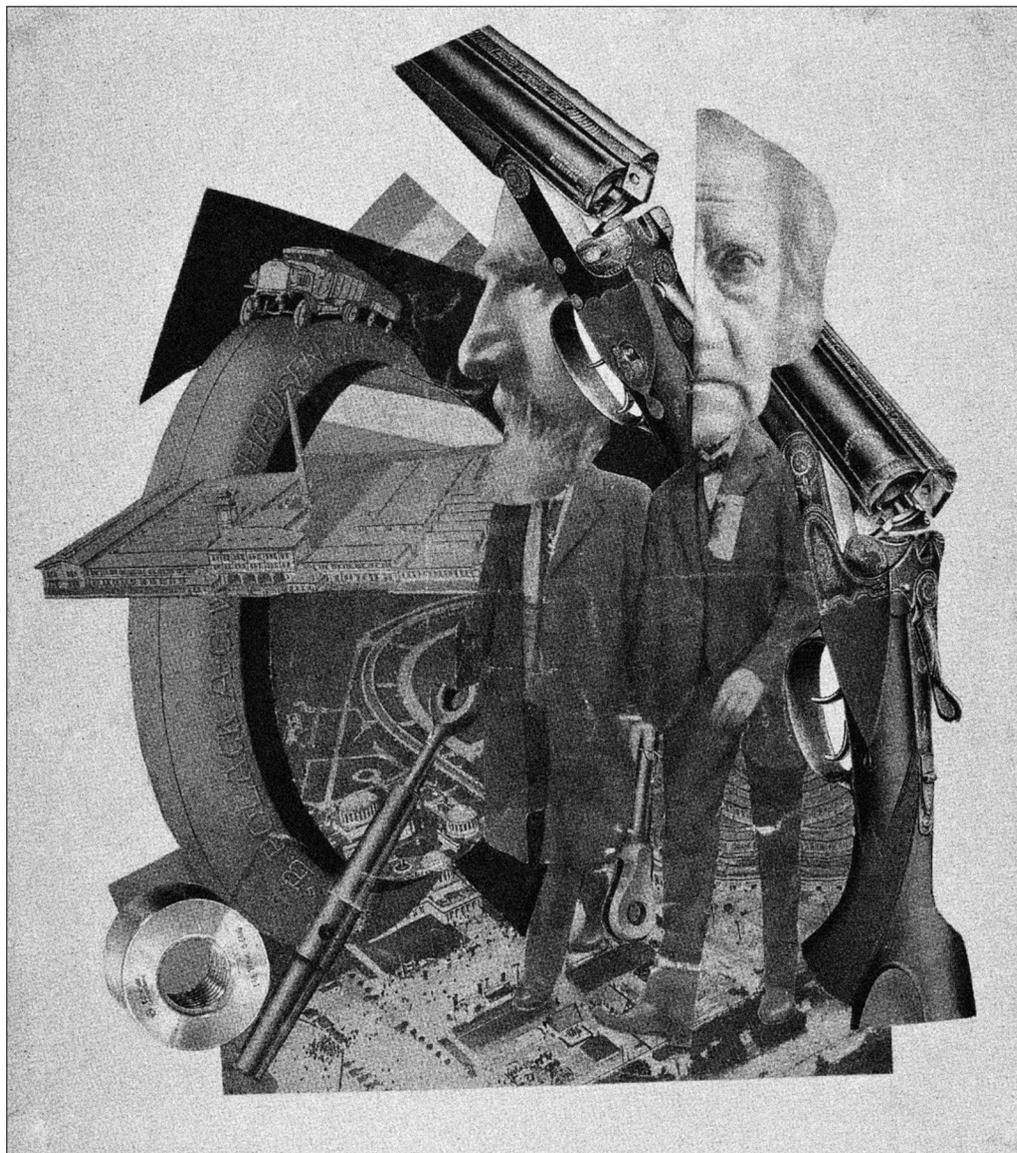
не в два раза, но примерно на 20–30% они уже подросли.

Возвращаюсь к нашей сырьевой зависимости. Доллары, попадающие на рынок для продажи, обычно не создают дополнительных возможностей для использования внутреннего потенциала, они сти-

Масса ограничений, зарегулированность, трудность получить разного рода разрешения, согласование по многим видам деятельности тормозят предпринимательство

мулируют импорт. Поэтому нужно очень осторожно относиться к использованию валютных ресурсов страны и в пике роста сырьевых цен часть выручки вкладывать в резервы, которые мы много лет и создавали.

Я обозначил один фактор, который сегодня влияет на снижение темпов роста — это падение цен на нефть и снижение валютных доходов нашей страны. Нам нужно в меньшей степени рассчитывать на высокие цены на нефть. Они не будут всегда высокими, скорее всего мы миновали исторический пик цен. Если пересчитать цены 2011–2012 годов, то предыдущий пик цен на нефть был в 1982–1983 годах. В пересчете по сегодняшнему курсу цены бочки нефти были тогда примерно 100 долларов. Потом они упали до 12, до 8 долларов. Почему это произошло? Мы не знаем всех законов этого рынка. Самая непредсказуемая величина во всех прогнозах — это цена на нефть. Ее падение в 1998 году никто не предсказал. Да, какой-то тренд инвестиционные банки и финансовые эксперты почувствовали, но когда и насколько она упадет, никто не смог угадать. Вот почему нам нужно снижать сырьевую зависимость, улучшать инвестиционный кли-

Ханна Хёх. Финансовые воротилы. 1923

мат в стране, увеличивать поддержку и кредитование в экономике.

Вторая причина падения ВВП в стране — это санкции. Они существенно повлияли на нашу экономику в конце прошлого года и в этом. Такая девальвация рубля, которая произошла в ноябре-декабре 2014 года, связана не только с нефтью, но и с санкциями. Причем доля санкций с середины декабря была выше по силе воздействия, чем падение цены нефти.

Мы можем это сравнить по девальвации валют в странах — производителях нефти. Во всех этих странах девальвация составила 10–15%. У нас существенно больше.

Если цена на нефть падает на 20 долларов, то страна недополучает около 100–120 млрд долларов доходов. Это и влияет на курс соотношения рубля и доллара, так как уменьшение притока долларов увеличивает стоимость доллара в рублях.

У нас накопились кредиты, которые мы взяли. Их сумма не является критической для ВВП страны, для обычной жизни, когда нет санкций. Это вполне разумная величина, которая была необходима для кредитования производителей, которые выбирали, где получать инвестиции — у своих банков или у иностранных. Таких кредитов Россия в корпоративном, а не в государственном секторе имела около 640 млрд долларов к моменту введения финансовых санкций в середине 2014 года. В рамках санкций нам объявили, что мы не сможем заимствовать на внешнем финансовом рынке, по крайней мере не смогут наши основные банки. Но и другим тоже, в общем-то, перекрыли каналы кредитования, как и многим предприятиям. В результате для погашения кредитов требуется около 120 млрд долларов ежегодно. Это как если бы цена барреля нефти снизилась на упомянутые выше 20 долларов. Вот почему до прошлого декабря влияние от санкций оказалось даже выше, чем снижение цены на нефть. Мы получили двойной удар, что не могло не подстегнуть девальвацию рубля.

Но дело не только в деньгах как таковых. Когда страна попадает в такую ситуацию, это создает для бизнеса непредсказуемые риски, они не выражаются только в суммах невзятых кредитов или в объеме возврата кредита. Риски возникают системные. Вдруг в качестве санкции отключат SWIFT*? Или мы не сможем больше закупать импортную продукцию, комплектующие для машин, станков, оборудования, катализаторы для химических процессов, удобрения, электронные элементы для техники, которую мы выпускаем и пр. То есть возникают риски ожидаемые, будущие неопределенности. И непонятно, реализуются они или нет. Потом правительство объявляет: «Девальвация оказалась

выше, чем мы предполагали в силу всех этих обстоятельств, и мы вводим дополнительные ограничения. Просим сетевые супермаркеты не увеличивать цены на отдельные товары или увеличивать их на определенную величину. Ценообразование будет зависеть не от спроса и конкуренции на рынке, а в связи с тем, что мы посчитаем ваши издержки и позволим вам чуть-чуть заработать на этом». Явно антирыночная мера.

И наиболее часто проявляемое беспокойство бизнесменов и населения — а не прекратят ли обмен валюты? А не ограничат ли движение капитала? Движение капитала значит право инвестировать в Россию иностранным компаниям без ограничений. Процедура регистрации идентична регистрации бизнеса гражданином РФ, регистрируй фирму и работай, строй... Нет ограничений для входа иностранных компаний. И для выхода тоже — можно все это продать, обменять рубли на доллары, забрать их и больше сюда не возвращаться. Это свободный импорт и экспорт капитала. Режим свободного движения капитала действует у нас с 2006 года. Ведь инвестиции в Россию, торговлю в России обслуживают тысячи предприятий, сотни банков. Когда-то им выгоднее открыть счета вне России, когда-то внутри России, когда-то им нужно держать свои международные резервы внутри России, когда-то вовне. Поэтому, если такие возможности ограничиваются, дорожают транзакции. Сегодня все ожидают, что в силу санкций возникнут и всякого рода ограничения. Риски превышают только лишь обычные издержки движения капитала, они могут наступить неожиданно в любой момент. Если риски нельзя просчитать и твоя валютная выручка может измениться в будущем, то бизнес на всякий случай не

* Международная межбанковская система передачи финансовой информации и платежей. — Прим. ред.

спешит инвестировать в производство. Если издержки в России станут для инвесторов чрезмерными, какие-то производства в стране не будут созданы. Вот группа проблем, связанная с санкциями.

Третья группа негативных факторов, сдерживающих экономический рост, основная. Она связана с отсутствием реформ. Может ли Россия добиться экономического роста в 5–7%, чтобы компенсировать кризисные потери и хотя бы не отставать от развитого мира? Может. Но как? Можно ли стимулировать экономику увеличением денежной массы? В нашей экономике в настоящий момент в силу сочетания ряда факторов это не даст никакого результата и вызовет скорее увеличение инфляции. Дело в том, что проблема не в доступе к деньгам, а в эффективности их использования. Мы можем построить предприятие и производить какую-то продукцию, но если она будет уступать по потребительским свойствам или по себестоимости такой же ранее производимой у нас или импортной продукции, то она не будет продана. Роста цен на нефть ожидать не стоит. Спрос тоже расти не будет, как в прошлые годы. Потребительское кредитование, которое было одним из драйверов спроса, выработало свой ресурс. Как при растущем спросе увеличить производство на 5–7%? Можно, но только увеличивая внутреннее производство качественного продукта, вытесняя импорт или выходя на рынки с более конкурентоспособной продукцией по качеству и издержкам. Страна должна освободиться от предприятий с высокими издержками. Необходимо переоснащение промышленного производства на инновационных принципах, повышение качества человеческого капитала и его доли в произведенном национальном продукте.

Чтобы производительность труда росла, нужны модернизация производства, до-

ступные кредиты. Чтобы снизить стоимость кредита, должна снижаться инфляция, что вряд ли возможно без аккуратной денежной политики.

Безусловно, негативный фактор, тормозящий развитие любого дела, — недопустимые административные издержки предприятия при открытии и ведении хозяйственной деятельности: немислимое количество ограничений, столько проверок со стороны государства. До шестидесяти только федеральных органов контроля, которые всюду трудятся в каждом субъекте, да еще местные им помогают. Есть случаи, мне рассказывают, когда контрольные органы договариваются об очередности проверки успешного предприятия. Ведь ясно же, что проверять надо там, где деньги лежат! Масса ограничений, зарегулированность, трудность получить разного рода разрешения, согласование по многим видам деятельности тормозят предпринимательство. Все это нужно сокращать существенно.

Коротко о других факторах, сдерживающих развитие. Очень дорогая и очень некачественная инфраструктура. Наши железные дороги работают медленнее, чем в среднем в мире, автотранспорт и подавно. Это повышает издержки экономики в целом.

Конечно, есть проблема налогообложения. Я бы не на первые три места их поставил, но страховые взносы всех очень мучают.

Где-то нужны субсидии, кредиты — скорее на инфраструктуру и в отдельных отраслях для решения прорывных задач, например для стимулирования модернизационных проектов, внедрения инновационных производств.

Я отметил некоторые факторы, которые связаны с разного рода издержками, которые неотделимы от государственного участия. Это регулирование как в разрешительной, лицензионной, контроль-

ной деятельности, так и в плане государственных расходов. Если проанализировать характер бюджетной деятельности государства, то, с одной стороны, представляется слишком высоким уровень государственных расходов, а с другой — их несовершенная структура. На мой взгляд, необходим бюджетный маневр. Нужно раза в три больше выделять средств на развитие инфраструктуры при снижении общегосударственных расходов. Это как раз и подразумевает их реструктурирование.

Например, в 2015 году на высшее образование, включая содержание всех лабораторных баз и финансирование научных исследований, выделено 600 млрд рублей. А только рост военных расходов в этом году тоже составит 600 млрд, достигнув 3,3 трлн рублей. Из-за падения цен на нефть некоторые бюджетные расходы снизятся, кроме обороны, разумеется. Не станут также сокращать расходы на социальные пособия, а какие-то даже проиндексируют, не уменьшатся и даже вырастут зарплаты и пенсии. На 10% сократят жалование чиновникам. Но таких чиновников у нас от всего количества бюджетных работников в стране наберется около 10%. Важно, что средняя зарплата в стране вряд ли будет расти. Значит, не будет расти налоговая база, из которой финансируется Пенсионный фонд, значит, и он не будет расти, хотя пенсии все равно увеличиваются. Как покрывать дефицит? Для этого приходится залезать в бюджет, вводить мораторий на отчисление средств в накопительную часть пенсий и т.д.

Социальные пособия разным категориям граждан будут индексироваться, но, скорее всего, не на величину инфляции, которая превысит 10%.

Велика вероятность сокращения расходов, не связанных с заработной платой, — на образование, здравоохранение, инфраструктуру, строительство дорог, школ,

больниц и т.д. Тем самым ухудшится бюджетная структура. Для улучшения бюджетной эффективности в стране нужно модернизировать логистику и инфраструктуру, а их ожидает недофинансирование. Соответственно в жилищно-коммунальном хозяйстве, которое дотируется субъектами, будут уменьшаться расходы на ремонт, реконструкцию и строительство новых коммуникаций. Будут только поддерживаться и ремонтироваться старые.

Это модель проциклического развития экономики. Бюджет должен помогать в период спада — увеличивать спрос, инвестировать, чтобы заместить снижающиеся частные вложения.

Например, в 2008–2009 годах государство увеличило инвестиции за счет резервов, которые были накоплены. Почему считается более или менее успешной та антикризисная программа? Потому что она была контрциклической, она тогда компенсировала частично сокращение спроса в экономике. Возросли риски, частная активность уменьшилась, государственная увеличилась. Не перекрыла падение, но свою долю в решение проблемы внесла.

Сейчас все иначе. Слишком очевидной стала зависимость страны от высокой цены на нефть. А когда она упала, пришло время сокращать бюджетные расходы, поскольку, скорее всего, не прожить только на средства Резервного фонда, если просто его тратить. Надо хотя бы года на три его растянуть. Уже в этом году сокращение бюджетных расходов составит около 700 млрд рублей, но, повторяю, рост оборонных расходов на 600 млрд это не затронет.

Я сейчас коснулся одной из уязвимых наших тем — изменения структуры государственных расходов, но к таким фундаментальным вопросам относится и доля государственных предприятий в экономике и вообще наличие конкуренции в

экономики, и проблема полномочий федеральных и центральных институтов власти. Надо больше оставлять доходов субъектам, чтобы они оперативнее решали свои проблемы. На мой взгляд, это снизило бы и трансфертные издержки.

Можно говорить о целом спектре серьезных реформ. Среди них, бесспорно, реформа пенсионной системы. Дело в том, что количество пенсионеров будет увеличиваться в силу роста продолжительности жизни, а приток новых плательщиков налогов уменьшится из-за малочисленного поколения 1990-х годов рождения. Этот объективный разрыв наступает. Налогов, которые мы предполагаем по нынешней ставке собирать, все меньше и меньше будет хватать на пенсионеров. Следовательно, предстоит сокращать пенсии по отношению к средней заработной плате, когда будет падать так называемый коэффициент замещения, который и так у нас значительно ниже 40% от утраченного заработка, рекомендуемых Международной организацией труда.

Как повлиять на это соотношение? Есть несколько вариантов. Первый — повышение налогов. Все ли готовы к повышению налогов? Думаю, нет. Даже в 2010 году повышение ставки страховых взносов с 26 до 30% заметно увеличило нагрузку на предприятия. Сейчас обсуждается увеличение ставки для опасных предприятий, где работники могут раньше выходить на пенсию. Работодатели теперь будут за досрочные пенсии дополнительно платить от 4 до 6% зарплаты работников. Какие еще могут быть способы решения пенсионной проблемы, если не повышение налогов или снижение коэффициента замещения? Только повышение пенсионного возраста. Я за увеличение пенсионного возраста в силу вполне понятного обстоятельства — возросла до 71 года средняя продолжительность жизни. Уходить на пенсию в воз-

расте 55 или 60 лет рановато для любой страны. У нас страна одна из немногих, которая имеет такой низкий пенсионный возраст. Более того, эффективный возраст выхода на пенсию еще ниже! Для женщин это 52–54 года, а для мужчин меньше 58 лет, потому что значительная часть тех и других выходит раньше на пенсию с вредных производств, предприятий с особыми условиями труда — те же летчики, военнослужащие и др. Если подсчитать средний возраст всех официально выходящих на пенсию, он будет еще существенно меньше официальных 55 или 60 лет. С другой стороны, верно и то, что пенсионеры далеко не всегда расстаются с работой, получая и зарплату и пенсию. Это повышает в целом жизненный уровень населения страны и самих пенсионеров, разумеется. Без этого многим пришлось бы бедствовать. Смысл реформы в том и состоит, чтобы оплата работающих была высокой и при выходе на пенсию люди тоже получали достойную пенсию. Сегодня низкий пенсионный возраст является одной из причин низкой пенсии. Словом, проблему пенсионного возраста оправданно экономически и социально, в силу того что величина трудовых ресурсов у нас сокращается. Сегодня это один из крупнейших резервов экономического роста. Эта мера примерно на седьмом–десятом году после ее введения даст экономический эффект в нынешних ценах триллион рублей. Это большие деньги. Можно и дороги построить, и образование поддерживать, и социальные пособия выплачивать. Это серьезный ресурс.

Я коротко обозначил только некоторые структурные реформы, которые снижают издержки и повышают эффективность экономики. Эти структурные реформы назрели, они стоят перед многими странами мира. И нам, чтобы не отставать, надо решительно действовать.

Чего ждать от кризиса*

Россия вступила в кризис — очень специфический по ряду признаков и факторов. Этот кризис внутренний и связан с плохой работой институтов в самой стране. Почему? Рассуждения очень просты: спад экономической активности явно обозначился уже в 2012 году, до всякого Крыма. Модель развития, которую мы создали, завела Россию в тупик, она больше не работает. Инвестиции падают, реальные доходы населения тоже, отток капиталов растет. Фактически реализовался сценарий стагнации, которая плавно перешла в кризис и рецессию. События на Украине, санкции, антисанкции и самый сильный фактор, падение цен на нефть, только придали процессу спада ускорение.

Нет сомнения, кризис этот будет длительным. И в его основе на этот раз, что признается в сообществе аналитиков, вместе с внешними факторами лежит неэффективное управление экономическими процессами в условиях негативного состояния экономики, накопленного за долгие годы.

Однако нынешний кризис удивителен тем, чего не было ни в 1998-м, ни в 2009 году — пока отложено существенное падение промышленного производства. Рынок труда пока тоже почти не реагирует на кризис. Спада все равно не избежать, но явно его последствия обозначатся к концу года, и глубина его будет различной в разных отраслях и регионах. А это означает, что конфигурация кризиса какая-то иная, чем прежде, что он иначе будет проявляться в регионах и городах. Попробуем в этом разобраться.

В подавляющем большинстве регионов уже сегодня существенно просели расходы на экономику, а это финансирование транспорта, дорожного строительства, поддержка агросектора, отдельных отраслей экономи-

*Наталья Зубаревич,
директор региональной
программы
Независимого института
социальной политики*

* Статья подготовлена на основе выступления автора на семинаре Школы в Голицыно 13 марта 2015 г.

ки, инфраструктурное развитие и пр. Но российские регионы уже начинают экономить на том, на чем экономить вроде бы запрещено, — на социалке. В девяти регионах пошли вниз расходы на образование, в шести или семи снизились расходы на соцзащиту. Бюджет здравоохранения, если считать вместе с расходами на медицинское страхование, урезан только в трех регионах, и все они дальневосточные — Еврейская автономия, Амурская область и Чукотка. Понятие «участковый врач» вообще выходит из обихода, штат медучреждений все меньше, в районных больницах закрываются отделения, остаются только скоропомощные.

Происходит это потому, что второй год подряд у бюджетов субъектов РФ чудовищный дефицит. В 2013 году их бюджетный долг составил 640 млрд рублей, а сейчас 469 млрд, помимо долга, который уже был. Россия встречает кризис в состоянии тяжелой разбалансировки бюджетов субъектов Федерации, на которые приходится и основные социальные расходы в стране.

Совокупный долг регионов на начало 2015 года составлял 2,3 трлн рублей — треть от всех своих доходов за вычетом трансфертов. Трансферты — не региональные деньги, их распределяет Федерация. Самая тяжелая ситуация сложилась в Мордовии и на Чукотке, долг которой был одно время в 1,3 раза выше ее расходов. Как в России справляются с острокризисной ситуацией? Не так давно у нас Росстат стал измерять индекс роста стоимости жизни в городах, в зависимости от которого, в частности, федеральный бюджет выделяет трансферты. Чем жизнь дороже где-либо, тем больше дают денег из бюджета. Для Чукотки индекс стоимости жизни оказался в 2011 году вдвое выше, чем в предыдущем. Это означает, что здесь в два раза увеличили трансферт. Предполагаю, что у большинства губернаторов нет таких серьезных ресурсов, чтобы корректировать индекс в пользу своих регионов. По всем субъектам суммарно трансферты не росли, а за последние три года падали.

Ситуация с долгами регионов усугубляется еще и потому, что, например, в долге за октябрь–декабрь 2014 года с 39 до 45% выросла доля кредитов коммерческих банков. Что это значит? Процент по кредиту коммерческих банков держится на уровне 9–10% — примерно в два с половиной раза выше, чем ставка бюджетного кредита, и его надо отдавать, его очень трудно пролонгировать. Однако договорились, что часть коммерческих кредитов будет замещена бюджетными кредитами, которые в разы дешевле и их можно надолго пролонгировать. В конце концов, если федеральный Центр своими решениями добавил регионам совсем не столько денег, сколько надо было на выполнение указов, хорошо если 30%, то должен же он как-то разруливать эту ситуацию. Пока сумма, зарезервированная в качестве антикризисной меры, составляет 160 млрд рублей для решения долговой проблемы. А ведь только долг коммерческим банкам составляет больше триллиона рублей!

Но есть регионы, которым ничего не страшно, — та же Чукотка, та же Мордовия, Ингушетия, Чечня. Почему? Да, у них тоже есть долги, но это полностью долг федеральному бюджету, и уж как-нибудь они между собой договорятся. А что делать другим должникам, совершенно неясно.

Каков итог на начало 2015 года? 45% российских регионов имеют одновременно и дефицит своего бюджета, то есть доходы меньше расходов, и долг. Причем я говорю только о регионах с долгом в более чем половину собственных доходов. А это означает, что долг отдавать не из чего. В России были и остались четыре-пять регионов, у которых не было проблем, и возглавляла этот список Сахалинская область. У нее был огромный профицит бюджета, не потому что там так хорошо работали, а потому что у соглашения о разделе продукции разработки от шельфовых нефтяных месторождений такая логика. В те годы, когда компания-партнер много инвестирует в развитие, прибыль у нее небольшая и регион получает немного. Но есть годы, когда она снижает инве-

Скорее всего, нынешний кризис обернется снижением доходов. Рост безработицы вряд ли будет критическим, но затронет не только промышленные города

стиции (как сейчас, когда падают цены на нефть), соответственно образуются излишки средств и в регионах остается приличная прибыль. Сахалин был единственным регионом с огромным профицитом, ростом доходов. И тут подтверждается правило Российской Федерации: никогда не показывай, что ты богатый. Или будь готов делиться.

Федералы это понимают, но поддерживать дефицитные субъекты, то есть практически все, не собираются. Объем трансфертов устойчиво сокращается с 2012 года, как и их доля в доходах субъектов Федерации. Несмотря на кризисное состояние бюджетов регионов, денег дается столько же или даже меньше, чем прежде. Регионы должны решать свои бюджетные проблемы сами.

Кому Россия будет помогать в дальнейшем? Все вы живете в разных местах, и, наверное, надо понимать логику власти. Вы можете сказать: «Какая может быть логика у власти?»

Вообще есть два подхода к развитию территорий: рыночный и выравнивающий. Если вы снимаете узду с более конкурентоспособных регионов, уменьшаете, например, объем изымаемых в центральный бюджет налогов, притом что там хорошие ресурсы, выше человеческий капитал, может быть, более вменяемая власть. В таких условиях они растут быстрее и тащат страну за собой. Это рыночный подход. И можно создать преференции в виде особых зон, как сделали у себя китайцы. Суть в облегчении условий экономической деятельности тем, кто явно имеет какое-либо конкурентное преимущество.

Второй вектор региональной политики — выравнивающий. Недопустимо, чтобы в стране были очень большие неравенства в доступе к общественным благам. Поэтому деньги, которые зарабатываются сильными регионами, направляются в федеральный бюджет и из него перераспределяются в пользу слабых. Формула очень простая: если делается ставка на рыночную региональную политику, растет неравенство межрегиональное, но страна развивается быстрее. Если же осуществляется выравнивающая

Елена Preis. Двое. 2005

политика, то территориальное неравенство в стране может сокращаться, но в целом она все больше отстает от развитых государств. Вот цена вопроса. И власть в любой стране ищет свой оптимум. Этот оптимум может меняться с течением времени под влиянием обстоятельств. Россия свой оптимум нашла, перестав оказывать квазиподдержку так называемым локомотивам роста, которая все равно реальной поддержкой не была, и выбрала путь регионального выравнивания. Мы действительно перерас-

пределяем много, и это понятно, потому что мы страна нефтяной ренты. Мы эту ренту собираем в центр, а потом происходит масштабное перераспределение. Но главные приоритеты теперь понятны, они геополитические: страна с огромной территорией больше всех других поддерживает три региона. Первый регион — там, где стреляют, — Северный Кавказ. Второй соседствует с Китаем, это Дальний Восток. И третий ныне стал самым главным — это Крым.

Вот доказательство: за девять с половиной месяцев 2014 года каждый одиннадцатый рубль трансфертов ушел в Крым, что составило 159 млрд рублей. Для сравнения: весь бюджет Красноярского края за год — порядка 180 млрд. В Красноярском крае население сопоставимо с крымским, но он эти миллиарды зарабатывает. Доля прямых трансфертов из федерального бюджета в крымский — 80%. А если учесть, что федеральная власть оставляет Крыму весь НДС, который положено перечислять в федеральный бюджет, все 8 млрд рублей, то получается, что уровень дотационности территории — 85%. Для сравнения: в Ингушетии — 87%, в Чечне — 82%. Уровень дотационности Севастополя — 70%, ровно столько же у Дагестана.

Посмотрим, как расходуется бюджет округа. Такую массу денег Крым даже не смог переварить: профицит бюджета — почти 20 млрд. В структуре расходов 42% суммарных затрат Севастополя и Крымского федерального округа — это расходы на социальную защиту. В среднем по России — 15–16%. При этом собственно пенсионное обеспечение идет не из бюджета, а из Пенсионного фонда. Через бюджет идут всевозможные надбавки. То есть почти половину денег Крым потратил на надбавки. 15% примерно идет на экономику — это 15–20 млрд рублей. В этой сумме почти половина — дотации на стоимость топлива, завозимого в регион. Выходит, что экономика региона — это просто финансирование доставки сюда необходимых ресурсов, включая ту же воду, перекрытую Украиной. 16% идут на образование, 12% — на здравоохранение. Вот такая картинка... Кто-то скажет: «Ну, первый год! Можно понять трудности». Согласна! Давайте посмотрим, что будет дальше.

Хотелось бы теперь понять, что вообще в стране происходит. Например, сравнить два кризиса. Кризис 2008–2010 годов прошел в целом без заметного спада доходов населения. Поздней осенью 2008 года полетели бонусы, всякие дополнительные выплаты. В Москве кризисные симптомы были по статистике очень серьезные, но потом все выправилось и к концу 2009-го кризис практически не ощущался. Чуть сократилась только зарплата.

К концу 2014 года обозначилось некоторое падение доходов от силы в трети регионов. Но вот в декабре рванула вверх инфляция. По итогам 2014-го она составила 11,4%. В 2015 году этот инфляционный спад доходов не просто продолжится, а усилится. Может быть, до 16%. В декабре 2014-го в двух третях регионов доходы упали на 10–14%. Более всех проблемы испытали Сибирь и Урал — кормильцы наши ресурсные. Почему? А потому что во всех ресурсных отраслях зарплата складывается очень своеобразно. Увольнять-то у нас людей тяжело, поэтому снижение издер-

жек бизнеса происходит через снижение заработной платы. 30–40% зарплаты — тариф, который вам платят всегда, а дальше бонусы, надбавки, премии. Когда ситуация ухудшается, вы лишаетесь бонусов, надбавок и премий. В машиностроении такой четко выстроенной системы нет, там тариф больше. Поэтому приходится действовать через систему сокращения работников. А в нефтянке и высвободать не надо, здесь давно регулируют процесс через заработную плату. Сырьевые регионы у нас в основном на востоке, здесь и падение. Заметен спад в половине регионов Северо-Запада, начал падать Центр. Пока еще не критично, но мы входим с вами в период заметного сокращения доходов. И если статистика за 2014 год показывает всего лишь 1% падения доходов, то оценки Минфина в минус 6% на 2015 год выглядят несерьезно при ожидаемой инфляции в 16%, при отсутствии роста экономики. И никому уже наверняка зарплату в 2015-м повышать не будут. Поэтому спад доходов в 2015 году можно прогнозировать на 15–20%. А это значит, что по уровню жизни мы оказываемся где-то в середине нулевых.

Посмотрим, как реагировало на кризис потребление. Торговля в 2014 году всюду обнаружила рост, особенно в самом конце. Ажиотажный спрос был спровоцирован резким падением курса рубля в декабре. С полок сметали все — это была почти паника. Декабрь опустошил кошельки, у некоторых подчистую. И в январе мы сразу начали рационально потреблять, люди делают выдох, денег нет.

Утешает, что пока не разразился промышленный кризис. Более того, 2014 год Россия закончила с ростом ВВП на 1,7%. Для абсолютно нулевого 2013 года это все же рост. А декабрь был просто сказочным — плюс 3,9%. По сравнению с предыдущим декабрем ожили те, кто в состоянии чем-то заместить импорт, уже чуть сжался продовольственный импорт...

Однако в январе 2015-го промышленность все же не устояла в более чем половине регионов Дальнего Востока, Сибири, Урала, Поволжья, Северо-Запада, Центра, хотя кризисного спада пока не наблюдается.

Чего можно ожидать? Январский рост всего 0,9%. По мнению многих аналитиков, февраль будет месяцем перелома. С марта начнется спад промышленности — довольно медленный, но неизбежный, потому что половину российского импорта до введения санкций и ответных мер составлял так называемый промежуточный импорт — оборудование, комплектующие, детали, которые надо будет приобретать в условиях снизившегося курса рубля и невозможности более дешевого заимствования за рубежом из-за тех же санкций. Соответственно в промышленных и аграрных отраслях происходит резкое удорожание производства и одновременно снижение спроса со стороны компаний и населения. Поэтому промышленный спад как минимум в 2015 году неизбежен. Вопрос в темпах и в отраслях, а про длительность пока вообще никто ничего сказать не может. После падения можно очень долго оставаться в каком-то равновесном состоянии, которое будет приемлемо, но не доставит удовольствия никому.

Самая тяжелая в России проблема — это не промышленность, а инвестиции в основной капитал. Инвестиции — это развитие, это новые рабочие

места. У меня нет данных 2015 года, но по сравнению с 2013-м они упали в 2014 году примерно на 2,7%. Более половины регионов в разной степени потеряли инвестиции. Четверть регионов за два года потеряла от 30 до 40% инвестиций. Причем эдакая инвестиционная пустыня формируется на Дальнем Востоке, в Сибири, которые были объявлены зонами ускоренного развития. Пока ставка на китайцев не оправдывается. Они идут с условием использования своего оборудования, своей рабочей силы и туда, куда они хотят идти. Поэтому нашего оптимизма маловато будет для реализации гигантских программ освоения этих территорий.

Небольшой обзор состояния строительства. Я рассматриваю только большие развитые российские регионы, которые реализуют большие объемы строительства. Это крупные регионы Поволжья, Сибири и Урала, самые крупные федеральные агломерации. Здесь же оказался Белгород на юго-западе страны, который даже с диким дефицитом бюджета продолжает инвестировать в свой агропромышленный комплекс. В плюсе Башкортостан и Кемеровская область. Все остальные в минусе.

В целом, и это радует, у нас были прекрасные показатели по жилищному строительству: 14–15% роста за 2014 год. Я очень рада за Сибирь и Дальний Восток, которые начинают подтягиваться к Центральной России по объемам ввода жилья. Это очень хороший индикатор, это значит, что люди хотят там остаться жить, работать, развиваться, — это здорово. Только у меня вопрос, насколько долго продлится этот тренд? Ведь в 2015 году уже обозначился спад в отрасли после сказочного роста в посткризисный период 2011–2014 годов. Рост может продлиться, но уже, конечно, не такими темпами, потому что база уже не та, что была до роста, а потом уже получают жилье те, кто вложил в ипотеку в 2012–2014 годах на льготных условиях. Сейчас ипотечное кредитование не столь доступно, даже если его как-то поддержат. Итог: период строительного бума, послекризисного роста доходов, привлекательности ипотеки завершен до лучших времен.

Второе, что радует, — в России нет массовой безработицы. Где, однако, возникли проблемы? Там, где уже два года был промышленный спад. Это Карелия и Архангельская область, есть проблемы в части регионов Поволжья, в республике Марий Эл, Пермском крае, есть проблемы в паре регионов Сибири, Иркутском крае. Ну и вечная проблема — Забайкальский край. А так в основном все очень неплохо.

Более того, есть стандартный российский путь преодоления фактора безработицы. Если это промышленность, то сначала никого не увольняют, применяют административные отпуска, неполную рабочую неделю. Пока и в этом нет необходимости. Как только начнется спад промышленности, мы увидим первую волну роста сначала неполной занятости. И по всем ощущениям — это весна-лето 2015 года. И только с осени обозначится явный рост безработицы. Так что все разговоры о масштабах безработицы в 2015 году стоит отложить на вторую половину года.

Что еще нам поможет? Три фактора! Первый фактор. В России очень большими темпами сокращается численность населения в трудоспособном возрасте — до 600 тысяч человек в год. Через какое-то короткое время ста-

Наум Габо. Сферический предмет (черный вариант). 1937

нет 800 тысяч. Люди выходят из трудоспособного возраста, а входит туда очень малочисленное поколение 90-х годов рождения. То есть, казалось бы, для молодежи меньше проблем найти работу. Однако много ли пенсионеров действительно будет уходить на пенсию? Женщины в 55, мужчины в 60 лет? Что-то мне подсказывает, что, особенно в крупных и средних городах, пенсионеры по возрасту не будут торопиться уйти с работы. Поэтому я все-таки ожидаю лишения пенсионных выплат работающих пенсионеров. С точки зрения социальной справедливости это вроде бы правильно: я не должна получать пенсию, если нормально зарабатываю. Но вот если зарплата пойдет вниз, для людей, особенно женщин, лишение пенсии станет очень большой проблемой. Но двигаться в этом направлении, безусловно, будут. Это первое.

Второй фактор. В Российской Федерации есть трудовые мигранты и их много. Пока нет масштабного спада числа мигрантов. Они как-то адаптируются к падению их доходов здесь. Но уже просели и сом, и сум, и прочие местные денежные знаки в Средней Азии, потому что и там тоже идет девальвация, и все равно более или менее выгодно работать в России.

Ну и третий фактор. Очень многие в России работают в неформальной экономике. Есть данные, что 18 млн россиян работают втемную. То есть при опросах Росстата они говорят, что работают. Наверное, они даже могут назвать отрасль, потому что их потом как-то расфасовывают по сферам деятельности. Но они ни в крупном, ни в среднем, ни в малом бизнесе, ни в ИП или ПБОЮЛ не числятся. Вот просто есть люди, и они где-то работают. Это значит, что, когда четверть рынка труда неформальна, эта доля будет в кризис расти. Высвобождение рабочих рук из крупных предприятий идет десятком лет. Было примерно 42 млн занятых, сейчас 34 млн. Эта кривая упорно понижается. Люди выталкиваются в неформальный сектор и там как-то выживают. Это не зарегистрированная безработица, это подработки всевозможные.

Теперь сравним особенности кризисов. Сколько у нас их было? Напоминаю, что первый кризис в начале 90-х был трансформационный — гигантский, тяжелейший! Мы переходили от плана к рынку. Цена вопроса — сокращение ВВП почти в два раза, более чем в два раза спад в промышленности и почти на 60%, то есть более чем в два раза, сокращение реальных доходов населения. Мы заплатили тяжелую цену за этот переход, который длился с 1992 по 1995 год. Только в 1996 году спад в основном прекратился. Были, конечно, флуктуации, но при этом регистрируемая безработица в России не была такой высокой.

Кризисы 1998-го и в особенности 2009 года были спровоцированы глобальными процессами. Как мы их проходили? В 1998 году промышленность не успела сильно упасть, потому что кризис длился всего семь месяцев. Сильно пострадал финансовый сектор, чувствительно задело Москву, банки, но ненадолго. Население снова поплатилось: из-за кризисной девальвации рубля почти на 30% снизились доходы в долларовом исчислении, мы опять обеднели, но начали опять выкарабкиваться. Впервые заметным был рост безработицы, потому что рабочую силу сокращали рыночные структуры и промышленность. Но опять же этот период был кратким. К тому же нет худа без добра: упавший рубль снизил доходность импорта и усилил стимулы внутренней экономики, в том числе промышленности. Рост ВВП в 2000 году составил 10%.

Кризис 2009 года мы вообще почти не заметили. Промышленность росла, доходы в плюсе, уровень безработицы рос умеренно.

Вопрос: чего ждать сейчас? Скорее всего, нынешний кризис обернется снижением доходов. Рост безработицы вряд ли будет критическим, но затронет не только промышленные города.

Об этом чуть позже, а пока обращаюсь к географической проекции кризисов. В первый, трансформационный, кризис хуже всего пришлось регионам обрабатывающей промышленности: рухнули все те, где не было экспортных возможностей, — старопромышленные, машиностроительные и слабобаз-

витые регионы. А выжили и быстро адаптировались регионы экспортной экономики — нефть и газ, алмазы... И через паузу в два года — Москва. Второй кризис: Москва рухнула капитально, банки, все страховые сервисы, но очень коротко. Периферия финансового кризиса практически не заметила.

Третий кризис носил отраслевой характер и усилен внешними факторами. Первыми его почувствовали металлургические регионы, потому что у них была очень плохая внешнерыночная конъюнктура. Наше слабое и неконкурентоспособное машиностроение и соответствующие территории стали самой уязвимой мишенью кризиса 2009 года. А Дальнему Востоку и самым дотационным регионам в 2009 году прибавили на треть объем трансферта. Сокращаться там было особо нечему. Все, что было слабеньким, умерло еще в 90-е годы, поэтому они чувствовали себя неплохо.

Что будет в этот кризис, до конца мы не понимаем, очевидно, потом разберемся. Но с точки зрения географии первым в него входит часть регионов Северо-Запада. Я бы очень хотела понять, почему? Закрылся Надвоицкий алюминиевый завод, в Костомукше «Северсталь» снижает объемы производств. Но неужели два предприятия так действуют на всю экономику Карелии? В Архангельске спад в лесной отрасли. Падает автопром, все центры автопрома входят в депрессию. И стандартные депрессивные машиностроительные регионы, по пальцам руки — Курган, Киров, Ульяновская область, в меньшей степени рискуют Пенза, Псков, хотя он не машиностроительный, Кострома, к сожалению, будет в кризисе, потому что отличается общей неконкурентоспособностью. Лучше себя будет чувствовать аграрный Юг — какое-никакое импортозамещение он все-таки нам предложит. Инвестиции в обновление фондов там были сделаны. Да, староватое оборудование на пищевых предприятиях, но оно работает. Поэтому Юг пройдет этот кризис, это сейчас уже заметно, значительно мягче.

Итак, подвожу некий итог в связи с нынешним кризисом. Есть ощущение, что он пройдет по двум траекториям. На первой привычно окажутся регионы с неконкурентоспособной экономикой. Это полудепрессивные, бывшие индустриальные, машиностроительные регионы, к ним может добавиться Дальний Восток просто по принципу, что слишком хорошо было в прошлый раз, сейчас риски повыше. Это ареалы так называемой России-2*. На территориях так называемой России-3 кризис могут не испытать в полной мере. Если люди поймут, что жить стало хуже, посадят лишнюю сотку картошки, еще три ряда помидоров, еще три раза сходят за брусничкой и сдадут заготовителю. Инструменты выживания в провинции хорошо понятны.

Стандартный симптом кризиса — спад промышленного производства в России-2 пока отложен. Скорее всего, он мягко и постепенно пойдет с весны и что-то сильно будет заметно осенью. Следом вырастет безработица. Денег, выделенных правительством, достаточно на 2015 год. Я сравнивала выделенные для стабилизации рынка труда в 2015 году 52 млрд руб-

* См. Зубаревич, Н. Социальная дифференциация российского пространства // *Общая тетрадь*, № 2–3(59), 2012.

лей с тратами на меры по поддержке занятости в 2009 и 2010 годах. Тогда было выделено 37 и 38 млрд рублей соответственно. Власти считают, что в 2015 году не будет большой безработицы, потому что на дополнительные выплаты пособий по безработице выделены 30 млрд рублей, а в тот кризис дополнительно пришлось давать 50 млрд. И, скорее всего, они правы: большого роста безработицы осенью не будет.

Инструменты для поддержания тонуса в России-2 есть. Это могут быть и меры по поддержке занятости, которые уже использовались, прежде всего общественные работы. Другое дело, что они годятся для короткого кризиса. Но на финансирование всего 2015 года хватит. Уверена, что хватит и на какую-то часть 2016 года.

Ну напечатают в конце концов сколько-то денег. Словом, мы кризис до середины 2016 года как минимум более или менее понимаем.

Серьезный риск состоит в управлении. Одно дело, когда речь идет об ограниченном количестве городов, где начинают обрушиваться производство, занятость и надо маневрировать, вливать финансы, договариваться с бизнесом и пр. Но, если это будут десятки городов, для ручного управления десятка рук не хватит. Особенно грамотного управления, притом что качество управляющей элиты повсеместно падает. Количество дееспособных губернаторов, например, у нас невелико, а власть и деньги отнюдь не всегда действуют на них положительно.

Однако в случае нового длительного кризиса возникнет новая ситуация — больших рисков для крупнейших агломераций страны из-за спада в так называемом третичном секторе — сфере услуг. И если кризис длителен, то это очень тяжело отразится на крупных городах, потому что их экономика — это экономика услуг. В Москве 78% занятых работают в секторе частных и государственных услуг. Драйвер падения сферы услуг понятен — снижение доходов населения, платежеспособного спроса. Падают торговля, туризм, страхование, обслуживание бизнеса, банковская сфера, банальное бытовое обслуживание населения.

А вот каковы инструменты, хотя бы смягчающие кризисные процессы в третичном секторе? И не только.

На короткое время мы это можем делать, надолго — давно не пробовали. Потому что в тот трансформационный кризис начала 90-х у нас практически не было сектора рыночных услуг. Он не был развит, он только возникал. А сейчас мы с ним двадцать лет живем. То есть мы впервые пробуем пройти долгий серьезный кризис, испытывая стрессы и адаптируясь, пока еще непонятно как. Как мы эту травму переживем, какие выводы для себя сделаем и хватит ли ресурсов, чтобы сопротивляться, ближайшее время покажет.

Мы впервые пробуем пройти долгий серьезный кризис. Как мы эту травму переживем, какие выводы для себя сделаем и хватит ли ресурсов, чтобы сопротивляться, ближайшее время покажет

*Тоби Гатти,
ведущий советник
юридической фирмы
Akin Gump Strauss Hauer and
Feld LLP,
Вашингтон*

О гражданском обществе в США

Когда в Америке мы говорим «общественная» или «гражданская жизнь», мы имеем в виду не политику, связанную с государственными структурами, а действия самоорганизующихся гражданских сообществ, направленные на достижение целей общего блага. Идея политики, однако, стоит за каждым частным вопросом: в каком обществе мы хотим жить? что мы можем сделать, чтобы жить в том обществе, в котором хотим? в какой стране будут жить наши дети? какие ценности мы можем им передать? У меня десять внуков, и поэтому эти вопросы являются для меня конкретными и насущными, гражданское общество представляет собой не академический абстрактный предмет.

Большая часть моей жизни была посвящена международной политике. Но сейчас я все чаще думаю о политике внутренней и хочу рассказать о тех НКО, в работе которых участвую, и почему я это делаю.

Начну с организации по борьбе с вождением в нетрезвом состоянии — MADD (Матери против пьяных водителей). У меня в семье два подростка, которые водят машину, и я знаю, что в США ежегодно примерно 50 тысяч человек погибает в автомобильных катастрофах, поэтому я не могу оставаться равнодушной и стараюсь помогать, чем могу. Помимо сбора денег на пропаганду своих акций, MADD стремится изменить отношение к самой проблеме как на уровне общества, так и на законодательном уровне. Наиболее удручающим фактом в статистике вождения в нетрезвом состоянии является следующее: постоянно нарушает правило не садиться за руль фактически каждый третий пьяный водитель. Об этом знают руководители федеральной службы безопасности на автодорогах, которые объясняют свою беспомощность в борьбе с нарушителями юридическими препонами, несовершенной системой электронного контроля, а также недостаточным количеством квалифицированных дорожных патрулей с соответствующей

аппаратурой из-за нехватки денежных средств. Среди достижений MADD — изменение стандартов алкогольного опьянения, снижение доступности алкоголя для подростков, использование последних достижений техники (например, в некоторых штатах, если водитель был замечен за рулем в нетрезвом виде, на его машину устанавливается автоматическая система отключения зажигания при опьянении водителя). Государственные службы считают, что наиболее эффективной мерой остается ужесточение наказаний и более частые проверки на дорогах, MADD же привлекает внимание общества к проблеме вождения в нетрезвом виде через семью, полагая, что будет лучше, если подросток сможет позвонить домой, сказать, что выпил, и знать, что родители не будут его ругать, а приедут за ним, исключив риск несчастного случая. Кроме того, организация помогает в трудоустройстве людям, получившим инвалидность в результате автомобильной катастрофы, поддерживает жертвы аварий и постоянно напоминает о том, что общество в силах уменьшить их количество.

Далее, я перечисляю пожертвования для организации, которая заботится о том, чтобы у малообеспеченных детей в Вашингтоне была возможность получить образование. Я занимаюсь этим отчасти потому, что моя дочь является социальным работником, и я знаю из ее рассказов, насколько тяжело приходится неимущим семьям. Конечно, решение проблемы такого уровня — это забота правительства, но я считаю, что общество тоже не должно оставаться в стороне.

Я понимаю, что не у всех есть время и невозможно все успеть, но если у людей есть деньги, они могут оказать помощь нуждающимся. Организации, которым я помогаю, регулярно присылают мне отчеты о своей деятельности, и я всегда знаю, что мои деньги принесли пользу, и

продолжаю помогать им, потому что принимаю близко к сердцу то, чем они занимаются. У нас в семье есть традиция: в конце года, когда мы собираемся вместе, мы обмениваемся не подарками, а деньгами, которые должны быть потрачены на благотворительность.

Большинство некоммерческих организаций в Америке не получают государственной поддержки и существуют на частные пожертвования.

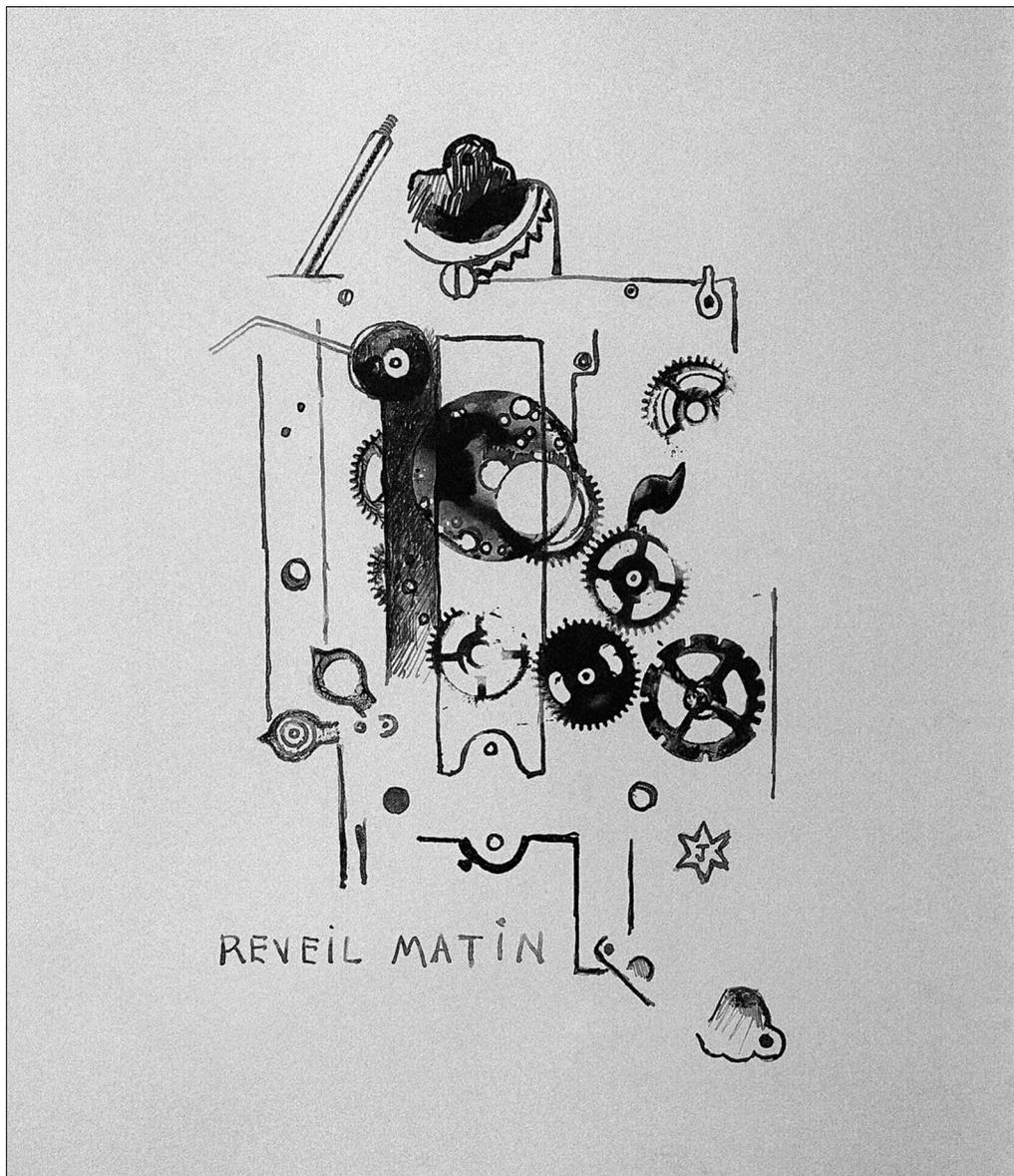
Еще одна организация, в которой я работаю, — Фонд поддержки гражданского общества в России, благодаря которому в том числе и слушатели Школы приезжают в США, чтобы участвовать в совместных семинарах. Еще я помогаю организации J-Street, которая поддерживает идею мирного урегулирования ситуации на Ближнем Востоке.

А теперь коротко о сфере гражданской активности в США.

Если мы обратимся к истории некоммерческих и неправительственных организаций в США, то увидим, что свое начало они берут еще в колониальной «ранней» Америке. Самые первые некоммерческие организации (образовательные, благотворительные, религиозные) — это различные церкви и университеты (например, Гарвардский университет). Некоммерческая организация как концепция появилась гораздо позже, только в 70-е годы прошлого столетия.

В настоящее время в США зарегистрировано более 2 млн некоммерческих организаций. Например, в штате Округ Колумбия, в котором расположена столица США Вашингтон с населением всего 500 тысяч человек, зарегистрировано 20 тысяч НКО. А в среднем по размеру штате, например в Миссури, — 53 тысячи, в Иллинойсе — 56 тысяч, в Калифорнии — 239 тысяч.

Трудно найти общую характеристику для всех организаций, учитывая разные виды их деятельности, количество вовлечен-

Франсис Пикабия. Будильник. 1919

ных человек и т.д. Это могут быть как самоорганизованные небольшие группы людей, занимающихся волонтерской работой, так и гигантские — фонды, университеты, религиозные организации и организации здравоохранения, оперирующие многомиллионными бюджетами. Законодательство США, как и большинства стран, позволяет им предоставлять практически любые услуги и това-

ры, если их деятельность не направлена на получение прибыли. Способы, которыми эти организации получают средства для поддержания своей деятельности, могут варьироваться от частных пожертвований до продажи товаров и услуг, при этом многие организации получают государственные гранты. Что касается непосредственно Соединенных Штатов, то легальные формы работы

большинства некоммерческих организаций известны здесь, как я сказала, еще со времени колониального периода. Филантропия и волонтерская работа как традиция отдавать свое время и деньги на благо общества также известны с начала американского государства.

В то время не было принципиального разделения на частное и общественное. Любая корпорация могла существовать только как общественное учреждение.

Очень часто граждане были тогда вовлечены в строительство дорог, общественных зданий, в работу местной полиции. В отличие от современного волонтерства общественно полезная работа в то время часто имела форму законного принуждения и могла быть эквивалентом уплаты налогов. Служба в полиции обычно носила призывной характер, а те, кто отказывался служить, были обязаны платить штраф. Но, несмотря на разницу мотивов, лежащих в основе организаций прошлого и настоящего, у них есть одно общее начало: и те и другие — пример самоуправления, когда решения принимаются членами сообщества, а средства поступают извне в том или ином виде.

В великом многообразии некоммерческих организаций есть уникальные, глобальные организации, такие как Всемирный банк, Красный Крест или ЮНЕСКО. Но на бытовом уровне обычно имеются в виду общественные объединения, деятельность которых направлена на помощь людям. Большая часть таких организаций в сегодняшней Америке — неполитические. Они решают социальные, экономические, общественные проблемы, и их деятельность финансируется за счет благотворительных взносов населения. Главная их задача — поддерживать свободы и право, гарантированные американской конституцией. При этом есть организации, которые выступают за изменение системы налогообложения, за реформы в области образо-

вания и т.д. Однако существуют и другие организации, с идеями которых я категорически не согласна. Например, Национальная стрелковая ассоциация (National Rifle Association of America — NRA) — одна из старейших НКО, которая объединяет сторонников права граждан на хранение и ношение огнестрельного оружия. Или организации, которые выступают за открытую борьбу с ИГИЛ (ISIS), что означало бы начало настоящей войны и значительное усиление в США роли внешней политики. Или организации, выступающие за ограничение иммиграции и за выселение нелегальных иммигрантов.

Существует большая разница между понятиями «оппонент» и «враг». В нашей стране отсутствует риторика о «внутреннем враге», если речь идет о различных взглядах, и это зафиксировано в Конституции США, которая всем гарантирует свободу слова и свободу мнений. Понятие «враг» используется только тогда, когда идет речь об экстремистских группах.

По словам Майкла Игнатъеффа, бывшего лидера Либеральной партии Канады: оппонент — это тот, кого ты хочешь победить, а враг — кого ты хочешь уничтожить. Твой сегодняшний оппонент может быть твоим завтрашним союзником, между вами возможно доверие. Оппонент постарается нанести тебе поражение при первой возможности, но если он будет побежден, он это признает. Согласие играть по правилам — одна из основ демократии. А между врагами доверие немислимо, потому что для них не существует правил. Победивший всегда будет переписывать правила «под себя» так, чтобы никогда не оказаться на месте проигравшего.

Не стоит забывать, что политика — это не война, но альтернатива войне. Поэтому мы должны стремиться к диалогу и к взаимному уважению. Чем больше

в стране будет гражданских организаций, тем лучше. Сильное гражданское общество — залог сильного государства.

Я всегда повторяю: конституция создавалась и была написана не для защиты права тех, с кем вы согласны, а для защиты права тех, с кем вы не согласны.

Еще одна организация, деятельность которой я поддерживаю, Южный центр правовой защиты малообеспеченных людей (Southern Poverty Law Center). Слово «южный» в названии сохранилось исторически, когда были проблемы южных штатов, но со временем эти проблемы стали актуальными для всей страны. Это известная американская правовая и правозащитная организация, которая разрабатывает образовательные программы толерантности и борется с организациями белых расистов и экстремистами. В дополнение к бесплатным юридическим услугам жертвам дискриминации и преступлений на почве ненависти Центр издает ежеквартальный отчет о правонарушениях в США. Деятельность этой организации важна еще и потому, что она восполняет пробелы работы государственных служб. Это миф, что в Америке государство все обо всех знает, в действительности оно не способно часто отследить действия экстремистов, которые представляют опасность для общества. К тому же в обществе существует очень неодобрительное отношение к попыткам государства контролировать всех и каждого открыто. Это отчасти лицемерная позиция, потому что никто не возражает против секретного контроля. Кроме того, одна из задач этой организации — работа с ветеранами, вернувшимися, в частности, из Афганистана и Ирака. Именно они являются проблемной общественной группой из-за перенесенного на войне стресса и несоответствия реальности их представлениям. У них нет общего языка с политиками, которые отправили их на войну, и, вер-

нувшись, они испытывают серьезные трудности при попытке интегрироваться в общество. В свое время они были отправлены воевать за справедливость, а вернувшись, не находят себе места, и многие берут в руки оружие и продолжают вести себя, как если бы они были на войне. Именно такие люди больше всего нуждаются в помощи, и общество не имеет права закрывать на это глаза.

Еще одна организация, идеи которой я разделяю, называется «Союз американских гражданских свобод». Ее деятельность направлена на защиту свободы слова, даже если это слово идет вразрез с религиозной моралью. Потому что право говорить — это и есть основа свободы слова. Эта организация выступает за ограничение свободы только в исключительных ситуациях. Именно она оказывала давление на американское правительство с требованием большей открытости, аргументируя это тем, что, прежде чем запретить слово, надо доказать, что оно представляет собой угрозу. Экстремисты есть везде, и на их высказывания и действия, разумеется, надо отвечать, но возникает вопрос — как найти баланс, определить границу между контролем за экстремистами и свободой слова? Должна ли эта граница быть зафиксирована раз и навсегда? Хочу ли я как гражданин, спустя почти полтора десятка лет после 11 сентября 2001 года, чтобы правительство отслеживало всех, кто может представлять потенциальную опасность? Или хочу, чтобы было больше свободы, даже если речь идет об идеях, которые мне не близки? Нужно ли контролировать экстремистские группы или нужно дать людям право высказывать свои мысли? Для меня важно, чтобы были сбалансированные законы, которые сохраняли бы свободу и обеспечивали физическую безопасность. Хотя, конечно, примирить эти два состояния невозможно. И это — основа устойчивого общества — попыт-

ка создавать законы, объединяющие диаметрально противоположные интересы. Понятно, что любая попытка контроля будет использована государством в качестве инструмента для поддержания страха граждан. Но страх — это не самая плодотворная эмоция. Должно существовать пространство с развитыми институтами, Интернетом, средствами массовой информации, судами. Но при этом понятно, что гражданское общество никогда не сможет заменить собой правительство. Работа гражданского общества — критиковать, анализировать, обсуждать работу правительства. В государствах с негодными правительствами граждане выходят на улицы, что мы наблюдали на Ближнем Востоке, где у людей не было возможности участвовать в принятии решений, и в конечном итоге именно это привело к протесту. Каким может быть оптимальный баланс между свободой и безопасностью, между государством и гражданским обществом, должны решать граждане. Для меня лично важно, что в моей стране гражданское общество имеет право на независимую экспертизу и соответствующий опыт, который влияет на принятие решений правительством. Но это не значит, что общество и исполнительная власть порой не находятся в состоянии конфликта. Многие государственные служащие в Америке начинают свою карьеру, работая в неправительственных организациях, и на государственный пост приходят уже с опытом этой работы, полученным внутри общества, а не государственной системы. Что происходит с человеком, когда он становится чиновником? Очевидно, он думает: я уже все знаю, у меня есть информация, у меня власть — я могу решить все проблемы. Что мы как граж-

дане делаем в этой ситуации? Мы его контролируем.

Для контроля власти у нас есть известные институты, специально для этого предназначенные, — СМИ и независимый суд, открытые источники и информация о доходах чиновников и расходах бюджета.

Понятно, что гражданское общество никогда не сможет заменить собой правительство. Работа гражданского общества – критиковать, анализировать, обсуждать работу правительства

Приведу пример: президент Обама, как известно, хотел закрыть лагерь в Гуантанамо, но конгресс не дал на это денег. И в этой ситуации у президента оказались связаны руки, он не может без решения конгресса это сделать. Итог подобных ситуаций — очень напряженные отношения между президентом и конгрессом, и это нормально. Потому что спокойные периоды в жизни — это периоды между кризисами. И граждане должны настаивать на своем праве знать, что делает правительство, оно должно отчитываться за свои решения и действия. Конечно, это описание идеальной системы, которой нет ни у нас, ни у других.

Нежелание делиться властью заложено в человеческой природе. Если власть не ограничивать, ее передача не будет происходить сама. В таких ситуациях необходимы активные действия граждан.

Нет единой модели гражданского общества. Не все, что работает в одной стране, будет работать в другой. Не все, что есть, скажем, в Канаде, применимо в США. И не все, что есть в США, всегда подходит для европейских стран. Источник легитимности правительства — народ, а не отчеты исполнительной власти.

Ютта Шеррер,
историк, Германия

Отношение к истории в Германии и Франции

Историческая политика: словарь и концепты

Поражение Германии во Второй мировой войне потребовало принципиального изменения ее политической ориентации. Пришедшие к власти правительства в западной и восточной частях Германии должны были определиться в своем отношении к недавнему прошлому, учитывая, что память о национал-социализме и Сопротивлении в двух немецких государствах была отнюдь не общей. В ФРГ неотъемлемым элементом политической культуры стало признание вины за холокост, в то время как в ГДР, объявившей себя антифашистским государством, национал-социализм рассматривался как явление внешней по отношению к ней истории, а сама Восточная Германия провозглашалась сокрушительницей национал-социалистической диктатуры. После воссоединения в 1990 году обоих немецких государств стала актуальной еще и «проработка диктатуры ГДР», как это обозначено в официальном дискурсе ФРГ. Что касается Франции, то там историческая политика де Голля и его последователей десятилетиями определялась памятью о движении Сопротивления. Лишь со временем изменившиеся историко-политические обстоятельства позволили критически переосмыслить вопрос о коллаборационизме режима Виши и депортации евреев из Франции, а позже сделать достоянием «долга памяти» (*devoir de mémoire*) войну в Алжире и пытки, практиковавшиеся в ходе ее французскими военными.

В последние два десятилетия в публичном общественно-политическом дискурсе, журналистике и исторических исследованиях в западных странах доминируют концепты исторической политики, политики прошлого, политики идентичности и политики памяти. Это позволяет связать воедино такие понятия, как памятные места и мемориалы, культура памяти, культура истории и историческое сознание, но прежде всего определить

соотношение истории и памяти (а также индивидуальной, коллективной, национальной, социальной и культурной функций памяти). Все эти понятия имеют отношение к идентичности либо к поискам идентичности. Концепты «политика прошлого» и «историческая политика» первоначально появились в Западной Германии в связи с несколько расплывчатым понятием «преодоление прошлого» (*Vergangenheits bewältigung*). В то время как «преодоление прошлого» лишь очень отдаленно связано с памятью о тоталитарном режиме и учиненном им холокосте, термины «политика прошлого» и «историческая политика» ориентированы на более прагматичную и одновременно реалистическую оценку прошлого.

Сегодня немецкое «преодоление прошлого» употребляется в других языках, прежде всего в английском и французском, без перевода, но только по отношению к Федеративной Республике Германия и Третьему рейху. Напротив, возникший позднее концепт «проработка прошлого» (*Aufarbeitung der Vergangenheit*), восходящий к статье Теодора Адорно 1959 года*, не ограничивается только Федеративной Республикой Германия, а распространяется и на другие государства. «Проработка прошлого» означает критическую работу над памятью о прошлом.

В немецком языке понятие «политика прошлого» относится к немецкому прошлому и его преодолению. Понятно, что эта политика имеет дело с институциональным и персональным наследием прежней системы и была нацелена на принятие в относительно короткие сроки некоторых законодательных и судебных решений. Историческая же политика направлена на формирование общественно значимых исторических образов и образов идентичности, которые реализуются в ритуалах и дискурсе, претерпевая изменения со сменой поколений и по мере эволюции социальной среды. В демократических обществах историческая политика не ограничена собственно политической сферой, в нее наряду с политиками и публицистами вовлечены также актеры из разных профессиональных групп с различными интересами и стратегиями, которые они привносят в процесс осмысления истории. Но в политическом оформлении исторических представлений решающая роль принадлежит историкам, действующим в сферах своей профессиональной компетенции: ученым и преподавателям, архивистам, кураторам экспозиций, музейным работникам, сотрудникам мемориалов. При этом сама природа плюралистических обществ предполагает формирование в них различных и порой даже противоречащих друг другу толкований прошлого.

Поэтому историческая политика — намного более широкое явление, чем история на службе политики, и нечто большее, чем просто формирование и закрепление нормативного или догматического мировоззрения, поскольку включает в себя передачу самого разного рода воспоминаний и опыта, а также поиск забытых фактов и следов отвергнутых альтернатив. Историческая политика — это еще и тематика научных исследований с целью поиска ответов на вопросы о том, как исторические интерпретации

* См.: Адорно Т. Что значит «проработка прошлого»? // *Неприкосновенный запас*. — М., 2005. № 2–3. — С. 42.

превращаются в политическое противоборство, кто и с какой целью делает это и к чему это приводит.

В настоящей статье я использую понятие «историческая политика» в широком смысле, как оно обычно употребляется в современной исторической и политической науке, а также в политической социологии, и в значительно меньшей степени прибегаю к понятиям «политика прошлого» и «политика памяти», имея в виду публичное обращение к истории и памяти*. К этому же разряду, несомненно, принадлежит использование истории в государственных и политических целях, однако историческая политика отнюдь не сводится только к официальной трактовке истории.

Германия

По отношению к национал-социалистическому прошлому ФРГ и ГДР придерживались совершенно разных стратегий, которые определялись соответствующими оккупационными властями.

ФРГ (до воссоединения с Восточной Германией)

Переход от диктатуры к демократии в ФРГ был крайне трудным и длительным процессом. 1945 год не стал нулевой точкой отсчета, знаменующей начало совершенно новой немецкой истории. Не было какой-то готовой нормы, которой можно было держаться. Во всяком случае, после окончания войны не произошло решительного разрыва с прошлым Третьего рейха. Подавляющее большинство немцев стремилось к материальному и психологическому возрождению, вытесняя из сознания реалии Третьего рейха, только-только ставшие прошлым. Озабоченное тем, чтобы достичь хоть какой-то степени «нормализации», немецкое население с апатией либо негативными эмоциями реагировало на Нюрнбергские процессы**, которые, по замыслу держав-победительниц, должны были сыграть воспитательную роль. Осознания преступного характера национал-социализма не произошло. Господствовало мнение, что все происходящее — это просто суд победителей над побежденными. Преступления Третьего рейха в общественном сознании уравнивались с ущербом, нанесенным немецким городам бомбардировками союзников, а признание массовых национал-

* Разнообразным определениям этих понятий и концептов посвящено несчетное число научных работ. Назову лишь самые важные: Frei N. *Vergangenheitspolitik: Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit*. — München, 1996; Wolfrum E. *Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung: 1948–1990*. — Darmstadt, 1999; Reichel P. *Politik mit der Erinnerung: Gedächtnisorte im Streit um die nationalsozialistische Vergangenheit*. — Frankfurt a. M., 1999.

** Нюрнбергские процессы — это, во-первых, международный военный трибунал над главными военными преступниками (20.11.1945 — 01.10.1946) и, во-вторых, 12 последующих процессов над нацистскими военными преступниками, проводившихся в американской оккупационной зоне американским военным трибуналом и закончившихся 14 апреля 1949 года.

социалистических организаций преступными воспринималось как огульное коллективное обвинение всего народа. Исключениями стали лишь немногие общественно значимые фигуры и политики, которые, как философ Карл Ясперс, протестантский теолог Карл Барт и первый президент ФРГ Теодор Хейс, заговорили о коллективной вине и коллективном стыде, о «коллективной ответственности» немецкого народа за холокост, имея в виду необходимость признания своей вины и обязанность ее искупить. Именно из этого осознания ответственности в обществе родился концепт «проработки прошлого».

Проработка прошлого в 1949-м и далее, в 1950-е годы, позволила историку Норберту Фрау говорить о «политике прошлого»*. Эта политика, которая формировалась по мере все более активной интеграции ФРГ в сообщество западных государств, в том числе и по мере расширения рамок исторической политики, означала в первую очередь:

— уголовно-правовую и судебную квалификацию совершенных нацистами преступлений с применением насилия;

— политико-правовое отношение к национал-социалистическому прошлому, то есть компенсацию ущерба различным категориям жертв национал-социализма и персональное юридическое преследование конкретных преступников из числа национал-социалистов;

— критический разбор национал-социалистического прошлого и его проработка в исторических трудах, литературе, искусстве и философии.

Все эти три измерения политики были в известной степени идентичны политическим и общественным детерминантам «преодоления прошлого».

В первые два десятилетия существования ФРГ в стране шли широкие политические дебаты о преступлениях, совершенных национал-социалистами, о компенсации ущерба различным категориям жертв, о реституции, репарациях, антисемитизме и процессах над национал-социалистами.

Навязанная западными союзниками денацификация в Западной Германии была малоуспешной. Уже в 1949 году был принят закон об амнистии, который открыл многочисленным бывшим национал-социалистическим чиновникам и кадровым военным путь в государственные структуры и в заново формируемую армию. И вряд ли экономическое возрождение и перевооружение ФРГ могли бы состояться без опыта и знаний представителей прежнего национал-социалистического режима.

В эпоху Аденауэра политика переоценки прошлого обосновывала отказ от дальнейшего уголовного преследования нацистов необходимостью умиротворения общества и политической стабилизации. В середине 1950-х уже почти никто не опасался преследований со стороны государства или судебных органов за свое национал-социалистическое прошлое. Однако черта была подведена не только под прошлым 3,6 млн денацифицированных и десятков тысяч амнистированных немцев. По большей части вышли на свободу и те, кто в 1945–1949 годах были осуждены в рамках Нюрнбергских процессов или военными судами союзников за военные либо нацистские преступления.

* *Frei N. Op. cit., s. 13–14.*

Одильон Редон. *Искушение святого Антония*. 1896

Несмотря на вытеснение из сознания в первые два послевоенных десятилетия «проклятого» прошлого, дух его преодоления был жив в литературе, театре, кинематографе и других видах искусства, оказывая воздействие на формирующееся историческое сознание. Достаточно упомянуть провокативный спектакль Рольфа Хоххута «Наместник» (1963) и два самых известных и успешных в западногерманской литературе романа, посвященных проработке национал-социалистического прошлого: «Жестяной барабан» (1959) Гюнтера Грасса и «Урок немецкого» (1968) Зигфрида Ленца.

В рамках преодоления прошлого, основной задачей которого применительно к современной истории стало критическое изучение нацистского феномена и преступлений национал-социализма, в Мюнхене в 1952-м был создан Институт современной истории. В 1960-е годы при исторических факультетах стали создаваться кафедры современной истории. Тем не менее процесс включения в школьные программы взрывоопасных вопросов о причинах холокоста и заражения всего общества национал-социалистической идеологией оказался длительным и трудным.

Только в конце 1950-х — начале 1960-х годов в ведущих средствах массовой информации постепенно началось систематическое обсуждение проблемы прошлого, что в конечном счете привело к образованию той специфической политической культуры ФРГ, важнейшим элементом которой является моральное неприятие нацистского пути. Процессы над Эйхманом в Иерусалиме (1961–1962), над палачами Освенцима во Франкфурте (1963–1964) и другие крупные процессы против бывших национал-социалистов, а также споры о сроках давности в бундестаге привели к заметному росту интереса в обществе к глубокому осмыслению национал-социалистической проблематики. Требование критической проработки нацизма явно усилилось вступлением в активную жизнь нового поколения немцев. В 1960-х представление о «непреодоленном прошлом» еще вызывало многочисленные протесты людей, поддерживавших национал-социализм или активно участвовавших в его деятельности. Но смена ориентиров произошла, и во многом этому способствовало именно «поколение 1968 года».

Переоценка политико-культурных ценностей в 1970–1980 годах, в контексте которой формировалась доминирующая сегодня в ФРГ культура памяти о жертвах нацизма, предполагала открытое критическое обсуждение и признание вины. Важным этапом на этом пути стала «новая восточная политика» Вилли Брандта, которая ориентировала политику прошлого, основанную на признании ответственности немцев за нацизм, в направлении исторической политики, имевшей целью разрядку на европейском континенте.

7 декабря 1970 года первый социал-демократический канцлер ФРГ подписал в Варшаве договор, который определил границу между Германией и Польшей по Одеру—Нейсе как окончательную. При этом Брандт объяснил, что федеральное правительство просто приняло этот факт как «результат истории» (*die Ergebnisse der Geschichte*). В тот же день от имени немецкого народа канцлер преклонил колени перед мемориалом жертв национал-социализма в бывшем Варшавском гетто. Этот акт, символизировавший радикальный разрыв с прежним курсом западногерманской внешней политики и просьбу от имени немецкого народа о прощении за совершенные преступления, поляризовал немецкое общество. Однако со временем изображение коленопреклоненного Брандта стало в сознании не только многих немцев, но также поляков и представителей других наций символом политики сближения и примирения, основанной на моральных принципах. В рамках Недели братства в 1971 году Брандт сказал, что память об Освенциме будет оставаться травмой и для будущих поколений.

Длительное замалчивание преступлений Третьего рейха было нарушено в 1970-е годы, когда стали проводиться выставки и создаваться новые исторические музеи, которые способствовали пересмотру оценок нацистской диктатуры и политическому просвещению в целом. В 1973 году федеральный президент Густав Хайнеман инициировал конкурс «Немецкая история» для учащихся. Интерес к истории своего государства должен был содействовать формированию у детей и молодежи сознания ответственности, без которого нельзя было преодолеть прошлое.

Историко-политическое обучение, историческая и политическая дидактика постепенно становились элементами образования, что создавало условия для проработки прошлого. Историческая дидактика как наука об изучении истории стала самостоятельной научной дисциплиной, занимающейся такой важнейшей категорией, как «историческое сознание». В 1970–1980 годы эта категория превратилась в ключевую в рамках исторической дидактики. На формирование исторического и политического сознания влияла также музейная и мемориальная политика. Начиная с 1980-х годов школы открыли свои двери для свидетелей событий нацистских времен, которые рассказывали о борьбе за выживание и о преследованиях в национал-социалистическом государстве. В рамках политики прошлого устная история, то есть воспоминания современников событий, стала признанным методом изучения новейшей истории.

Хотя в отечественных документальных и художественных фильмах времена национал-социализма освещались довольно обстоятельно, лишь зарубежный, американский, телефильм «Холокост» смог потрясти сознание массового зрителя и пробудил у него готовность к критическому анализу национал-социалистического прошлого. Этот четырехсерийный телефильм в январе 1979 года каждый вечер собирал у экранов от 10 до 20 млн зрителей — больше, чем любая другая передача немецкого телевидения, посвященная современной истории. После сериала слово «холокост» стало в Германии употребляться для обозначения нацистского способа «окончательного решения еврейского вопроса», то есть полного уничтожения евреев. Общество немецкого языка объявило холокост «словом 1979 года».

Тем не менее вытеснение из сознания и отрицание преступного характера национал-социализма, по мнению философа и публициста Ральфа Джордано, в 1980-е приняло в немецком обществе форму «повторной вины» («zweite Schuld») и «самообмана» (*Lebenslüge*). Психологи Александер и Маргарете Мичерлих еще в 1967 году в своей вызвавшей горячую дискуссию книге «*Die Unfähigkeit zu trauern*» («Неспособность к скорби»), опираясь на примеры враждебного отношения отдельных людей и широких масс к признанию вины за соучастие в политических преступлениях, указали на недостаточную активность властей в преодолении нацистских преступлений в эпоху Аденауэра.

В 1970-е годы усилилась тенденция к отрицанию и преуменьшению масштабов уничтожения нацистами евреев и к непризнанию вообще существования газовых камер. Подобные умонастроения были характерны пре-

имущественно для крайне правых кругов, что получило определение исторического ревизионизма, или негационизма (*Negationismus*). В 1985 году в ответ на попытки ревизионистов фальсифицировать историю в ФРГ был принят закон «О лжи об Освенциме» (с дополнениями от 1992, 2002 и 2005 годов), согласно которому отрицание холокоста преследуется по закону. Раньше холокост в эпоху нацистской Германии в уголовно-правовом отношении ставился в один ряд с насильственными действиями в других диктатурах, что серьезно затрудняло его осуждение. Авторитетные представители общественности, которые ставили под сомнение введение уголовно-правового понятия «отрицание холокоста» как средства «преодоления прошлого» и настаивали вместо этого на политическом просвещении, не смогли — в отличие от других стран — добиться своего из-за специфики немецкого прошлого.

Заметной вехой в исторической политике ФРГ стала памятная речь федерального президента Рихарда фон Вайцзеккера, с которой он выступил в бундестаге 8 мая 1985 года в честь 40-й годовщины окончания войны и ликвидации национал-социалистической тирании. Впервые человек, занимающий высший государственный пост в ФРГ, назвал 8 мая «днем освобождения» (а не днем капитуляции или краха). «Он освободил нас всех от системы национал-социалистической тирании, презирающей человека. Никто... не забудет о том, какие страдания свалились на многих людей 8 мая и продолжились после него. Но мы не можем считать причиной бегства, гонений и несвободы окончание войны. Напротив, причина кроется в ее начале и в начале той тирании, которая привела к войне. Мы не можем отделить 8 мая 1945-го от 30 января 1933 года». В этой речи фон Вайцзеккер впервые назвал все категории массовых жертв национал-социализма: евреев, западноевропейских и восточноевропейских цыган (синти и рома), коммунистов, гомосексуалистов.

Следующим важным этапом на пути поиска немецкой национальной идентичности стал так называемый спор историков, который разгорелся в 1986–1987 годах в связи с обсуждением немецкого прошлого и сомнениями в отношении совершенных немцами преступлений. Его инициаторами выступили философ Юрген Хабермас и историк Эрнст Нольте. Хабермаса поддержали историки Ханс Моммзен, Эберхард Йеккель и публицист Рудольф Аугштайн (издатель и шеф-редактор журнала «Шпигель»), а на стороне Нольте выступили историки Андреас Хиллгрубер, Иоахим Фест, Юрген Хильдебранд и советник федерального канцлера ФРГ Гельмута Коля Михаэль Штюмер. В этом споре, в котором, по словам Хабермаса, речь шла об «апологетических тенденциях в описании современной немецкой истории», то есть об отношении к совершенным немцами преступлениям, впервые было использовано понятие «историческая политика».

Если говорить в общих чертах, то Нольте представлял войну Германии против СССР в 1941–1945 годах прежде всего как превентивную защитную меру национал-социалистов против угрозы развязывания Советским Союзом войны с Германией, а создание национал-социалистических концентрационных лагерей и лагерей смерти — просто как реакцию на ста-

линский ГУЛАГ. При этом военные преступления немцев и геноцид во времена национал-социализма он объяснял не внутригерманскими, а внешними по отношению к Германии причинами*. Главный аргумент Хабермаса в полемике с Нольте состоял в том, что нацистские преступления, представляемые как «реакция на большевистскую угрозу уничтожения», и Освенцим, сводимый к форме технической инновации, теряют свою историческую «уникальность». Возражая против историзации Эрнстом Нольте преступлений нацизма, Хабермас настаивал на том, что искать национальную идентичность Германии следует в «конституционном патриотизме» — единственно возможной форме патриотизма, «не отчуждающей нас от Запада»**.

С тех пор понятие конституционного патриотизма стало основным в исторической политике в ФРГ, а признание геноцида европейских евреев как исторически беспрецедентного феномена легло в основу политического самосознания ФРГ. «Спор историков» также ставит вопрос о том, можно ли сравнивать национал-социалистическую диктатуру с другими диктатурами и что именно позволило национал-социализму найти опору в широких массах.

ГДР

История разделенной Германии стала также историей разделенного прошлого и разделенной памяти о национал-социализме и сопротивлении национал-социалистическому режиму. Каждое из двух немецких государств воспринимало себя как политическую альтернативу национал-социалистической диктатуре: ФРГ — как парламентскую демократию западного образца, а ГДР — как «антифашистское» государство. Еще до образования ФРГ и ГДР (1949) денацификация в западной и в восточной частях Германии проходила по-разному — согласно идеологическим установкам соответствующих оккупационных властей. В ГДР была проведена радикальная замена национал-социалистической чиновничьей элиты; в ФРГ ничего сравнимого по масштабам не произошло. В «антифашистской» ГДР период национал-социализма рассматривался как чужая история, и подразумевалось, что Германская Демократическая Республика и есть победительница диктатуры национал-социализма. Исходя из основополагающего мифа об антифашизме, ГДР также претендовала на наследие антигитлеровского Сопротивления. При этом внимание в Восточной Германии продолжительное время было сосредоточено на героизированном коммунистическом Сопротивлении, которое на Западе сначала игнорировали в пользу столь же идеализированного военного и гражданского Сопротивления. Евреи как отдельная категория жертв в ГДР никак не упоминались, и никаких дискуссий о холокосте не

* См.: Nolte E. *Vergangenheit, die nicht vergehen* // FAZ. 06.06.1986; *Idem. Der europäische Bürgerkrieg von 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus*. — Frankfurt a. M., 1987.

** Habermas J. *Eine Art Schadensabwicklung* // Die Zeit. 11.07.1986.

было. ФРГ как государство — преемник Третьего рейха взяла на себя всю ответственность за совершенную несправедливость и возмещала ущерб Израилю (не в последнюю очередь, чтобы интегрироваться в сообщество западных государств). Восточная Германия в этом процессе возмещения ущерба не участвовала. Согласно официальной позиции, ГДР как антифашистское государство не имела с Третьим рейхом ничего общего и поэтому не могла привлекаться к ответственности за преступления национал-социализма. Только весной 1990 года первая свободно избранная Народная палата и последнее правительство ГДР признали ответственность всей Германии за холокост. Поскольку у Восточной Германии не было необходимых финансовых средств, чтобы

*Происходившие в ФРГ
часто весьма напряженные обсуждения
понятий «политика прошлого»,
«историческая политика» и «культура
памяти» прошли мимо ГДР, не оставив
там никакого следа*

выплачивать компенсации Израилю, она открыла свои границы всем евреям, которые хотели эмигрировать из Советского Союза.

С 1950 года антифашистское самосознание ГДР подкреплялось празднованиями 8 мая как «Дня освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма». До 1966 года день 8 мая, как и в СССР — 9 мая, был официальным праздником. В 1985 году, в сороковую годовщину окончания войны, день 8 мая после перерыва снова отмечался как праздничный. Только в 1980-е годы миф об антифашистском Сопротивлении стал разрушаться.

Происходившие в ФРГ часто весьма напряженные обсуждения понятий «политика прошлого», «историческая политика» и «культура памяти» прошли мимо ГДР, не оставив там никакого следа. Напротив, понятие «историческое сознание» было включено в лексикон «второго немецкого государства». Историческое сознание (с помощью системы преподавания и пропаганды истории) стало синонимом социалистического сознания и должно было содействовать победе в «классовом противостоянии между социализмом и империализмом». Несмотря на то что история в ГДР была прерогативой политики и ее главной задачей было обоснование легитимности государства, Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) порой приходилось серьезно менять исторические трактовки, прибегая к интеллектуальной эквилибристике. В ГДР велись исследования и по современной истории, однако в отличие от ФРГ лишь по послевоенной.

Новая ФРГ, или Объединенная Германия

Знаменательные события 1989 года и воссоединение в 1990-м немецких государств не изменили подхода новой ФРГ к национал-социалистическому прошлому. Напротив, общественный интерес к теме Третьего рейха и

Александра Экстер. Динамическая композиция. 1916–1917

холокосту даже возрос. Но теперь, после объединения двух частей Германии, прошлое ГДР тоже стало объектом политики прошлого и исторической политики. Запаздывание старой ФРГ в проработке в 1950-е годы «первой немецкой диктатуры» не должно было повториться в случае с диктатурой ГДР. Гэдээровское прошлое как бы накладывалось на прошлое национал-социализма и позволяло сблизить одно с другим.

Для проработки прошлого ГДР использовались почти те же критерии, что и после краха нацистского режима в 1945-м: уголовно-правовое преследование преступников, их гражданская дисквалификация, а также компенсации жертвам режима. Однако прежде всего речь шла о юридической и уголовно-правовой проработке прошлого ГДР как неправового государства. Снова вошло в оборот выражение «правосудие победителей», но на этот раз победителями были братья по крови, представители того же народа. Для пожилых людей это была уже вторая «нулевая точка»: для них второй раз пробил час «Ч», и в 1990 году, как и в 1945-м, они были дезориентированы. Потому что и теперь потерпевшее крах общество ГДР не могло сразу освободиться от тяжелого наследия диктатуры СЕПГ.

Проработка истории ГДР на основе массы архивных материалов, доступ к которым был открыт сразу после ликвидации восточногерманского государства, происходила с беспрецедентной скоростью. Длина полок только с документами Министерства государственной безопасности составила 170 погонных километров. Их изучение и оценка проводились с учетом опыта, накопленного после 1945 года. Так, сразу же была создана парламентская комиссия, призванная заниматься «проработкой истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии» (чего не было в свое время сделано при сведении счетов с национал-социализмом), которая уже собрала девять томов экспертных материалов и опросов свидетелей.

Ни одна область современной европейской истории после 1945 года не исследовалась столь интенсивно, как исчезнувшее в 1990 году восточногерманское государство и общество*. К тому же изучать ГДР помогали многочисленные специальные институты. Кроме уже упомянутой парламентской комиссии, созданной в 1992-м, заслуживают упоминания Центр исследования современной истории в Потсдаме, Институт Ханны Арендт в Дрездене, Отдел образования и исследований при федеральном уполномоченном по изучению документов службы государственной безопасности бывшей ГДР (по имени его первого руководителя именованный «ведомством Гаука» — ныне «ведомство Биртлера»). Открытие новых исторических музеев, реконструкция мемориалов в память о жертвах национал-социализма и создание мемориалов жертвам политических преследований в ГДР позволили в самое короткое время сформировать новую культуру памяти и воспоминаний о советской оккупационной зоне в Германии и о ГДР.

Так как в 1990-х в центре проработки прошлого находилась преимущественно восточногерманская служба государственной безопасности**, все новые и новые открытия укрепляли впечатление о ГДР как о «государстве Штази». Это больно задевало чувство собственного достоинства бывших граждан Восточной Германии, которые видели в ГДР отнюдь не

* *Обзор исследований ГДР см.: Mählert U., Wilke M. Die DDR-Forschung — ein Auslaufmodell? Die Auseinandersetzung mit der SED-Diktatur seit 1989 // Deutschland Archiv. 37 (2004). — S. 465–474.*

** *См., в частности: Gieseke J. Mielke-Konzern: Die Geschichte der Stasi: 1945–1990. — München, 2001; Staatssicherheit und Gesellschaft: Studien zum Herrschaftsalltag in der DDR / J. Gieseke (Hg.). — Göttingen, 2007.*

только неправое государство и диктатуру. ФРГ в рамках исторической политики пока не удалось интегрировать мировосприятие бывших граждан ГДР в новое общефедеральное национальное самосознание. А 8 мая 2009 года уроженка Восточной Германии канцлер Ангела Меркель назвала ГДР «неправовым государством» и «государством доносчиков».

Берлин, как новая столица воссоединенной Германии, теперь осмысливает культуру памяти, которой могла бы руководствоваться немецкая историческая политика. Создание Немецкого исторического музея призвано «оплатить» двойной послевоенный счет Германии. В центре города в 2005 году был возведен центральный немецкий мемориал в память евреев, убитых в Европе. Это главный музей холокоста в Германии, место памяти о 6 млн жертв-евреев. Однако публичные дебаты в связи с Берлинским мемориалом холокоста проходили отнюдь не умиротворенно: как-никак народ впервые ставил в центре своей столицы памятник собственному позору. Еврейский музей в центре Берлина — самый большой музей такого рода в Европе — был открыт еще раньше (2001). В память о других категориях жертв, в частности о цыганах синти и рома, которые протестовали против деления жертв геноцида на первый и второй сорт, должен быть создан отдельный мемориал.

Сооружение памятника холокоста является своего рода апогеем исторической политики и политики памяти в Германии. С другой стороны, в воссоединенной Германии становится заметным взгляд на Вторую мировую войну, представляющий немцев ее жертвами. В этой связи характерны историко-политические демарши объединений «изгнанных», которые намереваются создать в Берлине «Центр против изгнаний». Другие группы выступают против декретов Бенеша*. Переселение восточноевропейских этнических немцев трактуется как «преступление против человечности», при этом полностью игнорируется исторический контекст, то есть вопрос о причинах переселения. В соседних Польше и Чехии план создания Центра изгнанных имел сильный политический резонанс: здесь возникли опасения, что музей такого рода завуалирует вопрос о том, кто несет ответственность за Вторую мировую войну и тем самым за изгнания как ее следствия.

Картина немецкой памяти порой дает трещины в самых неожиданных местах. Так, до сих пор политически безупречный писатель Мартин Вальзер в своей благодарственной речи 11 октября 1998 года в связи с награждением его Премией мира Немецкой книготорговли раскритиковал «долг памяти». Освенцим, по его словам, превратился в универсальную «моральную дубину», а «наш позор используется в целях, не имеющих никакого отношения к прошлому». Вальзер выступил против «ритуализации» общественной памяти и за перенос конфликта с национал-социализмом на уровень индивидуальной совести.

Другого рода провокативность в отношении немецкой исторической политики продемонстрировал американский политолог Даниэль

* Речь идет о ратифицированных парламентом Чехословакии в 1946 году декретах о лишении гражданства и имущества немецкого и венгерского населения Чехословакии, что привело, в частности, к изгнанию немцев из этой страны.

Голдхаген. В своей опубликованной в 1996 году в США диссертации «Исполнители воли Гитлера», которая появилась в немецком переводе в 1998 году, он утверждает, что немцы — самое позднее с XIX столетия — стали руководствоваться когнитивной моделью «антисемитизма, исключаящего евреев из числа представителей рода человеческого», в результате чего они представляли людьми, достойными ненависти. Вопрос «Так все-таки все ли немцы виновны?» спровоцировал новый спор среди историков, который, как никакая другая дискуссия до этого, одновременно пробудил в обществе интерес к исторической науке.

Можно привести и много других примеров, подтверждающих, что Германия не освободилась от своего прошлого и что

Можно привести и много других примеров, подтверждающих, что Германия не освободилась от своего прошлого и что политика прошлого и историческая политика по-прежнему тесно связаны между собой

политика прошлого и историческая политика по-прежнему тесно связаны между собой. Это подтверждается настоящим бумом в музеях, на выставках и на мемориальных мероприятиях, посвященных жертвам национал-социализма, и вообще широким присутствием исторической тематики в аудиовизуальных СМИ. В связи с этим часто говорят о «рыночной стоимости воспоминаний» и «театрализации памяти», идут споры по поводу закона о компенсациях лицам, угнанным на принудительные работы в Третий рейх, неоднозначно восприняты выставка (1995), посвященная преступлениям вермахта во Второй мировой войне, демарши по запрету Национал-демократической партии Германии (НДП), возникают споры о перемещенных ценностях и новых процессах над военными преступниками.

По-видимому, национал-социализм и в будущем останется важным фактором немецкой исторической политики, потому что прошлое — это не только память, которую можно преодолеть. Новые поколения ставят новые вопросы, воспринимая прошлое менее болезненно, но также и с меньшей однозначностью. Можно ли представить себе диктатора, подобного Гитлеру, человечным, как в фильме «Крушение» режиссера Оливера Хиршбигеля, или делать его посмешищем, как в фильме «Мой фюрер» режиссера Дани Леви? То, что было табу для старшего поколения, с изменением исторической политики предстает совсем в ином свете.

Окончание в следующем номере

*Квентин Пил,
старший научный сотрудник
Королевского института
международных отношений
(Chatham House)*

Журналистика как власть и ответственность

Большее года назад, покидая место редактора международного отдела газеты «Файненшл Таймс», свой прощальный вечер в Берлине перед уходом на пенсию я провел в Музее естественной истории, находясь под огромным скелетом динозавра, которого выбрал намеренно как символ старомодной журналистики. Я считаю, что ценности той журналистики, о которой я буду говорить, независимы от уровня развития технологий и должны оставаться неизменными. Прежде всего я имею в виду стремление журналиста к объективности, насколько это возможно. Журналистика — это своего рода попытка сложить пазл. Иногда есть всего лишь один-два фрагмента какой-либо реальности и понять полную картину невозможно. Однако по мере того, как складываются фрагменты головоломки, вдруг понимаешь, что синие фрагменты, оказывается, были не небом, а морем, и, чтобы получить цельную картину события или явления, нужно хорошо поработать. Нужно быть открытым, подвергать сомнению собственные суждения и предрассудки.

Когда я выступаю перед молодыми журналистами, всегда говорю им, что обычно самые лучшие сюжеты — те, которые не совпали и даже оказались поначалу прямо противоположными вашим ожиданиям. Легкие сюжеты предсказуемы и очевидны, сложные трудозатратны, но в конце концов могут привести к поразительным открытиям.

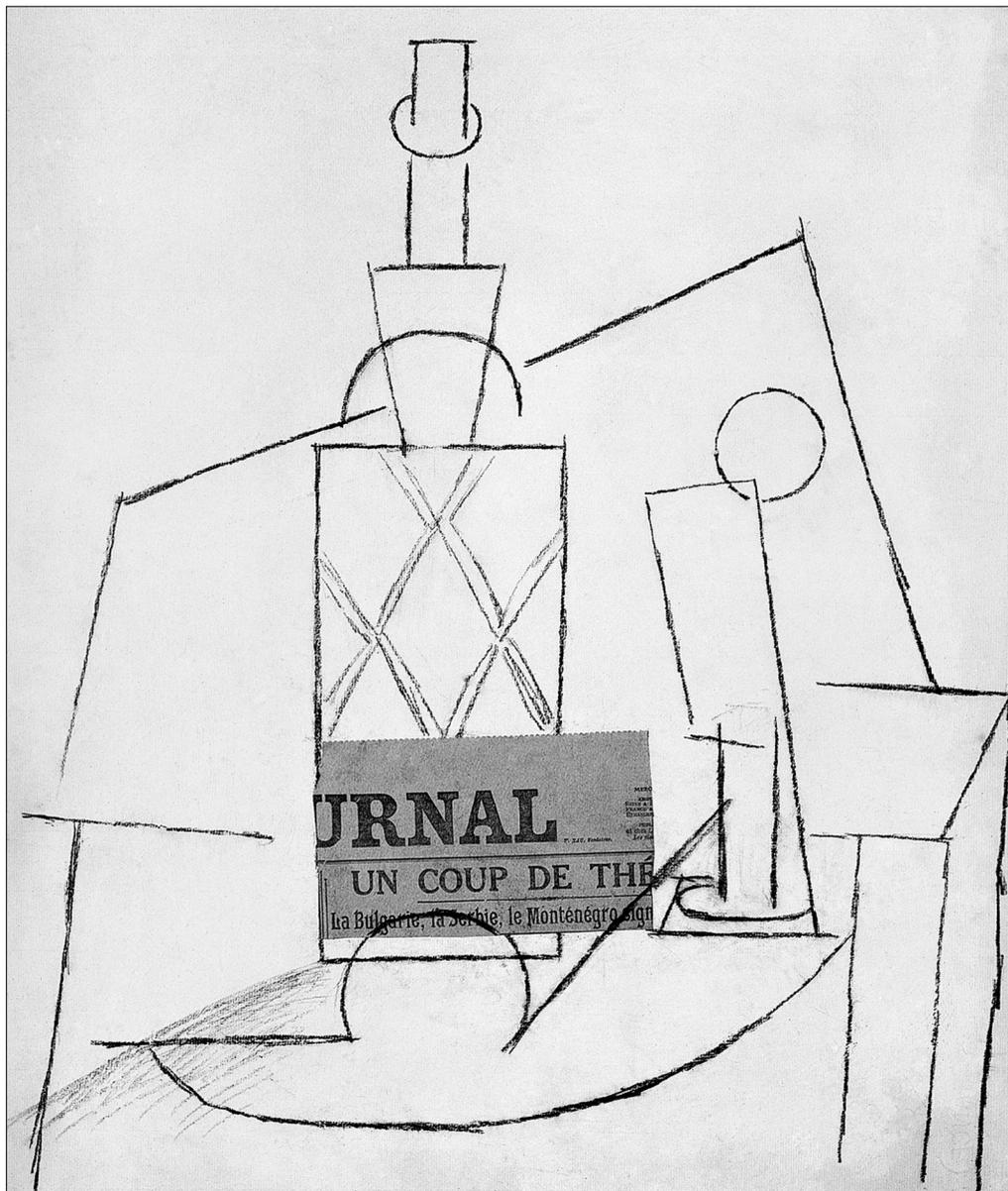
Американская журналистика четко разделяет журналистику факта и журналистику мнения. Журналисту нельзя «блогифицировать» информацию, это неправильно. Я вырос профессионально в мире, где главной задачей журналиста является поиск фактов, а их интерпретация вторична. Если вы сначала занимаете позицию, а потом ищете факты, подгоняя их под свою концепцию, это будет пропаганда, а не журналистика. Соскользнуть в область предвзятого мнения, пропаганды очень просто. Сначала факты, потом мнение, а не наоборот.

Быть журналистом — привилегия и высокая ответственность. Сила, которая есть у журналиста сегодня, уникальна. Совершенно очевидно, что идущие в Великобритании, Франции, Германии политические дебаты происходят не в парламенте, а в СМИ. Журналисты сегодня зачастую сильнее, чем политики. Работа журналиста — выбирать то, что важно, и анализировать. Журналистика, которая вас удивляет, заставляет думать, волнует, пробуждает, — это хорошая журналистика. СМИ должны нести обществу новые идеи. А если журналистика поддерживает узкий взгляд на события, факты, это уже не журналистика, а пропаганда. К слову сказать, 80% того, что делают СМИ в современном мире, — это ангажированная пропаганда. Поэтому сегодня многие воспринимают СМИ как часть правящего класса.

Не могу представить обстоятельство, при которых искажение действительности было бы оправданно. Безусловно, есть ситуации, когда блокировка определенной информации оправданна, например, если речь идет о полицейском расследовании, спецоперации и раскрытие данных может помешать задержанию преступника. С другой стороны, журналист должен обладать интуицией и понимать, что часто государство скрывает информацию с совершенно неблагородными и недобросовестными целями. Поэтому журналист обязан задавать вопросы «почему» и «как я могу это проверить?». Очевидно, в 95% случаев журналисту нет необходимости скрывать или искажать информацию, тем более что информация все равно найдет путь к аудитории, так или иначе. Кроме того, нам, журналистам, необходимо стремиться к большей профессионализации. Люди, нарушающие профессиональный кодекс, должны оставаться вне профессии. В «Файненшл Таймс» есть железное правило — никогда не использовать в собственных интересах инсайдерскую информацию, предназначенную

для внутреннего пользования в издании. Если вы это правило нарушаете, следует немедленное увольнение.

В Великобритании есть газеты, которые забиты «ширпотребом», но при этом они очень успешны коммерчески. Газета «Дейли мейл» очень успешна, потому что прекрасно чувствует то, что хочет публика. Например, публикует материалы против иммигрантов и вообще все, что дает ей рейтинг, подхватывает и тиражирует сплетни и слухи. Зато продается изумительно. Такая журналистика тоже опасна, и нам нужно стараться сбалансировать ее. Мы обязаны стремиться к беспристрастности. Надеюсь, мы на это еще способны. Я отношусь к последнему поколению иностранных корреспондентов, которые получали назначение в разные страны. Восемь лет я провел в Африке, потом работал в Брюсселе, в Москве во время перестройки. Потом работал в Бонне, в Лондоне, а последние четыре года в Берлине. Мой коллега Том Фридман из «Нью-Йорк Таймс» говорил мне: «Знаешь, чтобы быть достойным журналистом, нужно быть туристом со своей позицией». А начинал заниматься журналистикой я в британской провинции, в Нью-Касле. Там я научился настоящей журналистике, которая не про процессы, а про людей. Потом я пришел в «Файненшл Таймс» и с удивлением узнал, что у этой газеты больше иностранных корреспондентов, чем у какого-либо другого издания. Спустя несколько лет я встречался с китайским послом в одной из стран Африки, который заметил: «Да, мы всегда читаем “Файненшл Таймс”, потому что капиталисты не лгут». Он имел в виду, что деловая газета не может позволить себе давать недостоверную информацию, потому что люди на этом либо заработают деньги, либо потеряют их. Это очень дисциплинирует журналистов. Когда я впервые отправился в зарубеж-

Пабло Пикассо. Бутылка, газета и рюмка на столе. 1912

ную командировку, редактор напутствовал меня следующими словами: «"Файненшл Таймс" всегда права. Да поможет тебе Господь, если ты ошибешься. И подстригись наконец». Я работал в Африке в 1976–1984 годах. Тогда в Южной Африке была агония белого правления — конец апартеида, и я наблюдал, как страна готовилась к

переменам. Южноафриканские власти очень хотели, чтобы их услышали. Для этого они открыли новую газету и наполнили ее сплошной пропагандой. Все знали, что это пропаганда и что газета принадлежит властям. Эта и похожие истории убедили меня, что часто власть грешит некомпетентностью, а не каким-то умыслом. В ЮАР тогда закончилось

тем, что пришлось арестовать министра информации, потому что он украл деньги, которые были отпущены на финансирование газеты.

Кому вообще интересно знать, что происходит в той же ЮАР, в России, на Украине, да где угодно? Задача журналиста как раз в том, чтобы людям захотелось узнать, что происходит в других странах. Я искренне и страстно убежден, что мы должны понять друг друга. Иначе мы будем совершать глупые поступки, которые ввязывают нас в конфликт и еще дальше, в войну. Министр иностранных дел Германии, как-то выступая с речью, заметил, что мир скатывается к международному кризису. В 2014 году мы отметили два важных юбилея — столетие с начала Первой мировой войны и 25-летие с момента падения Берлинской стены. Один связан с катастрофой, другой — с удивительным освобождением. В 1914 году достигла финала первая большая фаза глобализации, ознаменованной удивительным расцветом культуры, торговли, промышленности, науки, и этот мир совершенно внезапно рухнул после начала Первой мировой войны. В 1989 году, в год падения Берлинской стены, я был в Москве. Поэтому я вообще мало что увидел: советское телевидение не особенно давало в эфир картинки событий в связи со стеной, уничтожением границы между двумя частями Германии. В новостях сказали что-то вроде: «Небольшие трудности в Берлине, беспокоиться не о чем». Конечно, момент был совершенно удивительный, он символизировал освобождение — окончание холодной войны, падение железного занавеса, разрушение этой ужасной стены, разделявшей семьи в Берлине.

Усвоили ли мы уроки прошлого? Трудно с этим согласиться. Скорость, с которой мы продолжаем распространять предрассудки, внушает отчаяние. Михаил Горбачев, который приезжал в Берлин на

25-летие падения стены, предупредил, что существует опасность вступить в новую холодную войну. Я все же в это не верю, потому что то время, к счастью, вернуть невозможно: тогда у нас не было такой свободы передвижения, как сейчас, не было таких возможностей для коммуникации, какие есть у человечества сегодня. Но, как бы то ни было, пропаганда снова вернулась. Поэтому на журналистах и всех, кто имеет отношение к медиа, лежит обязанность создать атмосферу, в которой пропаганда неспособна нас оглушить. Мы не можем допустить, чтобы невежество и предрассудки нас разделяли.

1914 и 1989 годы разделяют 75 лет — 75 утраченных лет: две мировые войны, великий кризис, русская революция, подъем нацизма в Германии, потом эра идеологической стагнации, так называемая холодная война. И это действительно была война — ментальный и психологический застой, когда все засели в свои идеологические окопы и не хотели слышать друг друга. Настолько это было бесплодно, настолько скучно!

Когда в 1970 году я начинал работать журналистом, самым крупным событием того времени был кризис, связанный с ростом цен на нефть. Финансовый кризис разразился в Америке, Западной Европе. Все внезапно поняли, что нам не хватало естественных ресурсов и что жить как раньше больше не получится. Другое важное открытие 70-х — открытие Китая. После смерти Мао Цзэдуна к власти пришел Дэн Сяопин, и Китай вдруг стал видным игроком на международной арене. И третье событие, которое мы в то время не заметили, а оно нас настигло, — изобретение Интернета. Потом случилось падение Советского Союза — еще одно грандиозное событие, ознаменовавшее конец холодной войны, расширение Европейского союза, сильно изменившее нашу жизнь, 11 сентября 2001 года и подъем

исламского фундаментализма, так называемая война Джорджа Буша-младшего с терроризмом. Наконец, лопнул финансовый пузырь, в котором мы жили, и нас накрыл настоящий финансовый кризис. Все эти драматические перемены последних 40 лет, из-за которых наша жизнь стала труднопредсказуемой, заставляют людей чувствовать себя в меньшей безопасности, чем в прежнем предсказуемом мире. Нет ничего удивительного в том, что пропало чувство защищенности, что люди прячутся в свои национальные скорлупки, раковины.

В мире сейчас происходят принципиальные сдвиги. Прежде всего это, конечно, упадок Запада и подъем Востока. Через тридцать лет главными центрами силы в мире будут Китай и Америка. Реальная опасность в том, что между этими державами окажутся два стагнирующих, демографически депрессивных региона с великой культурой — Европа и Россия. Нас ждет именно такой сценарий, если мы не будем осторожны, и нужно реально смотреть на эти перспективы. У нас есть общая судьба, у нас есть общий европейский дом.

После распада СССР в стране появилась гласность, открылись информационные шлюзы, все глупости, ошибки советской системы стали очевидны. Конечно, перестройка была катастрофой. И сейчас мы спорим, кто привел Советский Союз к краху. Ельцин? Рон Рейган? Гельмут Коль? Советский Союз сам разрушился, не устояв на собственных противоречиях. Он не мог больше существовать, не имея возможностей для нормального развития, в виде жестко контролируемой, фундаментально нечестной системы, которая сама себя разрушила. Рабочий делал вид, что работает, а государство делало вид, что ему платит. Не было ценностей ни в деньгах, ни в жизни, ни в воспитании. Я видел, как в 1988 году страна действительно рассы-

палась. Я это помню. Но один из моих друзей заметил: «Помни, что империи разрушаются медленно». Теперь я понимаю, что, скорее всего, он был прав, и Российская империя сейчас пытается разобраться с тем, как она теряет силу. Империи рушатся медленно, эта мысль очень близка моему сердцу. Британия тоже была большой империей, но после Второй мировой войны она рухнула, исчезла как дым. При этом британцы тоже никак не могут привыкнуть к мысли, что империи больше нет.

У меня был удивительный опыт работы в Германии. Мне, британцу, было так же сложно, как было бы сложно русскому, приехавшему в Германию, потому что мы выиграла войну, а они выиграла мир. Сейчас Германия богатая, комфортная для жизни страна. Фактически это самая влиятельная страна в Европе. Ангела Меркель — европейский лидер, с которым хотят говорить Китай и Америка, именно с ней. Сегодня Германия — одна из наиболее цивилизованных стран в мире. Почему? Потому что они поняли свою историю и примирились с ней. Меня поразило в Германии, как страстно там защищают данные частного характера. В Германии говорят: «Мы помним, что делало гестапо, что делала гэдээровская Штази. Мы не хотим, чтобы частная информация попала в руки спецслужб». Это очень интересный феномен: с одной стороны, немцы яростно защищают персональные данные, с другой — совершенно открыто демонстрируют физическую жизнь. Они любят снимать с себя одежду, ходят обнаженными, при этом их окна распахнуты и нет занавесок. Им на это наплевать. Я размышлял об этом феномене: наши мысли должны быть частными, а тело может частным не быть. Знаете, это очень правильно — мысль должна быть частной. Когда я жил в Москве периода СССР, практически все, что я говорил, так или иначе стано-

вилось достоянием КГБ. Я должен был помнить об этом постоянно: моя жизнь записывается на пленку. После того как я уехал из Москвы, прошло два года, прежде чем я позволил себе думать, что меня, может быть, больше никто не слушает. Все учились быть осторожными: не говорить, не писать чего-то такого, что может подвергнуть кого-то опасности. Сегодня люди тоже начинают понимать, как информационные технологии могут повлиять на их репутацию. Разумеется, в определенной мере это пугает. Именно поэтому я

с большим пониманием отношусь к дебатам, которые идут в Германии, по поводу ограничения возможности шпионить друг за другом через Сеть.

После распада Советского Союза начались колоссальные изменения. Балтийские страны захотели в Европу. Для них вхождение в Европу было гарантией демократической стабильности и верховенства права. И в том числе им хотелось попасть в приятное место для богатых, в богатый клуб. С одной стороны, появление новых государств с низким доходом разбалансировало старую Европу. Резко возросла иммиграция, люди двинулись с Востока на Запад. Конечно, это не всем на Западе нравится. Насколько я понимаю, Европейский союз хочет иметь скучных и спокойных, как валенки, соседей, у которых нет коррупции. А Украина рушится. В Берлине, в Лондоне все это видится так, что Москва хочет дестабилизировать Украину.

Вряд ли можно говорить о едином, естественном, каком-то цементированном европейском пространстве. Но, например, Германию и Россию в течение многих веков связывают удивительные и близкие отношения. У Ангелы Меркель на рабочем столе стоит портрет Екатерины

Великой. Надо помнить, что Германия — ближайший партнер России, влиятельный и сильный. Да, кризис на Украине нарушил фундаментальные отношения в Европе. Ангела Меркель до чертиков разозлена тем, что происходит. Я могу объяснить, что ее разозлило: то, что гра-

*80% того, что делают
СМИ в современном мире, —
это ангажированная пропаганда.
Поэтому сегодня многие воспринимают
СМИ как часть правящего класса*

ницы государств меняются произвольно. После окончания холодной войны мы должны сохранять имеющиеся границы, потому что после распада СССР мы договорились о границах. Меркель прямо об этом не говорит, но, думаю, ее беспокоит то, что пересмотр границ может поставить вопрос о бывших германских территориях в Польше, например. Если запустить этот процесс, откроется банка с пауками. Я понимаю, почему Ангела Меркель расстроена и недовольна Владимиром Путиным. Отношения сейчас очень сложные, но она говорит по-русски, он хорошо говорит по-немецки — они должны понять друг друга.

Завершая тему империи и пропаганды, приведу поговорку моей жены (я англичанин, а она ирландка): англичане никогда не помнят, а ирландцы никогда не забывают. Думаю, это важная мысль. Русские никогда не помнят, а грузины, например, никогда не забывают. Или латвийцы никогда не забывают. Есть много маленьких стран, которые не забывают и не хотят забывать. Тем не менее Европа является для всех нас единым континентом. У нас общие ценности. И мы, журналисты, тоже имеем общие для профессии фундаментальные ценности.

*Александр Архангельский,
журналист, писатель*

Зачем нужны журналистика, литература, образование, если они ничего не могут изменить?

Всю жизнь я профессионально связан с культурой, образованием, медиа, мультимедиа. И все чаще задаю себе вопрос, который Тарас Бульба задает сыну Андрию: «Ну что, сынку? Помогли тебе твои ляхи?» Все, чем я в этой сфере занимался, окончилось крахом. Возьмем газету «Известия», где я работал заместителем главного редактора, колумнистом. Где теперь эта газета? Формально она продолжает существовать, но когда мне звонят журналисты «Известий» с просьбой дать комментарий, я отказываю: то, что газета представляет собой сегодня, ниже моего представления о допустимом. Потому что раздел «Мнения», например, здесь в основном состоит из публичных доносов. Последняя черта, которую, на мой взгляд, переступать нельзя, — доносительство. Вообще мы признаем за своим оппонентом право быть им до определенной моральной черты. Как только люди преступают закон, материальный или моральный, переходят черту, начав призывать власть к репрессиям в отношении оппонентов, — всё, они выбывают из переговорной зоны. До той поры надобно терпеть того, кто мыслит принципиально иначе, чем ты. А если черта пройдена, человек для меня в личном качестве заканчивается, хотя не уверен, что навсегда. Моральные вопросы стоят очень остро. Тем не менее бесконечные переговоры, проговаривания, кажущиеся бесполезными, нужны. 2014-й год проявил отсутствие в стране институтов, идей, чего-то, что способно удержать ее от перехода к репрессиям, если власть решит, что репрессии необходимы. Огромное количество людей к репрессиям внутренне готово. Меня это тревожит гораздо больше, чем конкретные политические решения руководства страны. Случись что — репрессии поддержат. И коллеги-журналисты тоже поддержат, потому что есть такой запрос.

Как журналист сегодня я не вижу для себя возможности заниматься политической журналистикой. В моей

жизни уже был момент выбора, связанный с этой профессией. В 2006 году меня вызвал главный редактор издания, где я писал колонку как политический обозреватель, и сказал, что у меня есть выбор: не писать про региональные выборы и движение «Наши» или моей колонки не будет. Я ответил ему совершенно искренне, что с удовольствием не писал бы про выборы и «Наших», но это невозможно, потому что выборы прошли в воскресенье, а моя колонка выходит в понедельник. Не писать о прошедшем важном политическом событии журналисту невозможно. Все, точка. Для журналиста это даже не вопрос желания или нежелания, это вопрос профессионального выбора. Тогда я достиг пика своей карьеры, потому что два года получал зарплату за то, что ничего не пишу. Больше такого в моей жизни не будет.

Ужас ситуации с политической журналистикой в том, что журналистов превратили в оформителей, которые «оформляют» позицию по любому поводу. Но читателю уже давно не интересно то, что я скажу, потому что ничего нового он не узнает. И мой оппонент нового тоже не скажет. Среди медийных фигур с той и другой стороны давно не было кадровой ротации. Поэтому заранее понятно, кто в какую игру будет играть. С другой стороны, часть аудитории нуждается не в информации, которую хотело бы воспринимать критически, а в опознавании: мы включили телевизор, видим выступление того, другого, это нам близко, и мы хотим от него подтверждения своей точки зрения, прочувствованной и родной, а не новой и чужой информации. Вот поэтому сегодня сложно заниматься политической журналистикой, но можно заниматься расследовательской — например, как это сделал Лев Шлосберг в псковской газете, когда первым рассказал о российских военных, погибших на территории Донца и Луганска. Штучная работа. Или можно уходить в индивидуальные проекты. Технологически эпоха позволяет уйти из СМИ и продолжать заниматься журналистикой автономно: существует автономный проект «Кашин», проект «Гражданин поэт» оторвался от экрана и зажил самостоятельной жизнью, проект Ксении Собчак «Госдеп» перемещался с экрана на экран, но может жить и в автономном режиме. Каждый может выбрать, в каком поле работать.

Недопустимо, на мой взгляд, журналисту и вообще интеллигенту заниматься политикой, быть политиком и сохранить свой прежний статус. Уход в политику — это ворота с потерянным ключом: или интеллигент, или политик. Да, в истории страны бывают переломные моменты, когда вербовка политиков осуществляется из тех, кто есть, — на определенный период, с правом возвращения в профессию. У нас такая история была в 90-х, когда депутатами Верховного Совета были Александр Любимов, Александр Политковский и другие журналисты и интеллигенты. Но в любое иное время журналист может уйти в политику один раз, обратной дороги нет, потому что у него меняется сознание. Из тех же соображений во всем мире государства ограничивают права владельцев СМИ, настаивая, чтобы медиа были профильным бизнесом, а не дополнительным — потому что на вас можно надавить, заставить принимать определенные решения в медийном бизнесе, чтобы не пострадал основной. А вот что

Рене Магритт. Серебряная пещера. 1926

журналисту обязательно нужно делать — информационно провоцировать власть, не обидными словами, а именно информационно. Задача журналиста — все время тревожить тех, кто работает в публичной сфере. Политический деятель — профессия открытая, предполагающая информационные провокации, но в рамках закона, конечно.

Другой проект, который я уже семь лет веду и который был задуман Дмитрием Борисовичем Зиминым, посвящен научно-популярной литера-

туре — премия «Просветитель». С одной стороны, научная литература наконец дошла до читателя. С другой стороны, нельзя утверждать, что тиражикратно растут, что свет разума разливается по стране и она не скачивается на пещерный уровень в рациональных представлениях об окружающем мире. Другая премия, которую я веду, «Политпросвет», адресована журналистам. Один из создателей этой премии, Борис Зимин (Зимин-младший), задался вопросом, можно ли представить подобную премию в Германии 1938 года, на что я возразил, что у нас пока еще не 38-й год, но уже и не 31-й. Один за другим критически настроенные СМИ уходят из медийного поля или меняют владельца. Да, абсолютно независимых СМИ нет нигде в мире, есть относительно независимые. Но в одних странах общество получает доступ ко всем потокам открытой информации и в сумме имеет представление о полной картине, в других не получает. Монополия как консервативных, так и либеральных СМИ вредна и неэффективна. И поэтому российская журналистика сегодня неэффективна. Распорядителем свободы слова является не журналист и не собственник СМИ, а общество. Когда у общества есть возможность получать разнородную информацию, тогда и журналистика эффективна.

Другой мой проект связан с изданием школьных учебников по литературе: в данный момент заканчиваем линейку учебников для школьников с пятого по девятый класс. Проект ведем вдвоем с коллегой: она человек консервативный, а я либеральный. И, по-моему, именно это важно для школы, чтобы мы мешали друг другу заходить за край, потому что школа не может быть консервативной или либеральной, это место для всех. Но вдруг Государственная дума решила, что учебников не может быть много. В Госдуму внесен законопроект, вводящий единые (или как они его хитро называют «базовые») учебники для четырех предметов — математики, истории, литературы и русского языка. Могу с этим согласиться — и то с оговорками, когда речь идет об учебнике математики, с русским языком тоже более или менее понятно: правила могут быть едиными, хоть и они со временем изменяются. Но по поводу литературы не могу понять и согласиться. Единый учебник по литературе подразумевает, что мы знаем, как правильно и окончательно истолковать литературное произведение, которое готовы предложить всем школьникам страны. Однако самой литературе не интересны окончательные толкования. Разве мы читаем книги для того, чтобы «правильную» мысль из них вынести? Тем более когда речь о русской литературе. Русская классика в этом смысле против правил даже в таком моралистическом жанре, как басня. Жанр басни, известно, подразумевает обнаружение человеческих слабостей и пороков с последующим коротким выводом-моралью. И что? Возьмем самую известную русскую басню И. Крылова «Ворона и лисица», которая моралью не завершается, а начинается. Причем уже в начале басни автор заявляет, что дальнейшее морализаторство бесполезно:

*Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.*

Что мы пытаемся переделать, если «льстец всегда себе отыщет уголок»? В общем, Крылов совсем не пытается переделать мир, его басня не про «переделать». Басня про что-то другое, может быть, про историю лисицы и вороны, то есть картинка в ней важнее, чем мораль.

Спустя долгие годы высокомерного отношения к культуре (существовала даже знаменитая формула: культура как свинья — визгу много, шерсти мало) государство наконец определило важное место культуры в государственной политике и, к сожалению, «пошло в культуру». Государству стало понятно, что картину мира любого человека формирует культура, которая в конечном счете определяет все: трудовые мотивации, политическую позицию (долгую, не сиюминутную социологическую — «ты за кого, если выборы будут завтра?»). Культура определяет картину мира, а картина мира потом работает в автономном режиме и тоже многое определяет. Государство понимает, что через культуру получает отмычку для сознания. При этом государство, на мой взгляд, уже зашло за край в своем внимательном отношении к культуре. Для него культура — или, скажу иначе, символы — более значима, чем даже политика и экономика, то есть символика стала важнее прагматики.

Текущую политическую ситуацию в России великий русский скептик, которого мы считаем оптимистом, Александр Сергеевич Пушкин образно описал в «Сказке о рыбаке и рыбке», она многое нам объясняет. Старик со старухой живут на берегу студеного моря тридцать лет и три года. У них нет ничего, кроме разбитого корыта. Другой жизни они не знают, поэтому не страдают от того, что корыто разбито, а сеть рваная. Старик со старухой равны себе. Когда золотая рыбка попадает в сети старика, что в первую очередь делает старуха? Она начинает с того, что меняет имущественный статус. В ее руках оказалось могущество золотой рыбки — институт власти, и первое, на что старуха направляет власть, — получение нового корыта. Наложим этот эпизод на российские события последних пятнадцати лет. Следующим шагом старуха меняет социальный статус: из крестьян переходит в столбовые дворяне. Именно столбовые, что очень важно. Простым дворянином в России можно было стать, а столбовым нельзя стать по определению. Но старик со старухой, используя властное могущество, задним числом инкорпорируют себя в историю. Далее перед старухой встает вопрос о всей полноте государственной власти, и она становится царицей. У Пушкина был еще один эпизод, который поэт в черновиках набросал, но не включил в окончательный вариант сказки. В нем старуха становится папою римским: на ней латинская шапка, перед ней сидят латинские монахи и поют латинский гимн. Пушкин все очень точно описал политологически: сначала власть осваивает имущественный статус, потом исторический и социальный, далее ставит вопрос об абсолютном объеме властных полномочий и, наконец, желает сакральности, потому что у кого сакральность, тот есть власть, возвышающаяся над царской.

Россия сейчас находится на этапе папы римского, если отталкиваться от сказочного сюжета Пушкина. Начался этот этап, на мой взгляд, на рубеже 2011 и 2012 годов, когда в Москву привезли частицу пояса Пресвятой

Богородицы, и люди сутками стояли в очереди к ней. Такую жертву они были готовы принести ради доступа к истинной сакральности, мысля примерно так: «Не хотим посредников, ни церковных, ни государственных. Хотим, чтобы были мы и Бог. Дайте нам доступ к святости здесь и сейчас». Мне даже кажется, власть в тот момент напряглась, потому что восприняла происходящее как покушение патриарха и церковных институций на альтернативную повестку дня, гораздо более серьезную, чем Болотная площадь. В этом контексте становится понятна странная история с Pussy Riot, случившаяся позже в Храме Христа Спасителя, которой придали статус события государственной важности. Причем в первый раз Pussy Riot что-то подобное сделали в Елоховской церкви, откуда их

Распорядителем свободы слова является не журналист и не собственник СМИ, а общество. Когда у общества есть возможность получать разнородную информацию, тогда и журналистика эффективна

просто выставили и правильно сделали. Во-первых, потому что в церкви плясать вообще нехорошо. Во-вторых, ничего катастрофического не случилось. Но как только девушки пересекли порог Храма Христа Спасителя, государственно-церковного символа, их акция приобрела совершенно иное звучание и значение и была расценена не как хулиганство и безобразие, как часто оценивают эту акцию, а как покушение на основы государственной власти. Вопрос о сакральности тут встал со всей остротой. После случая с Pussy Riot уровень сакральности в стране только нарастал. Выступая с посланием к Федеральному собранию в декабре 2014 года, президент объяснил случившееся с Крымом в сакральной плоскости: Крым — наша Храмовая гора, центр нашего мира, поэтому он важен для страны. Не потому даже, что это военная база, и не потому, что это старый нерешенный, неурегулированный вопрос, — ни слова о Будапештском меморандуме о гарантиях безопасности Украины 1994 года. Никакой прагматики, только символ.

Печально, что, в отличие от власти, гражданское общество в России все еще не ценит важности культуры и культурных символов. До него ценность культуры пока не дошла. На Общероссийском гражданском форуме, который проводит Фонд Кудрина, второй год подряд на сессию по теме «Гражданское общество и культура» приходят 10–15 человек. А на сессию «Гражданское общество и власть» приходят 200 человек. Вот где центр тяжести для гражданского общества — там, где оно само и где власть. Но такое представление ошибочно, центр тяжести там, где формируется картина мира.

Как оппонировать власти, если ни литературные, ни исторические, ни журналистские средства в этом не помогают? До поры мне казалось: хорошо, журналистские методы не работают, значит, надо действовать так, как им привычнее — посредством участия в интригах. Но теперь у меня иллюзий не осталось. И я доаживаю в те советы и комитеты, куда вошел, будучи уверенным, что какие-то механизмы работают. Смысл

всей нашей сегодняшней работы — штучный. Не так давно я вместе с министром образования и науки Российской Федерации Дмитрием Викторовичем Ливановым, Натальей Дмитриевной Солженицыной, поэтом Александром Семеновичем Кушнером и Сергеем Волковым, учителем русского языка и литературы московской школы № 57, членом Общественного совета при Минобрнауки, летал в Челябинск, где прокуратура пытается уничтожить одно из лучших региональных образовательных учреждений — физико-математический лицей № 31. Завели на директора уголовное дело: один из самых известных педагогов Челябинска Александр Попов был задержан 11 апреля 2013 года при получении 25 тысяч рублей — по версии следствия — за устройство в гимназию № 93 дочери своего знакомого Юрия Полищука. Уголовное дело директора 93-й гимназии Галины Щербаковой было закрыто, а Попову предъявили обвинение. Центральный районный суд Челябинска полностью оправдал Александра Попова, суд нашел многочисленные нарушения, допущенные при проведении оперативно-следственных мероприятий, и вообще не усмотрел в действиях господина Попова состава преступления. Замечательно устроена страна, где министр образования, вдова великого писателя и два общественных деятеля должны лететь в далекий город, чтобы воспрепятствовать уничтожению школы. Наверное, один челябинский лицей можно спасти, но ведь по всем проблемам не наездишься.

Тем не менее у меня есть простой ответ на вопрос, стоит ли вообще пытаться что-то делать. Понятно, что ждать результата в ближайшей перспективе бесполезно, но если не ждать от своих усилий сиюминутных изменений историко-политической ситуации и понимать, что они направлены на формирование чего-то иного в долгосрочной перспективе, на «проговаривание будущего», то в них, несомненно, есть смысл. Историческое время резко ускорилось во всем мире. В последний раз мы в России переживали такое ускорение накануне перестройки. В то, что будет перестройка, я не верю, хотя уже пройдены стадии постреволюционного процесса — умеренная реставрация, потом реакция. Тем более нужно быть готовыми к будущему: постоянно проговаривать альтернативу, в том числе формировать культурную политику во множественном числе — для разных регионов и разных социальных групп. Нельзя повторить ошибку шестидесятников, которые в 1968 году, за редким исключением, перестали заниматься проговариванием будущего в публичной сфере и перенесли разговоры на кухню. Когда же история дала им второй шанс, оказалось, что экономистам есть что предъявить, а гуманитарному сообществу в изменившихся политических условиях предъявить стране нечего. Проект по вербализации будущего я называю «в шесть часов вечера после войны». Любая война заканчивается, и все равно мы будем заново выстраивать отношения — собственные, концептуальные и иные прочие — и такая задача вполне решаема. Мы продолжаем работать не потому, что нам некуда деться, а потому что история продолжается — и мы не должны оказаться у разбитого корыта.

Политическая деятельность и гражданское участие

В наш политизированный век трудно было себе представить, что вопрос о сути политической деятельности вновь станет актуальным. Казалось бы, все ясно: существует политика как особая сфера общественных отношений, и все, кто в нее вовлечен, так или иначе занимаются политикой, то есть осуществляют политическую деятельность. Именно так полагают российские законодатели и правоохранительные органы, высказывая претензии к различным НКО по поводу их политической деятельности. Но так ли все просто на самом деле? Любая ли включенность в политическую сферу или даже простое соприкосновение с ней означает занятие политической деятельностью? К примеру, вы смотрите по телевизору политическую программу. Занимаетесь ли вы в это время политикой? Очевидно, нет. А если обсуждаете просмотренное с домочадцами или коллегами по работе, публично высказывая свою политическую позицию? Видимо, тоже нет. Ну, а если обращаетесь к депутатам, а то и, бери выше, к самому президенту с требованием принять какой-нибудь федеральный закон, то есть пытаетесь непосредственно повлиять на позицию государства, занимаетесь ли вы в этом случае политикой? И может ли в данном случае ваша активность по стремлению изменить политику государства в той или иной сфере жизни общества квалифицироваться как политическая деятельность? А если становитесь в одиночный пикет с политическими требованиями?.. Вопросы простые, их можно множить и множить. Однако ответы на них не так однозначны. Здравый смысл подсказывает: не всякую деятельность по поводу политики (дискуссии на политические темы, к примеру) можно назвать собственно политической деятельностью. Но какую тогда? Где тот водораздел, где тот квалифицирующий признак, наличие или отсутствие которого дает нам ясное понимание, является ли публичная активность субъекта политической деятельностью или нет?

*Сергей Мошкин,
доктор политических наук,
г. Екатеринбург*

Жорж Вантонгерло. Собор. 1959

Чтобы разобраться в этом, необходимо сделать несколько методологических замечаний, и поможет нам в этом не очень популярный ныне К. Маркс и его «Критика политической экономии».

При анализе человеческой деятельности Маркс четко разделял *предмет* деятельности, то есть то, на что направлен человеческий интерес, и то особое *средство*, которое использует человек в процессе этой деятельности. Благодаря средству труда человек получает саму возможность воз-

действовать на предмет труда, предмет своего интереса. При этом средство труда является определяющим компонентом деятельности, благодаря которому она осуществляется. Именно средство определяет ее особое качество и отличает от других видов деятельности. Поэтому средство труда, продолжает Маркс, составляет не только показатель особого качества производственной деятельности, но и является необходимым условием и внутренним фактором ее осуществления.

Итак, следуя Марксу, характер той или иной человеческой деятельности определяется не столько ее предметом (направленностью интереса), сколько тем особым средством, которое используется при осуществлении данной деятельности.

Применительно к политической деятельности таким особым средством, благодаря которому она осуществляется и становится собственно политической, является власть. Именно использование политической власти как особого средства отличает политическую деятельность от других видов социальной активности. Без распоряжения политической властью нет и не может быть политической деятельности как таковой. Использование политической власти наполняет основное содержание политической деятельности и заключает в себе ее главный критерий и квалифицирующий признак.

Такое понимание сути политической деятельности, как представляется, точно и непротиворечиво определяет круг субъектов политической деятельности. Очевидно, что это люди и институты, имеющие право и возможность распоряжаться политической властью, то есть принимать решения, обязательные к исполнению другими. Мера их компетенций определяется наличным объемом властных полномочий, той долей политической власти, которая находится в их руках, но в любом случае это сравнительно небольшой круг людей, имеющих специальные полномочия принимать руководящие решения, используя политическую власть как инструмент своей политической деятельности.

Марксова методология подводит нас и к другому, на первый взгляд парадоксальному выводу: политическая деятельность по своему содержанию не обязательно может быть направлена на завоевание политической власти. Хотя все мы со школьной скамьи уверены, что субъект политики всегда нацелен либо на завоева-

ние власти, либо на ее удержание, либо на использование. Тем не менее такое понимание политической деятельности было уместным в XIX и отчасти в XX веке, когда незрелость демократических институтов и процедур не позволяли разделять, в том числе и самому Марксу, собственно политическую (властную) деятельность и гражданское участие в политике. Но об этом чуть позже. Сейчас же мы говорим, что если политическая деятельность есть одновременно использование политической власти, то зачем посредством этой деятельности завоевывать то, что уже и так имеется, что уже заключено в содержании этой деятельности? Политическая деятельность вовсе не нацелена на завоевание политической власти и не может в себя включать подобные действия.

Как же быть в таком случае с деятельностью какой-либо партии, стремящейся завоевать депутатские места в парламенте? Или гражданскими активистами, вышедшими на политический митинг к дверям того же парламента? Ведь их деятельность носит явно политический характер?

Конечно, нельзя не признать, что направленность подобных действий носит политический характер, поскольку они ориентированы на власть. Однако направленность деятельности и ее сущностное содержание — это не одно и то же. Для партии, скажем, ее предметный интерес — приход во власть. Эта цель направляет деятельность партии, придает ей осмысленность и рациональность. Но по отношению к самой деятельности партии ее цель — овладение политической властью — выступает ориентиром, внешним обстоятельством, а не имеющимся средством, и потому не может выражать и определять характер ее деятельности. Суть деятельности, напомним Маркса, определяется не целью, которая преследуется людьми, а средством, с помощью которого эта деятельность осуществляется.

Непарламентская партия в борьбе за власть, если мы говорим о демократическом государстве, использует не власть как таковую (именно поэтому ее деятельность нельзя назвать политической в строгом смысле этого слова), а иное средство — демократические гражданские процедуры и правила, установленные законом, а также институты, ключевым из которых является институт выборов.

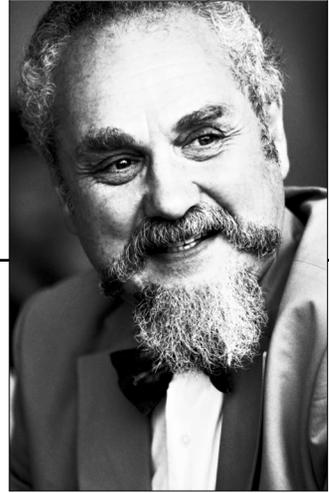
Сами по себе выборы — всего лишь процедура, и в этом смысле они политически нейтральны. Однако с их помощью, опираясь на мнение избирателей, выявляют круг людей, которые будут осуществлять политическую власть и которым будут переданы специальные властные полномочия по принятию руководящих решений. Оттого такие выборы и называют политическими. Партии же, участвуя в них, осуществляют *демократическую* (электоральную) деятельность, совсем не тождественную политической деятельности. Собственно политической она станет в случае успеха партии, после выборов, когда ее представители будут наделены властными полномочиями и правом принимать решения, обязательные к исполнению всеми согражданами, в том числе вчерашними соперниками на выборах.

Так же дело обстоит и с гражданскими активистами, вышедшими на политический митинг. Имеет ли их акция политическую направленность? Безусловно. Люди собрались, чтобы донести до властей свое коллективное мнение по той или иной злободневной общественной проблеме. Однако сама деятельность митингующих от этого политической не становится, ведь никакого властно-распорядительного ресурса у них нет, то есть может считаться политической лишь условно, но при этом носить критический характер. Подобно, например, тому, как существуют художественная литература и литературная критика. И к тому же их заявления, декларации и обращения, адресованные властям,

не обязательны для исполнения последними. Участвуя в митингах, уличных демонстрациях, а также в выборах или просто в публичных политических дискуссиях и обсуждениях, люди, при всей внешней ориентированности на политику, реализуют в этом случае свои конституционные гражданские права на участие в жизни общества и государства, обусловленные их гражданским статусом. Неслучайно такое участие называют гражданским, а деятельность, состоящую в использовании людьми своих гражданских прав, — *гражданской деятельностью*. Здесь, как и в предыдущем примере, важно понимать, что существенные особенности всякой деятельности определяются ее внутренними характеристиками, а не просто внешней направленностью. У гражданских активистов единственное средство их деятельности — гражданские права, установленные законом, при отсутствии властных полномочий.

Политическая деятельность и гражданская (демократическая) деятельность — это разные виды социальной активности. И хотя они могут осуществляться по одному и тому же поводу — политической власти, их содержание раскрывается по-разному: в одном случае — это реальное использование политической власти, в другом — апелляция к ней в процессе реализации гражданских прав и свобод. Если не различать их между собой, то происходит искажение политического бытия, смешиваются понятия гражданского участия и политической деятельности. А именно — последней дается необоснованно расширительное толкование. Как бы тесно ни были связаны между собой политическая деятельность и деятельность гражданская, они остаются различными видами общественных явлений и потому должны быть разделены не только в головах исследователей, изучающих общественные процессы, но также в законотворческой и особенно правоприменительной практике.

Интеллектуальные истоки демократии

Андрей Зубов,
доктор исторических наук

Когда в России сегодня заходит речь о европейской цивилизации и европейских ценностях, акцент почему-то делают на девиантных отношениях полов. Забыты Платон и Гёте, забыт Данте с орлиным профилем, забыты Александр Македонский, Марк Аврелий и Юлий Цезарь с его записками о Галльской войне, забыто «Снятие с Креста» Рогира Ван дер Вейдена, полотна Тициана и Рембрандта, философские искания Декарта и Лейбница — все, что формирует богатую культурную матрицу европейской цивилизации.

Современная Европа такова, какова она есть. И даже пресловутые сексуальные девиации в ее культуре не случайны, это проявление или, как сказал бы культуролог, эпифеномен очень глубоких вещей. Речь вовсе не идет о гедонизме Европы. Гедонизм свойствен всем культурам — арабскому миру, Индии, Китаю, кому угодно. А речь, как ни странно, о том, что именно в Европе возникла научно-техническая цивилизация. Политическая демократия здесь из архаичной формы племенных союзов превратилась в центр всей сложной политической жизни государства.

Не случайно главный художественный жанр и в европейской живописи, и в европейской скульптуре — портрет; нигде более в мире он так не популярен. В Южной Азии рисовать начали очень поздно и под влиянием Европы. В китайской живописи доминирует пейзаж. А как же непревзойденный древнеегипетский портрет, спросите вы? Все верно, Египет — это и есть Европа, колыбель европейской цивилизации. Египет — это Европа до Европы. Жанр портрета подразумевает любование человеческим лицом, которое является высшей эстетической категорией. Так называемый заупокойный портрет появляется в Египте в эпоху перелома — между четвертым и третьим тысячелетиями до Рождества Христова. Портрет всегда потрясает художественной выразительностью и внутренней силой. Перед лувр-

ским «Писцом», изображение которого есть во всех учебниках истории Древнего мира, я часами сидел и улыбался как дурак. Не мог оторваться, потому что он улыбался мне.

Древние египтяне (еще до христианства), считали, что человек — это образ Божий и подобие Божье. «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» — говорится в Евангелии [Ин.1,18]. А какая молитва главная в христианстве? — «Отче наш». Это отношение подобного с подобным, сын подобен отцу, сын во всем такой же, как отец. Он, конечно, другой, имеет свою свободную волю, но это продолжение отца, он — одно естество или, как сказал бы современный человек, у него единый генетический код с отцом. Поэтому древние люди, которые генетики не знали, именно в отношениях сыновства и отцовства подчеркивали единство человека и Бога. Мысль о том, что Бог и человек едины, присутствует в Египте, пронизывает культуру Греции и составляет существо христианства. Христианское богословие сформулировало ее вполне определенно: Бог-творец — Бог по естеству, а люди — боги по благодати. Соответственно портрет в живописи или скульптуре не изображает Машу или Петю, он изображает Бога — создателя мира, высшего из всего возможного, но лично определенно в конкретном человеке, в любом человеке. Каждый человек являет собой образ Божий. Русский богослов XX века, знаменитый автор «Истории русской философии» протоиерей Василий Зеньковский написал, что категория образа Божьего имеет отношение не к человеческой природе, а к личности человека. На этой идее, как на фундаменте, стоит европейская цивилизация, в отличие, например, от цивилизации китайской, в которой человек «не более чем кончик волоска на лошадиной шкуре», как сказано у Чжуан-цзы. И пусть Европа много раз отходила от принципа богоподобия и ныне в чем-то отходит, но на нем основаны экономические и правовые отношения и эстетические особенности европейской цивилизации.

Культурная память и интуиция заставляют современного европейца относиться к человеку как к бесценному подобию Божьему, даже если это не записано в преамбуле европейской конституции. То, что не ужасало Чингисхана — гекатомбы человеческих жертв, ужасает европейца. В контексте историко-культурного отношения к человеку холокост для Европы — трагедия навсегда, как и российские трагедии XX века.

Европейца интересует человек не столько как биологическое существо. Как биологическое существо он всюду один и тот же и, по сути говоря, ничем не отличается от животного. Человек интересует европейца как свободная личность. И в человеке интересует европейца то, что является не плотью звериной, но духом Божьим — его свободное волевое самоопределение, его самоосуществление, его плоть, растворенная духом.

В Индии верят в соединение человеческого атмана* с Брахманом — божественным абсолютным бытием, но через развоплощение. Плоть в данном

* *Атман (санскрит) — одно из центральных понятий индийской философии и индуизма: дыхание, душа, Я-сам. — Прим. ред.*

случае — иллюзия, которая должна быть отброшена, пребывание в плоти — маета сансары, колеса перерождений. Для европейца, напротив, плоть — не только человеческая, но плоть всего мира, материя — очень важна, на этом построена наука. Отсюда традиция мумификации в Египте, сохранение тела как великой святыни. На египетском языке плоть умершего так и называется — саху, «священные останки». Художники специально подчеркивали божественный свет в человеке. Посмотрите на знаменитые фрески итальянской Равенны, на которых через портреты императоров и придворных просвечивает вечное золото иного мира. Или на знаменитый бюст императора Константина, автор которого даже зрочки просверлил, стремясь показать его внутреннее зрение. Или пробела на фресках Феофана Грека в церкви Преображения в Новгороде. Важен не сам портрет, а его внутренняя сущность, божественный свет, льющийся из него. Поэтому когда в Европе пытаются отказаться от внутренней сущности, уйти от божественного в человеке, это тут же проявляется в особенностях портретного жанра. Вспомним портреты Амедео Модильяни*, на которых вместо глаз закрытые белилами глазницы. Или возьмем нацистскую высокую скульптуру Третьего рейха, очень, кстати, мастерски исполненную, но вместо глаз у людей там тоже пустые глазницы.

Тайна портрета ведет нас неожиданно к тайне демократии. Современную европейскую цивилизацию образуют несколько начал: индоевропейское — арийское и семитическое. У древних индоариев существовала так называемая *primitive democracy*, «первобытная демократия» — форма, при которой народное собрание избирает правителя и контролирует его деятельность. В отличие от Египта, где фараон был единственным священником, а остальные священники, если угодно, исполняли его духовную волю и священнодействовали именем царя, у индоариев, наоборот, священник управлял царем. При каждом правителе был, говоря на санскрите, «пурахита» («идущий впереди») — брахман, управлявший ритуалами царя. Демократия всегда была у индоарийских народов, но в Афинах и потом в Риме она превратилась в институциональный стержень организации государственной власти и затем существовала в средневековых сообществах, в том числе и в древнерусских вечевых образованиях (слово «вече», скорее всего, происходит от санскритского корня *vac* — священное слово).

Суть демократии не просто в том, что люди совместно выбирают или контролируют власть. Ее сущность в доверии к человеку. Человек достоин доверия, потому что знает правду. Если человек рожден в лоне Божьем, если он — образ Божий, а Бог основатель мира и создатель мироустроющего закона, значит, человек как образ Божий несет в себе правду и умеет отличить ее от кривды. И соответственно способен самостоятельно управлять собой. Великий принцип демократии основан на принципе понимания человека как высшей божественной сущности.

* Амедео Клементе Модильяни — итальянский художник и скульптор, один из самых известных художников конца XIX — начала XX века, представитель экспрессионизма. — Прим. ред.

Анттонен Арто. Инки. 1946

В мире существуют три типа религиозного мировоззрения. Для Южной Азии, для Индии характерно развоплощение, череда перерождений человека, который стремится освободиться от мира и плоти. Мир для него лишь тягота духа, говорили древние буддисты, и человек, естественно, желает сбросить тяжесть — духу, уйти, угаснуть в нирване. Ему не интересен земной мир и не интересно, как этот мир организован, — а демократия, естественно, это организация земной жизни. Для Восточной Азии и Китая характерно возвращение человека в природу, растворение его в Космосе. Свойство человека выходить из природного закона всегда приводит к пагубным для него последствиям. Свобода реализуется только нега-

тивно — как разрушение естественности. Китаец тяготеет к природному ритму, к естественному миру — такому, каким создает его Дао*. В китайском мировосприятии человек не способен сотворить ничего хорошего нового. «Я передаю, но не создаю», — говорил Конфуций (Лунь Юй 7,1). Как это далеко от слов Христа: «Се, творю все новое» [Откр.21,5].

Европейский человек настроен на преобразование мира, которое начинается с его собственного преобразования. Мир плох потому, что его испортил человек, и человек должен не следовать естеству, но вернуть мир к божественному совершенству. В первых главах Библии Бог, еще до грехопадения, вводит Адама в рай и говорит: «Вот этот мир, трудись над ним, оберегай его и обладай им». Задача человека в европейской концепции мира — быть сотворцом.

Отсюда в Европе совершенно иное отношение к науке. Европейским человеком движет убежденность в необходимости воплощать закон и развивать мир Божий. Европейская наука развивается с глубокой древности.

Технологии Египта поразительны. В «Петербуржских вечерах» Де Местр** пишет о Египте, восклицая, что мы никогда ничего подобного не сможем сделать, не сможем поднять огромные глыбы на такую высоту, не можем с такой точностью высечь изображения животных. Мы не знаем, как египтяне делали пурпурное золото. А непревзойденная египетская медицина? Египетских врачей приглашали ко двору всех восточных монархов.

Но человек имеет право не только на технологические открытия в физике, математике, медицине, но и на социальный эксперимент. Сегодня принято говорить о сексуальной перmissивности Запада, но 120 лет назад писатель Оскар Уайльд был осужден английским судом за гомосексуализм. Мы знаем, что в 1950-е годы в Европе принудительно от этого лечили. В 70-е годы в Западной Германии за добровольные гомосексуальные отношения люди подвергались тюремному заключению. Ныне в Европе, утверждая сексуальную перmissивность, проводят социальный эксперимент. Возможно, он не удастся. Но надо понимать, что европейская культура — творящая и ищущая. Здесь ошибаются, но продолжают искать, даже если поиски приводят к ужасным экспериментам. Европейская культура способна понять и исправить свои ошибки, потому что право на поиск понимается как право на поиск лучшего. Это право подразумевает, что человек, пусть даже он испорчен, может и должен менять себя и менять мир — в этом пафос активного познания и устройства. Индологи и синтоисты пытались найти аналогичные свойства в своих цивилизациях, но безуспешно. У Артура Л. Бэшема, британского историка и индолога, есть прекрасная книга «Чудо, которым была Индия». В ней отражены поиски индийцев в области богословия, филологии, юриспруденции, но нет ничего о поисках в социальной и технологической сферах.

* Дао — основное понятие философии Лао-цзы и даосизма. Существует вне времени и пространства, означает единую верховную сущность, первопричину всего существующего; является одновременно идеалом нравственности человека, критерием добра и зла. — Прим. ред.

** Жозеф-Мари, граф де Местр (1753–1821) — французский католический философ, литератор, политик и дипломат. — Прим. ред.

Тип религиозного мировоззрения, безусловно, определил специфику европейских правовых систем, в частности в англосаксонской системе права (и не только в англосаксонской) суждение судьи выше писаного закона. Древний Египет не знал кодифицированного закона, но имел твердое представление о правде. Причем правда, или богиня Маат, была главной ценностью. Египетскому царю каждый день подносили статуэтку Маат в знак того, что он должен править в правде. В изображениях загробного суда кроме души умершего и его сердца всегда присутствует Маат, которая стоит с пером в волосах, иногда вместо головы страусиное перо — легкое, как закон в сердце. Сохранились тексты, описывающие судебные тяжбы в Египте. Судья действовал так же, как в современной Англии, согласно прецеденту и собственному представлению о правде. Вспомним апостола Павла: «На таковых (христианах) нет закона». Почему? Потому что христианин не под законом — он в благодати «ума Христова».

Закон же — это внешний ориентир для тех, кто потерял способность рассуждать, разделять добро и зло. В этом, кстати, смысл суда присяжных, построенного на идее, что присяжные — дворники, учителя или продавцы кваса — имеют внутри себя чувство правды и могут сказать, «виновен» или «невинен». На этом принципе был построен уголовный процесс в англосаксонских странах, в средневековой и дореволюционной России. В Псковской судной грамоте — замечательном процессуальном кодексе, сказано, что судья должен судить, взирая в правду — по-псковски, «взираа в правду», то есть в правду абсолютную, божественную. Вот в чем суть суда. Христианская культура не подразумевает наличие закона, вместо него есть доверие к человеку, в том числе и к человеку судящему — к судье и к присяжному заседателю. За этим всем — технологическим поиском, отвержением закона, популярностью портрета — лежит идея высшей ценности человеческой свободы и человеческого достоинства. Если спросить у богослова, что такое образ Божий в человеке (ведь Бог — дух, у него нет визуального изображения), любой богослов скажет, что образ Божий в человеке — это свобода. Бог свободно творит мир. Бог свободен. И человек свободен, поэтому имеет божественный образ. Апостол Павел коротко сформулировал эту мысль так: «Где дух Господень, там свобода» [2Кор. 3,17]. А в человеке живет дух Божий. Однако если человек отказывается от духа Божьего, не хочет быть образом Божьим, тогда он становится рабом. Апостол Павел объясняет, что таковой — «раб греха». Вообще европейская цивилизация существует в первую очередь там, где есть примат свободы и достоинства человека, что практически одно и то же. Не может быть достоинства без свободы и не может быть свободы без достоинства.

Как соотносятся свобода и предопределение? В 1956 году в работе «Основы мистического богословия Восточной Церкви» русский богослов XX века Владимир Николаевич Лосский, сын философа Николая Онуфриевича Лосского, написал, что Бог, сотворив человека, пошел на неслыханный риск. Он сотворил другую свободу, которая неподвластна Его свободе*. Во внут-

* См.: В.Н. Лосский. *Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие.* — М.: Центр «СЭИ», 1991.

реннюю свободу человека Бог не вмешивается. Бог вмешивается в последствия этой свободы. Злой человек может замышлять убить, но не всегда свой замысел реализует, потому что Бог может помешать. Но в замысел Бог не вмешивается. Человек внутренне свободен действовать. У внутренней свободы нет предела, и Бог судит человека за помышления его сердца и внутренний выбор, а не за его реализацию. В Египте это прекрасно знали — именно отсюда пришла идея загробного суда, взвешивания сердца. Вот настоящий европейский суд, где в личном диалоге ответчика и истца (в данном случае истцом является Бог, а ответчиком умерший) определяется, может ли человек войти в царство Божье, реализовал ли он в себе образ Божий. Диалог Бога и умершего человека отлично сохранился во многих речениях египетской «Книги мертвых». Главная речь в диалоге принадлежит самому умершему: «Я не убивал, не воровал, не брал чужого» — так называемая «отрицательная исповедь» (125-е речение).

Таким образом, человек отвечает за свою божественность. В другой культуре, индийской, ничего подобного Страшному суду нет. Там есть карма: что ты набрал в этой жизни, то и получишь в следующем рождении. Был благочестив в жизни, обретаешь состояние мокши, то есть освобождения, соединения с Брахманом. В Китае тоже нет человека как полноценного элемента суда. А в Древнем Египте есть, и в христианстве есть.

Апостол Павел учит: тот, кто здесь, на земле, реализовал образ Божий, не идет на суд, а сразу переходит из смерти в жизнь. Представить только, какая прекрасная перспектива. Отсюда, кстати, понятно, что такое грех. Существует старый как мир принцип: все, что не по Богу, — это грех. Все, что мы делаем, не будучи добровольными рабами Божьими, все, что делаем в расхождении с волей Божьей, — грех.

В Древнем Египте существовало понятие души. Современные люди не знают, что такое душа. Мы представляем ее в виде такого же человека, как мы, но без тела или с астральным телом. Ничего подобного в Древнем Египте. Там душу называли «ба» — божественная сила. Подразумевалось, что у человека нет своей силы, а есть только божественная сила. Внутри человека божественная сила управляется волей человеческой, или, как считали древние, его сердцем, и соответственно становится личностной. Если человек направляет божественную силу, ориентируясь не на замысел Бога о мире, а на свои эгоистические устремления, это грех. А если божественная сила направлена на благо, она благом и возвращается.

Опять же, в Древнем Египте, задолго до христиан, богословы в середине третьего тысячелетия до Рождества Христова решили главную проблему предопределения: Бог знает, что будет с каждым человеком в следующую секунду, но Он не знает, что пожелает сделать человек в следующую секунду, желать и выбирать между желаниями — исключительная прерогатива человека, которую не может отнять Бог, не лишив при этом человека человечности, его достоинства и его свободы.

В нижних Египетских залах Британского музея находится большая доска черного гранита — памятник мемфисского богословия. В эпоху ислама ее использовали как жернов, поэтому значительная часть текста стерта, но в сохранившемся пятьдесят седьмом столбце текста сказано: Творец посы-

В истории Европы были кризисные периоды, когда равновесие между свободой и рабством нарушалось. Сегодняшняя, например, высокая терпимость к сексуальным девиациям в обществе возникла оттого, что, утратив христианское понимание абсолютности некоторых вещей, общество не утратило христианского понимания свободы. Поставив личную свободу человека выше Божьей воли, Европа оказалась в положении, зеркально противоположном Средневековью, которое нарушало классическое европейское равновесие и во имя Бога отчуждало у человека богоданную свободу. Средневековый человек часто был ограничен внешним законом, он даже физически был ограничен, поскольку существовали рабство и крепостное право. Трагедия русской революции коренилась в крепостном праве, в нарушении богоданной свободы христианского сообщества. Во имя идеи спасения человека его впахивали в это спасение силой, через костры инквизиции, через полицейское принуждение к добру. Такое впахивание человека в рай пинком противоречит духу христианства, является ошибкой и большим преступлением против духа Европы. В рай может войти только свободная личность.

А сегодня в Европе обратное происходит: отчуждение от Бога ради благодатной свободы человека. Если религия запрещает гомосексуальные браки, значит, надо вынести Бога за скобки, отказаться от Бога ради свободы. То есть теперь в Европе установилась абсолютная свобода, ради которой Бога вынесли за скобки, а раньше абсолютным был Бог — и за скобки выносили свободу человека. Безусловно, и то и другое — ошибка. Однако через право на ошибку и реализуется божественность человека. Тот, кому не позволено ошибаться, не может быть образом Божьим, он раб. Раба за ошибку бьют. Свободный человек, совершив ошибку, страдает сам и исправляет ошибку тоже сам.

Существует и третья модель отношений свободы и Божьей заданности — состояние, которое проявилось в XX веке, и особенно явно в России. Эта третья модель — восстание и против Бога, и против свободы. Тоталитарные режимы XX века представляют собой преступление против самой сути европейской культуры, попытку сотворить из Европы не-Европу. Настоящее преступление нацизма заключается в желании сделать из человека послушного раба, поэтому он апеллирует даже не к средневековым европейским практикам, а к восточным.

Если в каком-то государстве воздвигают стену, чтобы отгородиться от европейских ценностей, это означает, что политический режим отторгает страну от сути самой себя и в конечном счете ведет ее к духовному истощению — самому страшному, что может случиться в культуре и что в Египте называли второй смертью, окончательной, но, в отличие от обычной смерти, не неизбежной. Избежать второй смерти можно, живя в согласии с принципом ответственного богоподобия человека.

Полагаю, у всех государств, относящихся к европейской цивилизации, общие ценности, хотя бывают и девиации, носящие характер болезни. Большевикизм, например, не могу назвать свойством русской цивилизации, он был явно болезнью европейской цивилизации в России. Нацизм, в свою очередь, не свойство, а болезнь европейской цивилизации в Германии.

Неверие в человека, недоверие человеку — тоже не чисто российская идея, она была свойственна французскому абсолютизму, абсолютизму эпохи Марии-Терезии в Австрийской империи, Фридриха Великого в Пруссии. И эта идея не является ценностью европейской концепции мира. Человеку, естественно, нужно доверять, человек вообще намного умнее, чем власть о нем думает. В России неверие в человека является наследством советского и отчасти старого самодержавного строя, глубоко противоречащим ценностям европейской цивилизации. Наоборот, в те исторические периоды, когда в старой России открывались возможности для свободы внутренней и открытости Европе — при Александре I в начале XIX века, начиная с правления Александра II и до 1917 года, в русской эмиграции, — расцветали наука и культура. Золотой век русской культуры относят к эпохе Николая I, но творили в это время люди — птенцы гнезда Александрова, выучившиеся при Александре, — Пушкин, Хомяков, Грановский, Герцен. После реформ Александра II русская культура расцвела в эпоху Александра III и Николая II и продолжала приносить богатые плоды в послереволюционном изгнании. И наши сегодняшние четверть столетия пусть нищей, но свободы еще дадут новый, может быть, бриллиантовый век русской культуры.

В заключение скажу, что полностью разделяю понимание цивилизации Арнольда Тойнби*. В отличие от Шпенглера и Данилевского, Тойнби полагает, что нельзя говорить о закате определенной цивилизации как естественном физиологическом процессе старения и смерти, поскольку в основе цивилизации всегда лежит воля коллективного субъекта, не имеющего возраста: «Живая цивилизация, как, например, западная, не может быть априори приговоренной к повторению пути цивилизаций, уже потерпевших крушение. Божественная искра творческой силы заложена внутри нас, и если ниспослана нам благодать возжечь из нее пламя, то звезды с “путей своих” [Суд. 5,20] не могут повлиять на стремление человека к своей цели»**.

И я не считаю, что правильно говорить о закате Европы сегодня. Если коллективная воля европейской цивилизации не будет сама искать смерти, не будет устремлена к смерти, цивилизация не умрет. В IV веке после Рождества Христова александрийский поэт Паллад, будучи язычником, не понимал христианства и не мог принять его. И он написал такое стихотворение: «Мне кажется, давно мы, греки, умерли, давно мы стали тенями бесплотными и сон свой принимаем за действительность. А может быть, мы — живы, только жизнь мертва?» После этого пессимистичного стихотворения европейская цивилизация существует уже тысячу шестьсот лет. Сейчас она, безусловно, переживает кризис, но из кризиса, говорит медицина, есть два выхода. Уверен, ныне оба они для нас открыты.

* Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975) — британский историк, философ истории, культуролог и социолог, автор двенадцатитомного труда по сравнительной истории цивилизаций «Постижение истории».

** Дж. Тойнби. *Постижение истории*. Сборник. — М.: Прогресс, 1991, с. 300.

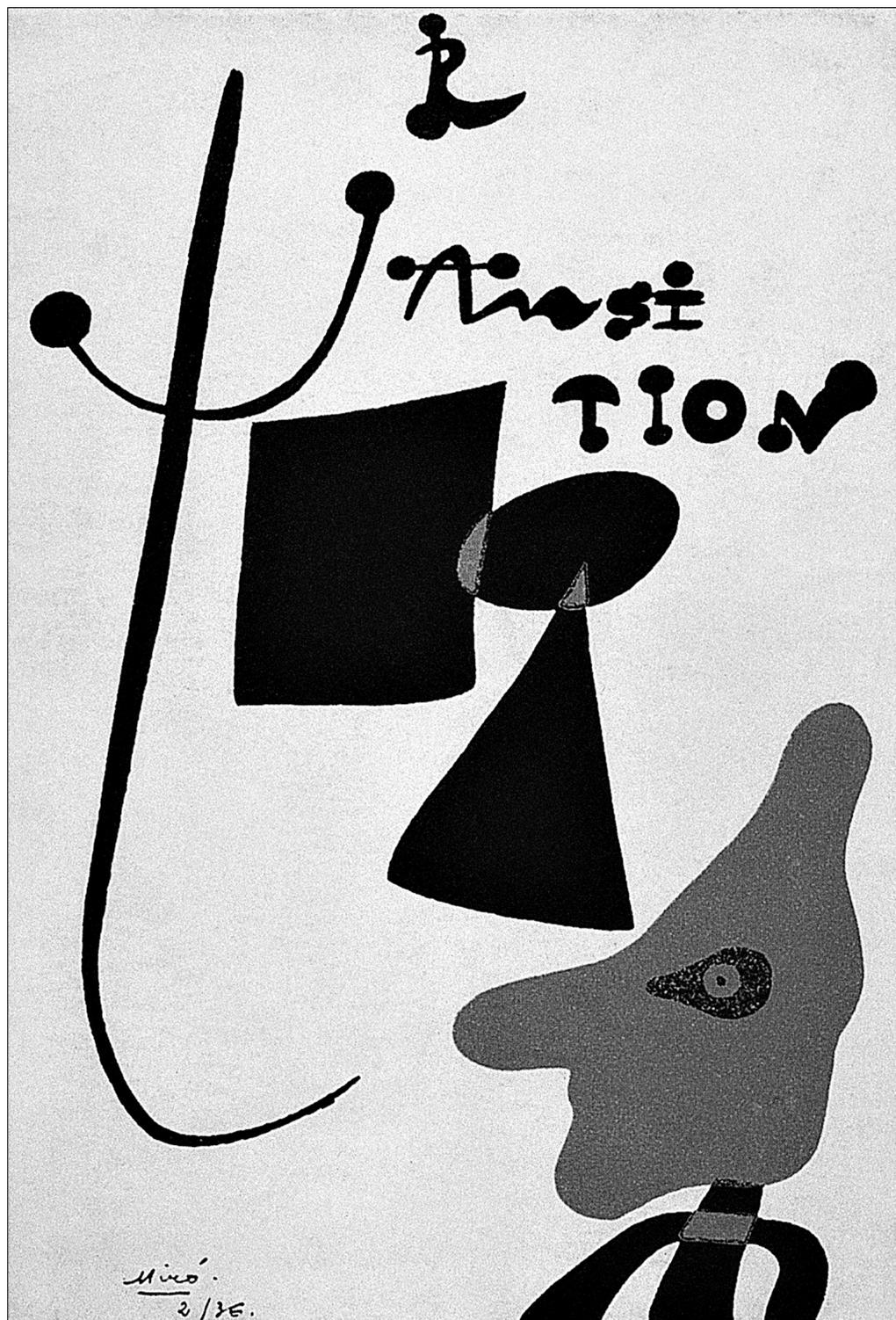
Хорошая новость, которую вы не слышали, и кое-что еще

*Хакан Алтинай,
президент Всемирной
академии
гражданственности,
приглашенный старший
научный сотрудник
Бруклинского института*

Эволюция требует, чтобы люди обращали внимание на движущиеся предметы. Если бы наши далекие предки по ошибке сосредоточились на созерцании только медленных и неявных перемен в среде обитания, то долго бы не протянули и стали добычей хищников. Поэтому мы, их потомки, внимательно следим и за деятельностью Исламского государства, и за развитием ситуации на Украине. Однако в XXI веке мы совершили бы большую глупость, если обращали бы внимание только на движущиеся предметы. Как говорил Эйнштейн, не все то, что поддается наблюдению и измерению, достойно стать знанием, и не все то, что достойно стать знанием, поддается измерению. В некоторых немаловажных случаях процессы протекают неявно, а причина и следствие разделены слишком многими пластами времени и пространства, чтобы их можно было мгновенно установить и подвергнуть причинно-следственному анализу. Тем не менее они существуют и заслуживают нашего внимания. Одно из таких неявных, медленных и вместе с тем чрезвычайно важных изменений — это постепенное превращение человечества в одно большое самообучающееся сообщество. Последствия этого процесса сопровождают нас в повседневной жизни. Приведу несколько примеров.

Когда-то в мире существовали культуры, создающие блага, и культуры, их присваивающие. А сегодня мы обсуждаем необходимые уровни налогообложения и регулирования, и ни одно общество не рассматривает разбой и грабеж в качестве надежного пути к благосостоянию. Произошло ли в истории что-либо, что решающим образом повлияло на достижение такого консенсуса? Наверно, нет. Является ли данное обстоятельство причиной, чтобы не замечать важность этого консенсуса? Очевидно, что нет. Или возьмите, к примеру, смертную казнь. В XIX веке смертная казнь существовала почти во всех странах; сегодня это наказание не применяется в 140 странах. Есть в этом, безусловно, заслуга и международной амнистии, и различных органов Европы, но, скорее

Хуан Миро. Обложка журнала «Переход». 1936

всего, это следствие куда более общего размышления и постижения смыслов. Или проблема высокой инфляции и гиперинфляции. В 90-х годах прошлого века почти 40 государств мира находились под постоянным воздействием гиперинфляции. В последние десять лет она существовала только в Ираке и Зимбабве. Похоже, что регулирующие структуры во всем мире признали преимущества финансовой осмотрительности. В XVIII веке один из шведских королей, вдохновленный примером Османской империи, решил создать орган по надзору за деятельностью правительства (институт омбудсмена). В наши дни подобные органы действуют более чем в 80 странах. Или разводы: 50 лет назад расторжение брака было запрещено в Бразилии, Чили, Италии и Испании. Сегодня запрет на развод существует только на Филиппинах. Похоже, мы постоянно пересматриваем основы того, что возможно и что желательно, и попутно изучаем подобных нам индивидов во всем мире. В результате мы сформировали, по сути, самообучающееся сообщество, и эта констатация, возможно, и есть лучшая новость на 2015 год. Надо признать, что нам необходим этот процесс, ибо как еще преодолевать коварные воды и минные поля нашей взаимозависимости. Их называют «беспаспортными проблемами», и таких проблем множество. В наши дни это, например, лихорадка Эбола в Африке или более глобальная проблема изменения климата. Однако центробежных сил, которые преодолевают локальные границы и перемешивают наши судьбы, гораздо больше. Когда финансовый сектор США производит некачественный продукт или когда управление государственными финансами Греции не соответствует должному уровню, то последствия ощущаются во всем мире. Когда в надежде поправить здоровье детей индийские матери чересчур усердно налегают на

антибиотики, они тем самым повышают вероятность появления инфекций, устойчивых к лекарствам, в других частях мира. Когда какой-то инвазивный вид животного или растительного организма из одной части света перевозится в другую в балластной цистерне огромного контейнеровоза, то угроза нависает над местной морской флорой и фауной везде, где останавливается судно. Применение какой-либо страной оружия массового поражения способствует искажению норм и общественного неприятия подобных действий. Система организации птицеферм в Таиланде или свиноферм в Китае представляет для всех людей в мире повод для беспокойства о своем здоровье, поскольку 80% инфекций поражают как животных, так и людей, а при скученном содержании животных увеличивается вероятность мутаций патогенных микроорганизмов и возникновения очередной пандемии. Морские биологи сообщают, что они находят следы пластмасс в тканях рыбы, выловленной во всех частях мира. Мы обращались с океанами и морями как если бы они были одной гигантской фабрикой по переработке мусора и теперь начинаем употреблять в пищу, пусть пока и в мизерном количестве, отходы жизнедеятельности человека. Однако объемы такого потребления постоянно растут.

А теперь вернемся к изменению климата, абсолютной центробежной силе. Ничто не нарушило непроницаемости национальных границ так, как фактор изменения климата. Промышленные выбросы в атмосферу в каком-либо конце мира оказывают на климат такое же воздействие, как и выбросы в городе, где вы живете. «Далеко» ли, «близко» ли больше не имеет значения. Даже самая мощная держава не столь сильна, чтобы отгородиться от последствий деятельности других стран. Нашему самообучающемуся сообществу понадобятся единое сознание и

единый язык для дальнейшего анализа этих грандиозных проблем. Под влиянием «беспаспортных» проблем и центробежных сил сложился мир, в котором мы живем бок о бок с миллиардами таких же людей, как мы. У нас одна общая планета и в перспективе общая судьба, но мы живем в своих странах и наша жизнь регулируется национальными гражданскими процессами.

Другими словами, мы привыкли думать, что являемся хозяевами собственной судьбы, тогда как наша жизнь все больше зависит от других людей. Как выстроить не только наши собственные судьбы, но и общую судьбу — вот, наверно, самый трудный и самый насущный вопрос нашего времени. Разумеется, у нас есть несколько рабочих вариантов решения этой эпохальной проблемы взаимозависимости. Один из них подразумевает, что мы ничего не делаем и продолжаем верить, что международные дела можно вершить так, как если бы страны были прочны, как бильярдные шары, и вступали в нечастые, но предсказуемые контакты друг с другом. Второй вариант — надеяться на то, что управление мировыми делами будет улучшаться стараниями блестящих технократов на основе совершенствования институционального регулирования. Я не убежден, что искомой цели можно достигнуть с помощью этих методов. Растущее перемещение капиталов, идей, товаров и людских масс, порождающее упомянутые выше проблемы, отправило модель прочного бильярдного шара на свалку истории. Многочисленные уровни глобального регулирования действительно содействовали налаживанию широкого сотрудничества. Однако вызовы, с которыми нам придется столкнуться в связи с изменением климата и «ответственностью по защите» (людей в различных конфликтах), а также глубина нашей растущей взаимозависимости требуют создания более фундаментальной и прочной структуры,

нежели та, которую способны обеспечить технократы. Необходимо подлинное и полноценное взаимодействие. Мы должны воспитать в себе гражданственность, став достойными гражданами мира.

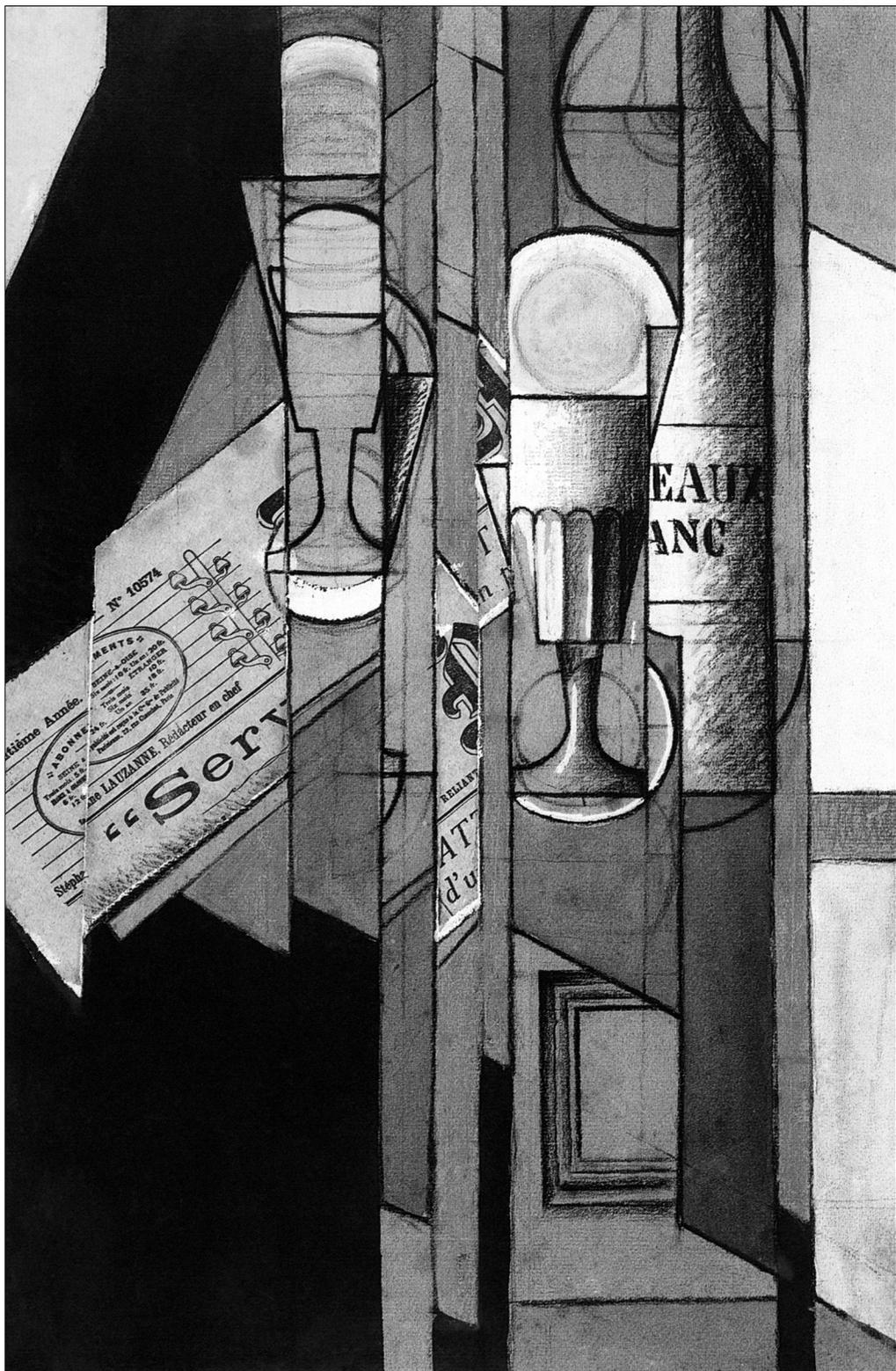
Долгое время гражданское образование считалось скучным изучением принципов работы правительственных учреждений. Однако в своей основе гражданственность — это то, что мы делаем для совместного управления нашим общим достоянием — областей, где мы зависим друг от друга. Государственные институты — это следствия, а не причины нашего чувства гражданственности. Вдумайтесь, например, в слова приветствий, с которыми мы обращаемся друг к другу. Мы произносим приветствия автоматически, не задумываясь. Однако в них заключен глубокий смысл. Во всех трех авраамических религиях — исламе, христианстве и иудаизме — смысл приветствия концентрируется в пожелании «мир вам». Кстати, ритуал отдания воинской чести основан на обыкновении показывать, что у вас нет оружия и что вы пришли с миром. Считается, что и обычай пожимать при встрече руку имеет в основе сходное намерение показать, что обе стороны не вооружены и не замышляют зла. В Индии «намасте» означает «я вас почитаю» и ответом служат те же слова. В Южной Африке «савубона» означает «я вижу вас». Все эти общие черты важны и говорят о многом. Человечество, похоже, пришло к заключению, что лучший способ начинать взаимодействие — это подтвердить, что все участники общения признают и уважают друг друга и никому не нанесут вреда. В известном смысле это заключенный в наших приветствиях «код доверия». Еще больше смысла этот код приобретает, если обратиться к истории. Мы не всегда приветствовали незнакомцев такими словами. В своей недавно вышедшей книге «Мир, каким он был до недавнего времени» (The World Till

Yesterday) Джаред Даймон описывает мир наших предков, которые вели племенной образ жизни. В этом мире люди подразделялись на три категории: друзья, враги и чужаки. Что делать с друзьями и врагами, в общем, понятно. Главный вопрос — как поступать с чужими. Даймонд показывает, что к чужакам, в сущности, относились как к врагам, поскольку особых причин для общения с ними не было. Похоже, что свое детство человечество провело в мире, где большинство незнакомцев считались врагами. Постепенно мы создавали более сложные социальные и географические образования и уже не могли считать чужих обязательно плохими людьми, так как были заинтересованы в их помощи и сотрудничестве. Поэтому нам пришлось выработать обычаи и нормативно-правовую базу, исключаящие причинение вреда, а также признать и подтвердить равенство всех участвующих сторон. Кант, например, исследовал право на гостеприимство в своем классическом труде 1795 года «К вечному миру», где постулировал право каждого человека надеяться на то, что с ним не будут обращаться как с врагом только потому, что он чужой. Следовательно, вопрос, стоящий перед нашим все более взаимозависимым миром, заключается в том, сможем ли мы и если сможем, то как найти способ наладить отношения не только с теми, кто находится в поле зрения, но и с миллиардами людей, которые живут далеко, но также являются соавторами нашей судьбы. К счастью, у нас есть дополнительные резервы порядочности и гражданственности. Нам без конца говорят о животной природе и животном поведении человека. С детства мы видим документальные фильмы о природе, в которых

животные рвут друг друга на части. По видимому, кто-то надеется внушить нам, что естественным законом жизни является выживание любой ценой. В вузе у многих из нас был курс политической теории, изучая которую мы познакомились с работами Томаса Гоббса. Он

*Мы привыкли думать,
что являемся хозяевами собственной
судьбы, тогда как наша жизнь все больше
зависит от других людей*

утверждает, что человек человеку — волк, а единственный способ получить власть над зверем — это подчиниться более крупному зверю, Левиафану. Вспоминается и то, что Адам Смит советовал нам, готовя обед, рассчитывать не на благотворительность мясника и бакалейщика, а на их шкурный интерес. Специалисты по международным отношениям громкогласно обличают великие державы: они-де всегда были опасными и безответственными игроками и ничто не в состоянии помешать им оставаться таковыми в дальнейшем. И тем не менее никто не смог убедить нас в том, что люди должны вести себя как звери. Возьмите игру «Ультиматум». Там одному из участников выдают на руки 100 долларов и предлагают, чтобы он поделился с другим участником. Игра называется «Ультиматум», потому что второй участник не в состоянии повлиять на размер предлагаемой ему суммы и потому ему, по сути дела, предъявляют ультиматум. У него всего два варианта: либо принять сумму, либо ее отвергнуть. В последнем случае оба остаются ни с чем. Если бы мы все были уверены в животной натуре других людей, то было бы логично ожидать, что сумму станут заурядно делить в соотношении 99 к 1.

Хуан Грис. Рюмка, газета и бутылка вина. 1913

Первый участник сгруппировал бы, если бы предложил второму сумму, превышающую 1 доллар, так как его корысть заключается в том, чтобы взять как можно больше; второй участник сгруппировал бы, отказавшись от 1 доллара, так как это все же лучше, чем ничего. Но за те тридцать лет, что данный эксперимент проводится во всех уголках мира, было замечено, что мы поступаем совсем иначе. Соотношение составляет в среднем 55 к 45; это, конечно, не 50 к 50, но достаточно близко. Еще более показательным, что соотношение, например, 75 к 25 обычно отвергается вторым участником — поступок, казалось бы, вполне иррациональный, если бы нашим единственным жизненным кредо было только извлечение максимальной выгоды. Впрочем, многие из нас, похоже, даже готовы пострадать, лишь бы не допустить вопиющей несправедливости. Видимо, мы интуитивно чувствуем, насколько важна справедливость, хотя нас этому никто не учил.

У этой игры есть другая разновидность: первому участнику вновь вручают 100 долларов и говорят, чтобы он поделился со вторым, но на этот раз у второго нет права отвергнуть предложенную сумму, то есть отсутствует право вето. В этой игре, которая называется «Диктатор», соотношение сумм составляет в среднем 70 к 30, а четверть участвующих предлагают 50 долларов и даже больше, хотя наказания, предложи они 100 к 0, для них не предусмотрено. Так что же происходит? Может быть, мы вовсе и не корыстные твари? К счастью, ученые не переставали задавать эти вопросы и после Гоббса со Смитом. Американский биолог, эколог, писатель Эдвард Уилсон, например, доказал, что эволюционный ресурс наличествует у эгоистичных индивидуумов, но в большей степени — у солидарных групп. Не потому ли мы противостояем явной несправедливости, невзирая

на то что порой за это приходится расплачиваться, и проявляем гораздо больше щедрости, чем свойственно закоренелым эгоистам?

Американский политолог Роберт Аксельрод решил выяснить, как без воздействия центральной власти может налаживаться сотрудничество, и разработал экспериментальные модели, которые показали, что наиболее успешными и гибкими являются стратегии, которые начинаются с сотрудничества, но включают и периоды отказа от него. Иными словами, верить в человека до определенного предела не только не глупо, но и разумно. Элинор Остром продемонстрировала, каким образом мы без участия всемогущего государства налаживаем сотрудничество и ставим на место эгоистичных паразитов. За эту работу она получила в 2009 году Нобелевскую премию по экономике. Она показала, что принадлежность к одним и тем же нормативным и социальным сообществам, посещение одних и тех же кафе и баров, стремление завоевать авторитет, следуя одним и тем же правилам, создает предпосылки для обязывающих общественных договоров. Другие экспериментаторы убедительно доказали, что для нас важно мнение о нас наших коллег. Когда в одном учреждении над коробкой для взносов на общественную кофеварку прикрепили фото с изображением глаз человека, пожертвования существенно возросли. Мы научились не только отвечать взаимностью, но и учитывать точку зрения и взгляды наших коллег. Мы знаем, что не можем выживать и преуспеть без взаимодействия с коллегами. Наиболее известные доводы в пользу такой постановки вопроса приведены израильским историком Ювалом Ноем Харари. В книге «Человек разумный» (2014) он доказывает, что ни один другой представитель биологического вида не взаимодействует со столь значительным

числом своих сородичей и не использует в этих целях так много гибких методов. Ни одно другое свойство человека, утверждает Харари, не способно объяснить, почему мы занимаем присущее нам место в цепочке живых существ. Может быть, именно поэтому во многих философских и религиозных учениях человечество характеризуется как взаимозависимая система.

Нобелевский лауреат премии мира 1984 года Десмонд Туту считает традиционное африканское мировоззрение «убунту» воплощением принципа «я есть, потому что мы есть». Категорический императив — ведическая категория «Васудева Кутумбакам» (Вся вселенная — одна семья), все это суть отражения соответствующего умонастроения. Существует еще один эксперимент, с помощью которого проверяются ритмы нашего настроения на сотрудничество. Это «игра в общественное благо», в ходе которой пяти или более участникам вручается по 100 долларов с условием, что любой взнос в общую копилку будет увеличен на 50%, а образовавшуюся сумму поделят поровну между всеми членами группы. Как можно заключить из игр, описанных ранее, кто-то жертвовал значительные суммы, кто-то небольшие или совсем ничего. Эксперименты показали, что в первом круге взносы составляли в среднем около трети выданной суммы. Но когда игра пошла по второму, третьему кругу и далее, добровольные пожертвования стали сокращаться. Мы готовы проявлять солидарность, но не хотим, чтобы нас дурачили: когда мы видим, что кто-то вносит меньше нас и наживается на нашей щедрости, то это противоречит нашим понятиям о равноправии и мы сокращаем взносы. Увеличить объем добровольных пожертвований и поддерживать их на определенном уровне помогли две меры: участникам было позволено нака-

зывать (пусть и с убытком для себя) прижимистых игроков и общаться друг с другом. Самюэл Баулз и Герберт Гинтис пишут в своем исследовании «Сотрудничающий вид» (*A Cooperating Species*), что наши лингвистические возможности позволяют нам формулировать социальные нормы, сообщать эти нормы вновь прибывшим, привлекать внимание других к их нарушению и создавать коалиции для наказания нарушителей. Похоже, что нормы выявляются и объясняются посредством общения. Юристы и подавляющее большинство экономистов долгие годы убеждали нас в том, что нам необходимы контракты, обеспеченные правовой санкцией. Однако нам необходимо также научиться больше доверять друг другу, без чего не может функционировать ни одна система. Мыслителем, обосновавшим верховенство доверия, был Конфуций. В его «Аналектах» (XII.7) есть блестящий пассаж, в котором сравнивается важность для жизни человека безопасности, пищи и доверия. Заканчивается он утверждением, что доверие важнее безопасности и пищи, поскольку ни безопасность, ни пища не могут быть обеспечены без минимальной степени доверия. Немецкий политический философ Клаус Оффе пишет, что без доверия невозможны координация и сотрудничество, так как и то и другое предполагает существование побуждающих представлений, отношений и ожиданий. Вообразите все те многочисленные обстоятельства, в которых нам ежедневно приходится оказывать кому-то доверие: мы верим, что некто удостоверяется в безопасности воды, которую мы пьем, и в том, что есть ее достаточный запас на будущее. Мы надеемся, что некто контролирует работу банков, чтобы наши вклады стоили больше, чем бумага, на которой напечатаны выписки из банковского счета. Мы верим, что самолет, на котором мы собираемся лететь,

отвечает определенным требованиям и не развалится в полете. Мы надеемся, что кто-то позаботился о том, чтобы программы, по которым учатся наши дети, в достаточной степени соответствовали будущим потребностям рынка труда. Мы надеемся, что дороги, по которым мы ездим, спроектированы с учетом стандартов безопасности, что на них не будет поворотов под углом 90 градусов и что на перекрестках зеленый свет светофора не зажжется одновременно для всех автомобильных потоков. Мы ложимся спать с верой в то, что здания, в

которых мы живем, выдержат напор воды при наводнении и не разрушатся при землетрясении, и что их стены сделаны не из асбеста и не насыщены радоновыми газами. В повседневной жизни мы исходим из того, что, став жертвой преступления, мы всегда можем прибегнуть к помощи полиции и суда, которые будут руководствоваться законом и нормами права, а не расчетами на личное обогащение и денежное вознаграждение. Мы надеемся, что напечатанные десятым кеглем на 27 страницах правила и условия договора на получение кредитной карты, присвоение адреса электронной почты, прокат автомобиля или открытие страницы в Facebook не являются грабительскими. Мы рассчитываем, что лекарства, которые мы принимаем, и курс лечения, который нам назначили, основаны на новейших достижениях современной медицины. Этот перечень можно продолжать бесконечно, и он никогда не будет исчерпывающим.

Международное разделение труда, лежащее в основе нашего процветания и

благополучия, заставляет нас доверять все большему числу людей. Стимулирование и поддержание такого доверия — ключ к преуспеванию, а методы, которые мы можем для этого использовать, более чем очевидны. Мы должны восполнять, а не истощать ресурсы доб-

Человечество, похоже, пришло к заключению, что лучший способ начинать взаимодействие — это подтвердить, что все участники общения признают и уважают друг друга и никому не нанесут вреда

росовестности и благопристойности. Начинать надо именно с этого. По мнению Кваме Эппайе, мы без особого труда можем согласиться с тем, что имеем определенные обязательства по отношению к другим людям; что мы не должны проявлять по отношению к ним жестокость и должны вмешаться и помочь, если их положение окажется невыносимым, и такая поддержка не потребует от нас больших жертв. Щекотливый вопрос заключается в том, есть ли у нас иные обязательства? Чтобы ответить на него, Эппайе предлагает прибегнуть к многовековой практике спасительной беседы. К этому предложению стоит прислушаться нам всем. Также не помешает избавиться от гордыни. Любое явное или неявное проявление высокомерия способно разрушить столь необходимое нам доверие и взаимопонимание. В наше время более востребованы такие качества, как любознательность и искреннее стремление к общению.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах

Розанваллон, Пьер. Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность, близость. Перевод с франц. яз. (Pierre Rosanvallon. La légitimité démocratique. Impartialité, réflexivité, proximité. Éditions du Seuil. — Paris, 2008) — М.: Московская школа гражданского просвещения, 2015. — 304 с.

Один из самых авторитетных европейских теоретиков демократии исследует в этой книге причины и последствия кризиса института представительства и начавшейся в 1980-е годы «революции демократической легитимности». Автор показывает, что существенное усложнение общественных процессов в глобализующемся мире, индивидуализация сознания вступают в противоречие с «тиранией электорального большинства», которое уже не отождествляется с социальным целым и общественным благом. Решение проблемы легитимности власти в этих условиях автор видит в проработке и применении трех ее форм, основанных на беспристрастности, рефлексивности и близости. Дополняя и корректируя электоральный процесс, эти качества «новой эпохи легитимности» существенно возвышают роль институтов независимого контроля власти. В этой новаторской работе П. Розанваллон вводит в научный оборот ряд категорий, формирующих когнитивную основу трансформации демократического процесса.

ВВЕДЕНИЕ*

Смещение центра в демократических государствах

Новая эпоха легитимности

Ослабление старой системы двойной легитимности и различные изменения, которые его спровоцировали и сопровождали с 1980-х годов, повлекли за собой не только возникновение определенного вакуума. Хотя при

* Публикуется с сокращениями.

этом сильно ощущалось чувство какой-то утраты и даже разрушения, однако началась и своеобразная подспудная перестройка. Во-первых, появились новые гражданские ожидания. Стремление к установлению порядка, который служил бы общественной пользе, выражалось новым языком и опиралось на новые критерии. Например, заметно выросло значение ценностей справедливости, плюрализма, сострадания или сопричастности, что соответствовало новому пониманию демократической общности, а заодно и движущих сил и форм легитимности. И одновременно росло количество и роль таких институтов, как независимые органы и конституционные суды. И, наконец, начал вырисовываться новый тип управления, в котором все большую роль приобрели репутация и коммуникация с обществом. Все вместе это составляет довольно разнообразную картину, поэтому постараемся разобраться в сути и процессе становления этих явлений. А для этого необходимо их описать, но не останавливаться на этом. Самое важное — попытаться выявить принципы, годные для объяснения этого нового мира, и распознать новые демократические формы, к которым он может эволюционировать. А также, придерживаясь описания различных дискурсов и опытов, с учетом их незавершенности, неоднозначности и даже опасности, важно создать идеальные образцы, которые позволят управлять этим нарождающимся миром. Ничто еще не решено. В этом пока беспорядочном процессе просматриваются как контуры новых возможностей, так и признаки опасных отклонений.

Главная особенность поворота, случившегося в 1980-е годы, состоит в постепенном переформулировании смыслов, в которых рассматривается демократическое требование социальной универсальности. Чтобы правильно понимать масштаб этой перемены, следует исходить из ранее доминировавших представлений об этой универсальности. Всеобщее избирательное право основано на ее численном превосходстве: это совокупность граждан-избирателей, выражение воли которой и означает общую волю. Государственная служба, в свою очередь, связана с идеей объективной универсальности: с тем, что общественные интересы или общественная польза некоторым образом отождествляются с самими структурами республиканского государства. В обоих случаях полагается, что универсальность может осуществляться надлежаще и с пользой. Принимая во внимание ощутимое ослабление влияния этих двух подходов, можно выделить возникновение трех других, более косвенных способов достижения социальной универсальности:

— Путем игнорирования особенностей, соблюдения разумной и организованной дистанции с различными сторонами, вовлеченными в решение того или иного дела. Такой подход определяет власть как пустое место. Свойство универсальности того или иного института в этом случае создается в силу того, что никто не может им завладеть. Речь идет об *отрицательной универсальности*. Она определяется как поддерживающей ее структурной переменной (факт независимости), так и поведенческой переменной (сохранение дистанции и равновесия). Именно такая универсальность определяет положение институтов как органов надзора

или регулирования и является их первейшим отличием от избранной власти.

— Второй вид достижения универсальности реализуется через процесс обеспечения разнообразия выражений общественного суверенитета. Задачей здесь является усложнение субъектов и форм демократии на пути к достижению ее целей. Речь идет, в частности, об исправлении несовершенства, возникшего в результате ассоциирования избирательного большинства с волей всего социального тела. Это *универсальность умножения «воли»*. Участником этого процесса, например, является конституционный суд, когда он выражает волю того, кого можно назвать «народом-источником», и тщательно пропускает через сито конституционного права решения партии большинства.

— Наконец, достижение универсальности может осуществляться через учет разнообразия жизненных положений и признание всех социальных особенностей. Она достигается в результате глубокого погружения в мир индивидуальности, заботы о конкретных индивидах. Такой тип универсальности связан с характером действий властей, которые не забывают ни о ком и озабочены проблемами всех. Он связан с искусством управления, которое является противоположностью номократии («законовластия», «всевластия закона». — *Прим. ред.*). Он также противоположен подходу к организации социальной сферы на основании исключительно принципа юридического равенства, которое держит все различия на равном удалении, а универсальность обеспечивается путем учета всех существующих жизненных положений, благодаря широкому охвату их изучения. Поэтому здесь можно говорить о практике «снижения уровня обобщения»*. Это и есть *универсальность учета индивидуальности*.

Эти различные способы достижения универсальности объединены тем, что все они основаны на подходе к общественному целому, когда оно определяется не путем арифметического сложения (что подразумевает идеал единоголосия) и не с монистической точки зрения (когда общественный идеал понимается как стабильное свойство коллективного целого или структуры). Они связаны с выдвинутым на первый план гораздо более «активного» подхода к процессам *обобщения*. В чем-то они соответствуют трем возможным стратегиям изучения Вселенной во всей ее полноте: разглядывать ее в телескоп, рассматривать препараты под микроскопом, исследовать ее, проходя различными маршрутами. Универсальность в этом смысле является регулирующим пределом, она не несет содержательной нагрузки в отличие от сути понятий общей воли и общественной пользы.

Как следствие, начинают вырисовываться три новых образа легитимности, каждый из которых связан с одним из описанных подходов к социальной универсальности: *легитимность беспристрастности* (связанная с формированием отрицательной универсальности); *легитимность рефлексивности* (связанная с универсальностью снижения численности); *легитим-*

* В отличие от привычного социологического понятия «расширение обобщения», которое означает большее дистанцирование от предмета изучения с целью его теоретизации.

ность близости (связанная с ростом внимания к индивидуальности). Эта настоящая революция легитимности стала частью глобального процесса смещения центра в демократических режимах. Например, воля избирателей продолжает терять свою центральную роль, что уже наблюдается в сфере гражданской активности. В книге «Контрдемократия» я описал, как возникли и обрели жизненную силу образы народа-контролера, народа-вето и народа-судьи, в отличие от народа-избирателя, который стал менее активным. Жизнь демократических режимов все больше распространяется за пределы выборной и представительной сфер. Отныне существует множество других способов признания демократической легитимности, соперничающих с ее утверждением на выборах или дополняющих выборы.

В отличие от легитимности представительства и солидарности, которые были неразрывно связаны со считавшимися внутренне присущими некоторым властям (когда выборы или конкурс давали определенный статус тем, кто оказывался победителем в этих испытаниях), новые ее формы возникали на основе учета качеств. В этом случае легитимность нельзя считать приобретенной раз и навсегда. Она всегда остается хрупкой, постоянно подвергается испытаниям, зависит от общественного восприятия действий и поведения институтов. Этот момент крайне важен: он свидетельствует о том, что ее новые образы выходят за рамки привычной типологии, различающей легитимность как продукт общественного признания и легитимность как соответствие норме. Типы легитимности на основе беспристрастности, рефлексивности и близости сочетают в себе эти два измерения, они имеют гибридный, смешанный характер и возникают из характеристик институтов, из их способности воплощать собой ценности и принципы. Можно предположить, что их полное развертывание может открыть для демократических режимов новую эпоху. Формирующийся сейчас режим легитимности ведет к преодолению традиционных отношений противопоставления хранителей «республиканского большинства», озабоченных прежде всего процедурой, и лидеров «сильной демократии», для которых в первую очередь важна степень общественной мобилизации.

Возникающие формы легитимности способствуют также и расширению классической типологии, основанной на противопоставлении легитимности по основаниям — «на входе» (*input legitimacy*) легитимности по результатам — «на выходе» (*output legitimacy*)*. Такое различие по-своему, несомненно, полезно: оно напоминает нам, что то, как оцениваются действия правителей, принимается во внимание гражданами (а это значит, что невыборные инстанции тоже могут быть признаны легитимными, если они способствуют производству того, что считается общественно полезным)**. Однако наш предмет шире, поскольку включает собст-

* Впервые эти понятия употребил Фриц Шарпф, характеризуя различные подходы к легитимности (см. *Governing in Europe: Effective and Democratic?* New York, Oxford University Press, 1999). Противопоставление между *input* и *output legitimacy* сформулировал Роберт Е. Гудин (*Reflective Democracy*, New York, Oxford University Press, 2003).

** Интересно отметить, что этот подход был сформулирован как раз для того, чтобы снять вопрос о «дефиците демократии» институтов Европейского союза.

венную легитимность институтов и тем самым диктует не ограничиваться лишь процедурным подходом, подобно тому, что развивал Хабермас. Он тоже пытался не выходить за рамки сущностных подходов к демократии, предлагая рассматривать общую волю с позиций преобладающих суждений*. Однако и он придерживается монистического представления о народном суверенитете. Он лишь переносит центр этого суверенитета от общественного тела, имеющего свою внутреннюю суть, в расплывчатое коммуникационное пространство. С нашей же точки зрения, переопределение легитимности происходит через деконструкцию и переосмысление идеи социальной универсальности, что приводит к росту разнообразия ее форм. Предполагается, что существует множество способов действовать или говорить «от имени общества» и быть представительным.

Как бы то ни было, три названные новые формы легитимности складываются в одну систему, дополняя друг друга в целях более четкого определения демократического идеала.

Такие перемены имеют важное значение еще и потому, что вопрос легитимности приобрел повышенное значение в современном мире. В момент свертывания идеологий и утопий, которые могли наполнять своим содержанием политический строй, ему теперь приходится находить внутренние ресурсы для своей легитимации. Легитимность как доверие между людьми — это «институт-невидимка». Она позволяет подвести прочную основу под отношения между правителями и подданными. И хотя легитимность в самом общем смысле этого слова способствует созданию системы принуждения, ее демократический вариант наделен более сложной функцией выстраивания конструктивных связей между властью и обществом. Она способствует реализации того, что составляет саму суть демократии: получения власти обществом. Демократическая легитимность вовлекает граждан в политику, что возвышает чувство их значимости. Она является условием эффективности государственной политики и в то же время определяет то, как граждане оценивают демократическое качество страны, в которой они живут. С этой точки зрения она действительно является «институтом-невидимкой» и «чувствительным индикатором» политических ожиданий общества и того, как на них отвечают. Более широкое и требовательное определение легитимности способствует в этом смысле укреплению демократических режимов.

* См. Jürgen Habermas, «La souveraineté populaire comme procédure. Un concept normatif d'espace public», *Lignes*, № 7, septembre 1989. То же самое можно сказать и о подходе Бернара Манена, который предложил заменить недостижимое условие единогласных выборов на требование участия всех в обсуждении с целью переосмысления демократической легитимности (см. его основополагающую статью «Volonté générale ou délibération? Esquisse d'une théorie de la délibération politique», *Le Débat*, № 33, janvier 1985). Он смещает точку применения условия единогласия, однако, по сути, действует в рамках традиционной легитимности представительства, которой просто дает более реалистичное определение (хотя идеал «свободной и равноправной дискуссии» и сам на практике является труднодостижимым; к нему тоже можно лишь приблизиться, так что в конце концов приходится «считать», что в обсуждении приняли участие все).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ*

Демократия присвоения

Описанные нами новые образы легитимности являются частью обширного процесса децентрализации в демократических режимах. Отныне никто не считает, что демократию можно свести к системе конкурентных выборов, устанавливающих власть большинства. Это означает серьезнейший перелом в истории демократии, которая была на протяжении двух веков эпохой поляризации. Долгое время считалось, что общая воля могла обрести форму и силу только будучи сосредоточенной в одном центре, возникающем в момент выборов. Такое представление было неразрывно связано с условиями избавления человечества от старой власти доминирования: чтобы покончить с ней, как правило, было необходимо выстроить своеобразную противоположную копию этой власти. Долгое время развитие механизмов прямой демократии также было частью этого процесса концентрации власти, поскольку предполагалось, что достижение демократического идеала проходит сначала через радикализацию его выражения на едином уровне. Современное развитие пошло по другому пути: на смену концентрации пришли процессы рассеивания, преломления и умножения форм. Универсальность, равенство и представительство приобретают отныне все более разнообразные формы, для полной реализации которых необходимо их сочетание. Достижение социальной общности путем простого сложения мнений и воли дополнилось, как мы уже говорили, ее негативной, рефлексивной и погруженной формами. В этом смысле можно говорить об усложнении демократических режимов, которое контрастирует с предыдущей тенденцией к их упрощению. Однако разрыв с прошлым проявился не только в этом вопросе. Одновременно с этим полностью изменилась и природа основного принципа демократического идеала.

Смысл истории

Усложнение демократии имеет не только функциональный смысл. Оно также означает возврат в современную действительность всего спектра процедур и институтов, имеющих отношение к свободам и заботе об общем благе, которые предшествовали введению всеобщего избирательного права. Например, в более демократическом виде вновь появляются формы представительства, предшествовавшие системе выборов уполномоченных. Независимые органы власти сейчас обладают признаками виртуального представительства, которое было свойственно английской конституционной системе XVIII века. Институты рефлексивности, в свою очередь, частично возрождают, модернизируя их, давние образы блюстителей исполнения законов. Избирательная универсальность также обогащается определениями общего блага, общественного интереса и публич-

* Публикуется с сокращениями.

ного разума, которые принадлежат давним традициям сопротивления деспотичным режимам. И наконец, вновь возникает характерное для гражданского гуманизма и республиканизма внимание к доблестям суверенов и, в частности, к их заботе об интересах народа. Словно демократические режимы, завершив свою работу по разрыву со старым миром, восстанавливают его различные положительные качества. Так, современную демократию можно понимать как политическую форму, объединяющую путем адаптации и развития различные истории свободы, эмансипации и автономии, наложившие отпечаток на опыт человечества.

Это подводит к пересмотру самого термина «демократия». Хотя сейчас она всюду отождествляется с идеей политического блага и почти все без исключения режимы объявляют себя таковыми, ее определение остается проблематичным, по крайней мере если мы не желаем довольствоваться расплывчатыми формулировками (демократия как «власть народа»). В политическом лексиконе, пожалуй, нет другого такого слова, определение которого было бы столь разнообразным. Отсюда, кстати, и постоянная тенденция уточнять его посредством прилагательного. Как будто, по примеру пресных блюд, вкус которых раскрывается только благодаря приправе, демократия обретает свое подлинное наполнение лишь тогда, когда ее называют «либеральной», «народной», «реальной», «республиканской», «радикальной» или «социалистической». С этим также связана и постоянная проблема с проведением линии разграничения между демократией и ее патологиями, поскольку совершенно противоположные режимы могут претендовать на то, чтобы быть образцами демократии. Поэтому слово «демократия» постоянно представляется в качестве решения и в качестве проблемы. В нем всегда сосуществовали и благое, и сомнительное. Особенность этой неопределенности в том, что она в основном связана не с демократией в качестве далекого и утопичного идеала, о котором у всех есть единое мнение, а с расхождениями по поводу средств достижения этого идеала. Неустойчивость смысла слова «демократия» вовсе не означает, что существует некая неопределенность в отношении способов ее реализации, напротив, на протяжении двух столетий он был связан скорее с ее историей и ее сутью.

Неправильное использование этого термина и связанная с ним неразбериха уходят корнями в разнообразие подходов. Например, зачастую определение демократии как способа исполнения коллективной власти противопоставляют ее категоризации в плане гарантии личных свобод. Чтобы выйти из этой неопределенности, необходимо рассмотреть демократию во всей ее сложности и осмыслить в четырех измерениях: отдельно, поочередно или одновременно относящейся к сфере гражданской деятельности, политического режима, формы общества и способа правления. Каждое из этих измерений само по себе может рассматриваться в нескольких аспектах. Гражданская активность, например, очевидно включает избирательную деятельность, однако она также может рассматриваться с учетом повседневных форм участия и вовлеченности или проявляться на различных уровнях контрдемократической сферы.

Рассматривая демократию с точки зрения институтов, можно выстроить отдельные концепции демократической сферы на основе различных

интерпретаций принципа универсальности. Изучая демократию как форму общества, можно сосредоточиться на гарантии основополагающих прав и расширить ее понимание до токвилевской идеи равенства условий, со всеми возможными современными ее толкованиями, и т.п. Эта сложная система благодаря двум ее составляющим — *измерению* и *форме* — дает нам матрицу демократической грамматики во всей ее сложности. Исходя из этого можно понять, как возникают практически противоположные определения демократии, в том числе обходящие стороной вопрос о ее основаниях, хотя они могут быть весьма фундаментальными, — такие как всеобщее избирательное право или индивидуальные права (либо, напротив, рассматривается один только вопрос выборов).

Как во всем этом разобраться? В известных трудах нам предлагалось наложить идею народного правления на идею правления народа, *избранного народом и для народа**. Но это не поможет продвинуться достаточно далеко, создается лишь видимость более точного определения. Эта проблема является решающей, поскольку именно эта путаница с определениями может привести к релятивизму. Однако в этом же контексте, напротив, возникают нормативные требования, поспешно возводящие в абсолют отдельно взятый опыт. Единственный способ выйти из этого проблематичного балансирования между не выдерживающим критики релятивизмом и нормативным насилием — дать *наиболее развернутое* определение демократии, которое включало бы все ее измерения и формы. Демократия в таком расширенном определении могла бы обрисовать основные контуры организации общественной жизни на стадии строительства, чего пока еще никто не сделал в полной мере. Только при этом условии может быть преодолено противопоставление высокомерного западоцентризма и сомнительной дифференциалистской риторики. Единственно возможное универсальное определение демократии то, которое радикализирует ее условия**. И напротив, когда выдвигается так называемое минимальное определение демократии, происходит редуцирование ее смысла, фактическая индивидуализация. В настоящей работе мы попытались исследовать оба измерения демократии: режим и способ управления, а также переосмыслить в этой связи различные уровни гражданской активности. Понятно, что ее логическим продолжением станет новое исследование, посвященное демократии, оцениваемой как становление политического сообщества. Ведь в итоге именно на этом уровне все и начинается. Такие опасные отклонения, как неполитичность, антиполитичность и деполитизация, можно предотвратить, только если выстроить собственно политическое измерение демократии как способа конфликтного утверждения норм политической принадлежности и перераспределения благ, составляющих общую гражданственность.

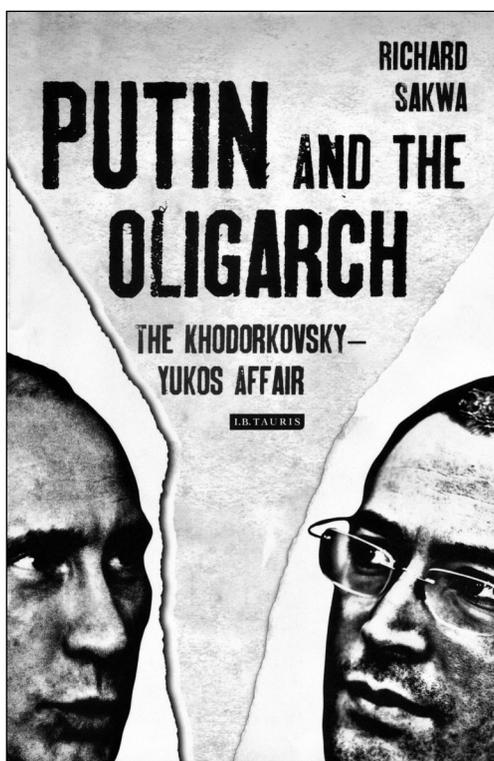
* Можно отметить, что в статье 2 Конституции Франции от 1958 года связываются все три подхода: («[следующий] принцип [Республики]: правление народа, народом и для народа»). Авраам Линкольн также использовал эту формулировку: «правление народа и для народа».

** P.Rosanvallon, «L'universalisme démocratique: histoire et problèmes», <http://www.laviedesidees.fr/L-universalisme-democratique.html>.

Олигарх, заключенный, диссидент. Что дальше?

Richard Sakwa. Putin and the Oligarch: The Khodorkovsky-Yukos Affair. — London and New York: I.B. Tauris, 2014. — XX, 298 p.

После публикации первого исследования* «узники ЮКОСа» успели покинуть места лишения свободы. Нет сомнений, что Ходорковский вышел на волю другим человеком: вслед за многими другими наблюдателями автор ничуть не сомневается в том, что от олигарха «лихих 1990-х» в нем ничего не осталось. Но и страна, за один день, как в сказке, избавившаяся от самого знаменитого своего заключенного, тоже стала иной. «Дело ЮКОСа» не только «перековало» бывшего героя дикого капитализма в ответственного и оппозиционно настроенного гражданина; оно послужило мощным толчком к восстановлению в Российской Федерации многочисленных советских практик, прежде всего в экономике. Разгромив ведущую нефтяную компанию, «вставшее с колен» государство как бы заявило биз-

несу: в современной России — как и в России «старорежимной», не раз описанной историками, — государственный интерес доминирует и будет доминировать над всеми прочими интересами. Фактически главным итогом гонений на

* Sakwa R. *The Quality of Freedom: Khodorkovsky, Putin, and the Yukos Affair*. Oxford: Oxford University Press, 2009. — xvii, 426 p. См. также мою рецензию на эту книгу: Захаров А. Ходорковский, Путин и дело ЮКОСа // *Общая тетрадь*. 2010. № 2 (52). С. 108–110.

ЮКОС стало оформление в нашей стране классического типа авторитарного режима.

Благодаря своей публицистической активности и общественной деятельности, которые не прекращались даже за решеткой, Ходорковский действительно предстал перед публикой другим человеком. Во-первых, он навсегда завершил путь предпринимателя, превратившись в активиста-общественника. Во-вторых, он стал последовательным критиком посткоммунистического развития России и той роли, которую в нем сыграли либералы. В-третьих, он показал себя решительным государственным деятелем, полагающим, что в России политическая власть — наиболее эффективный двигатель модернизации. Его взгляды оригинальны: всесторонне исследуя их, Саква фактически приходит к выводу о том, что значение идейного конфликта Ходорковского с Путиным не стоит преувеличивать, у двух деятелей много общего. Бывший олигарх, по мнению автора, всегда был государственным деятелем, как и его основной антагонист, но, в отличие от Путина, Ходорковский настаивал на соблюдении

государственной властью определенных формальных правил, гарантирующих «справедливость». Он считал, что в посткоммунистическую эпоху Россия стала «свободной», но не сделалась «справедливой», а нынешний режим все дальше уводит страну от этого идеала. Предостерегая нынешнюю власть от революционного взрыва, Ходорковский отнюдь не является революционером: его политическую философию автор называет «левоцентристским социал-демократизмом».

Подводя черту под освобождением знаменитого узника, автор пишет: «Выборочное применение насилия против Ходорковского и его коллег продемонстрировало не силу государства, а его слабость; оно оказалось неспособным решать насущные проблемы иначе как через подрыв конституционных основ государственности и легитимности режима» (с. 229). Это означает, что конфликт двух личностей, описанный в этой книге, далеко не исчерпан, а его итог не предрешен: противостояние, вероятно, будет иметь продолжение.

Андрей Захаров

Владимир Рыжков,
политик, публицист

Контрапункт

СТАЛИНИЗМ И ВЕЙМАРСКИЙ СИНДРОМ

Олег Хлевнюк. *Сталин. Жизнь одного вождя: биография.* — М.: АСТ: CORPUS, 2015. — 464 с.

В наши дни история вышла на первый план политической жизни и общественного сознания России. Власти неумоимо борются с «фальсификациями истории», а народ ищет в прошлом психологическую поддержку и ориентиры на будущее. Причина столь обостренного и даже болезненного интереса к истории — в чувстве неуверенности людей. В этих условиях закономерно выросла ностальгия по советскому прошлому, по его «величию».

Провал демократических и рыночных реформ дискредитировал сами понятия демократии и реформ, на первый план вышли идеологи сильного государства, госрегулирования, новой гонки вооружений и особого пути России. Расцвел тот самый веймарский синдром, об опасности которого еще в 90-е годы предупреждал Егор Гайдар.

Ностальгия по империи и жажда реванша требует идеологического, в том числе *исторического*, обоснования. Сталин побеждает в рейтингах великих деятелей прошлого. На уровне первых лиц государства фактически оправдываются ранее осужденные решения — подписание пакта Молотова–Риббентропа, ввод танков в Прагу в 1968-м, подавление венгерского восстания 1956 года, не говоря уже о судьбе Крыма. Обсуждение истории Великой Отечественной войны все больше сводится к победе, а не к ее предыстории, ходу и цене. Происходит повторное закрытие архивов, а новые учебники истории искусственно объединяют государственническую линию учебников официальной романовской истории с советской, также великодержавной, версией истории.

Происходит механическое соединение Минина и Пожарского, шапки Мономаха, Иконы Божьей Матери — с портретами Сталина и Дзержинского. Главной ценностью общества становится *величие государства*, прежде всего территориальное, военное и геополитическое.

Новая правящая элита, стремящаяся «править как Сталин, а жить как Абрамович», заинтересована в обелении сталинского режима, затушевывании его преступного и аморального характера. Ей импонирует в сталинском режиме его несменяемость, полная неподконтрольность обществу, безграничность власти и произвола чиновников, привилегированный статус силовиков и бюрократов, бесправность человека перед лицом власти, непомерные расходы на силовиков и на ВПК. Для пропагандистов важно внушить обществу мысль о том, что жесткое и всепроникающее, тотальное, государство — именно то, что нужно сегодня России. А для этого надо в первую очередь постараться скрыть правду о сталинском Советском Союзе — *царстве террора, лжи, морального разложения и нищеты*.

Тем важнее появление книг, профессионально и честно рассказывающих реальную, а не мифологизированную и приукрашенную историю. Таких как новая биография Сталина, написанная известным российским историком Олегом Хлевнюком. Ее автор — профессиональный историк, один из авторитетных в мире исследователей истории сталинского СССР. Его книга — строго научное произведение, основанное исключительно на архивных документах, а также на современных материалах исторической науки, как российской, так и зарубежной. В ней нет «версий» и «сенсаций» — только надежно проверенные факты. При этом книга великолепно написана — просто и увлекательно, что выгодно отделяет ее от мутного потока кондовой или бульварной сталинистской лжеистории, захлестнувшей страну.

Импонирует подход Олега Хлевнюка и его интонация — он не осуждает и тем более не одобряет Сталина — он просто рассказывает, как *«все было на самом деле»*. В этом главная сила новой сталинской биографии — факты и только факты, с которыми не поспоришь.

Историк детально реконструирует жизнь Сталина — от детства и юности к формированию революционера и политика, близкого соратника Ленина. Далее — путь к единоличной власти и созданию системы государственного террора. Ясно и убедительно показано, как личные, субъективные качества Сталина помогли ему прийти к абсолютной власти и потом во многом были спроецированы на созданную им систему. Главные из этих качеств — сильный интеллект, высокая самодисциплина и исключительная осторожность, выдержка, огромная работоспособность, умение выжидать, способность, когда надо, произвести благоприятное впечатление на нужных людей. И одновременно — патологическая жестокость, подозрительность, бездушие, проявившееся в том числе к своим близким, к членам семьи. Важно подчеркнуть также абсолютную идеологичность

Сталина — он был убежденным коммунистом, истово верящим в научность и истинность марксизма в его ленинской версии. Олег Хлевнюк показывает, что Сталин систематически искал решения в ленинских текстах, когда не знал, как поступить.

Из ленинского опыта большевистского переворота октября 1917 года Сталин вынес главный урок, что действовать следует решительно, без оглядки на обстоятельства, авантюрно, рассчитывая на удачу, и что главный приз в этой игре — сама власть. Что, однажды захватив власть, главное ее удержать, любой ценой, и дальше действовать по обстоятельствам, как это всегда делал основатель и лидер партии Ленин.

Впервые в полной мере личная жестокость Сталина проявилась в годы Гражданской войны. В Царицыне, на Южном фронте, он широко применял массовые аресты, пытки, расстрелы без суда и следствия, в том числе и тех людей, кто лишь позволил себе его критиковать. Тогда, впрочем, никто не придавал этому особого значения — Гражданская война была принесена в Россию большевиками и ее жестокость была самой сутью их политики. В будущем режим чрезвычайщины, реквизиций надолго оставался основой советской системы.

Сталинская картина мира была проста и груба. Классовая борьба, враги партии, в том числе внутри партии. Советский Союз и его внешние враги, смертельное противостояние социализма и капитализма. Жертвы среди народа — результат закономерностей истории. Чужие ошибки — преступления. Партия — всегда права. Упрощение реальности, жестокое ручное управление, отказ принимать в расчет происходящие в мире перемены — такова была сталинская система, которая оставалась практически неизменной с начала 1930-х годов и до самой смерти диктатора в марте 1953 года.

Индустриализация СССР, инициированная Сталиным в 1929 году, одновременно с разгромом последней («правой») оппозиции и установлением единоличного контроля над партией, была проведена за счет катастрофического понижения уровня жизни в стране и полного разграбления деревни, сопровождаемого массовой гибелью (не менее 6 млн человек) крестьян от спровоцированного насильственным изъятием хлеба голода. Бунты подавлялись войсками и НКВД, более 2 млн «кулаков» с семьями были отправлены в ссылку, сотни тысяч там и погибли.

Обрекши на гибель и голод миллионы крестьян, дальше Сталин перешел к массовому террору против партии, армии, самих спецслужб, отдельных социальных групп. Тотальный террор с начала 1930-х годов стал неотъемлемой частью его системы и его политики. Большой террор 1937–1938 годов был результатом паранойи Сталина, связанной со страхом перед реальными и вымышленными врагами, перед бунтами в деревне и потерей власти, перед внешними угрозами и надвигающейся войной. Сыграло свою роль также стремление полностью обновить аппарат власти, приведя в него поколение молодых и преданных сталинистов, даже не помышляю-

щих о том, чтобы поставить под сомнение его непререкаемый авторитет (одним из «выдвиженцев» стал Никита Хрущев).

Всесторонне исследовав архивные документы, Олег Хлевнюк отвергает все иные объяснения многолетнего и массового государственного террора в сталинском СССР, кроме одного — *личного руководства террором со стороны Сталина*. Всегда именно он принимал *личное решение* о начале новой волны террора. Именно он определял сроки, масштабы репрессий и категории жертв. Лично он подписывал многие расстрельные списки. Лично он детально режиссировал ход «больших московских процессов» 30-х годов. Только он заканчивал кампанию террора, когда решал, что ее задачи уже выполнены или что ее последствия уже чрезмерно вредят хозяйству или политике страны.

Сталин несет личную ответственность за массовый террор против крестьянства, рабочих, военных, интеллигенции, ленинской гвардии, всякого рода «бывших», «попутчиков» и «лишенцев», многочисленных национальных групп, за массовый голод, депортации, создание огромной лагерной системы и гибель в ней миллионов людей. Сталинская система была его личным произведением, и все ее бесчисленные и страшные преступления лежат полностью на нем.

После войны Сталин всячески старался преуменьшить чудовищные потери народа, назвав живую цифру военных потерь в 7 млн человек, а также стремился уйти от объяснения катастрофы 1941 года. Он развернул новые волны репрессий против народа-победителя, который увидел жизнь простых людей в Европе, намного лучшую, чем жизнь в советском «раю», и который надеялся на облегчение своего положения, в том числе на роспуск ненавистных колхозов. Сталин дошел до того, что приказал убрать с улиц городов сотни тысяч инвалидов войны, «портивших вид» победившей в войне страны. В 1946–1947 годах СССР накрыла новая волна голода, от которого погибли не менее 1,5 млн человек.

После кончины вождя массовые репрессии прекратились, ГУЛАГ был значительно сокращен, а культ личности Сталина был разоблачен Никитой Хрущевым на 20-м съезде КПСС в 1956 году — три года спустя после смерти диктатора. Но основополагающие характеристики сталинского тоталитарного режима дожили до горбачевской перестройки. Это тотальная коммунистическая идеология, однопартийная диктатура, систематические репрессии против критиков, интеллигенции, вообще против любых инакомыслящих. Вездесущая и всеведущая, стоящая над законом тайная полиция (КГБ). Культ личности вождя (Хрущева и потом Брежнева). Экспансионистская внешняя политика и гонка вооружений. Запрет на любую несанкционированную государством и партией общественную деятельность. Волны массовых идеологических кампаний, в которые вовлекалось все население; массовые организации (детская — пионерия, молодежная — комсомол, взрослые — партия и профсоюзы, творческие — писателей, художников и пр.). Тотальная пропаганда и цензура.

В обществе поддерживалась атмосфера страха и послушания. Авторитет партии и государства был непререкаем. Советская власть десятилетиями уничтожала любые предпосылки формирования горизонтальных связей гражданского общества. Сталину и его преемникам удалось выковать «нового человека», которым было легко манипулировать, его волю легко подавить, от его имени легко править, поэтому воссоздание сталинского типа общества так соблазнительно для элит, обогащающихся природной рентой.

БЕГСТВО ОТ ПОЛИТИКИ

Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 480 с.

Советская система, дожившая до середины 80-х годов, сформировала в СССР нового человека — *одновременно мобилизованного и апатичного*. Этот человек, когда надо, когда приказывало начальство, вставал ни свет ни заря, тащился на вокзал, влезал в электричку и ехал в колхоз — собирать картошку. Ходил на длинные и скучные партийные и профсоюзные собрания. Нес красный транспарант на демонстрации, вступал куда надо и платил какие следовало взносы. Одновременно с этим он был апатичен и бежал от любой коллективной активности, если обстоятельства позволяли улизнуть. Публичная сфера была захвачена государством, человеку оставалась только приватная жизнь: семья, друзья, узкий кружок коллег или друзей по хобби.

Советское общество, выкованное террором, было политизированным, насквозь пропитанным идеологией и одновременно крайне аполитичным и антиполитичным. Травматический советский опыт выработал в людях стойкое отвращение к коллективизму, к любым организациям, ассоциированным с принуждением.

Отвращение к идеологии и политике как к лжи и грязному занятию остается основой массового сознания и поведения россиян и сегодня, четверть века спустя после распада СССР. Такой вывод делают авторы коллективной монографии «Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов», молодые социологи из Москвы и Санкт-Петербурга (М. Алюков, С. Ерпылева, А. Желнина, А. Магун, О. Журавлев и др. — всего 11 человек). Они глубоко исследовали массовое протестное движение в России в 2011–2013 годах, опираясь главным образом на качественные методы — интервью с непосредственными участниками протестов и гражданских инициатив. Ценность работы как в том, что это одно из первых серьезных научных исследований движения «Декабристы 2.0», так и в том, что ее авторы применяют в своем анализе богатый спектр современных социологических теорий и концепций, сопоставляя события

в России с международными протестными движениями, например с «Оккупай Уолл-Стрит».

Итак, массовые митинги и демонстрации, прокатившиеся по России начиная с декабря 2011 года, под лозунгом «За честные выборы!», стали полной неожиданностью для всех — как для лидеров и участников движения, так и для властей и наблюдателей. Они внесли смятение в умы чиновников и поставили перед экспертами вопрос: что же это было? Несостоявшаяся «цветная революция»? Временный подъем активности масс, который закономерно быстро сошел на нет? Зарождение новой тенденции — роста политического сознания и активности народа, зарождение гражданской нации? На

этот непростой вопрос пытаются найти ответ авторы книги, используя, в частности, различные теории политики, что делает работу менее цельной, но богаче в интерпретациях и нюансах. Тем более что по мере отдаления от событий на Болотной и Сахарова наш угол зрения все время меняется, и каждый нюанс имеет здесь свое значение.

Массовые протесты 2011–2013 годов имеют большое общественное значение. Это были первые массовые протесты с политическими требованиями с 1993 года. Произошла внезапная для всех политизация прежде аполитичных и антиполитичных граждан. Случилась внезапная мобилизация активного меньшинства общества. При этом участники протестного движения отказались от идеологического самоопределения, предпочитая ему абстрактное «единство». Коллективное действие происходило на фоне подчеркнутого индивидуализма участников. Пережив ослепительный взлет, движение скоро пошло на спад, почти растеряв всю силу. Как все это можно описать и объяснить методами современной социологической науки?

Главный вывод, к которому пришли исследователи, — это парадоксальность самого феномена политического участия в эпоху деполитизации. После перестроечного подъема политической активности общества в 1985–1991 годах страна надолго отвергла политику — как сферу и как практику. Политика вновь стала делом государства, быстро открывшего назад, к авторитарной траектории, а люди вернулись в привычную сферу приватного. В этой деполитизированной стране и произошла внезапная политизация конца 2011 года. А доминирующий аполитизм общества наложил свой неизгладимый отпечаток на характер протестов. Участники бежали от идеологии и политических структур, и лидеров, предпочитали говорить языком морали, а не политики. Этот протест, который вывел на улицы сотни тысяч «рассерженных горожан» (термин кремлевского куратора внутренней политики В. Суркова), был одновременно политическим и деполитизированным. В аполитичности заключалась слабость движения, приведшая его к кризису, но одновременно и сила, позволившая мобилизовать самых разных людей, с самыми различными взглядами и интересами.

Участники движения «За честные выборы» апеллировали к морали («верните мне мой украденный голос, жулики и воры!») и избегали любых форм полноценной политической репрезентации (например, поддержки партий или отдельных лидеров), идеологии и конкретных программ. Больше всего они опасались раскола и распада самого движения — и потому отказались от видения будущей России, от создания политической программы — чтобы споры не внесли смуту в их ряды. Это сделало движение содержательно и политически уязвимым перед лицом «капитала и государственной власти».

Страх оказаться в тисках новой коллективности (пусть и оппозиционной) воздвиг невидимую, но прочную стену между теми, кто стоял на сцене (политики и популярные медийные фигуры), и теми, кто вышел на площадь. Массовый протест оказался массовым *скоплением индивидуумов*, связанных только общим осуждением фальсификаций на выборах и других несправедливостей режима.

Стремление протестующих выдвигать только самые общие требования (наказать фальсификаторов, провести новые и при этом честные выборы), по мнению французского социолога Карин Клеман, стали ярким проявлением *аполитичности в политических требованиях*. Они были слишком абстрактными и оторванными от действительности. В результате отсутствия общей программы гражданское общество осталось столь же индивидуализированным и разобщенным, что и прежде. В какой-то момент в движении распространились мнения о «бессмысленности протестов» и их требований; деполитизация лишила людей возможности выработать общую политическую идентичность и организацию, общий язык обсуждения политики. Люди вышли на улицу, но не обрели единства и общего языка.

Деполитизация российского общества носит тотальный характер — в виде «диктатуры приватной сферы» или даже «радикального неучастия». Поэтому неожиданное для них участие в массовых протестах вызвало в россиянах одновременно эйфорию и острое недоверие к самому политическому характеру действия. Люди радостно шли на улицу и одновременно боялись «вымазаться в политике». Негативное отношение к политике как таковой породило типичное для России отношение — что одинаково плохи и не заслуживают доверия как те, кто находится у власти, так и те, кто с ними борется. Политики на сцене воспринимались как дискредитированные фигуры, якобы стремящиеся «использовать протест» в своих корыстных целях.

В итоге всех этих парадоксальных обстоятельств политизации в аполитичном обществе уже в 2013 году протестное движение вошло в фазу кризиса. Митинги исчерпали себя, так и не породив политической повестки и новых политических структур, а многие локальные инициативы распались в силу доминировавшей инерции деполитизации. «Таким образом, отсутствие содержания привело к разочарованию от тавтологии формы и к новому витку деполитизации», — констатируют авторы книги.

Чем можно объяснить подчеркнуто мирный характер протестов 2011–2012 годов? Возможно тем, что протестующие на самом деле не хотели слома политической и потребительской стабильности, но стремились заменить «плохую», коррумпированную стабильность «хорошей», — некоррумпированной и демократической. В то же время риторическая оценка власти с их стороны была радикальной — как власти преступной и нелегитимной. Добавлю от себя, что одним из важнейших мотивов исключительно мирного характера выступлений была принципиальная неготовность участников к применению насилия и к принятию насилия со стороны властей — по причине прочной исторической памяти о насилии, пережитом страной в XX веке, с двумя мировыми войнами и сталинским террором над личностью и обществом. *«Мы против революции, мы за реформы!»* — такой настрой доминировал в движении на протяжении всего времени протестов.

Как именно происходит внезапная политизация человека аполитического? Ведь в российском обществе быть «нормальным» — значит жить приватной жизнью, избегая любых встреч с общественным и государственным, тем более — с политическим. Как правило, переход к активности происходит, когда государство грубо вторгается в повседневную жизнь людей, нарушая ее размеренный привычный ход (жилье, медицина, школа и т.п.). Человек начинает бороться за свои права и в какой-то момент переходит от частных требований к более общим — то есть к политическим. Такими были, например, массовые протесты против «монетизации льгот» в 2005 году, когда власти испугались и частично отступили.

В 2011 году такими спусковыми крючками внезапной и массовой политизации граждан стали экономический кризис, циничная «рокировка» в верхах и кража голосов на выборах, которую люди восприняли как личное оскорбление,

Рассматривая причины возврата участников протестных акций к приватной жизни, к аполитичности и деполитизации, авторы монографии недостаточно, по моему мнению, уделяют внимания *политике властей*, развернувшейся сразу после возвращения Владимира Путина в Кремль весной 2012 года.

Переломным моментом здесь стала акция 6 мая 2012 года, накануне инаугурации Путина. Мирная акция завершилась столкновениями демонстрантов с полицией, массовыми задержаниями, уголовными делами и посадкой в тюрьму целой группы активистов за «организацию и участие в массовых беспорядках». Далее последовали репрессивные законы об НКО — «иностранных агентах», о «нежелательных организациях», посадки активистов, открытая цензура в Интернете и т.п. Цена участия в политической и гражданской активности для каждого резко возросла, и многие выбрали стратегию неучастия или отъезда из страны. В условиях репрессивного государства стратегия неучастия и несопротивления, стратегия конформизма может рассматриваться многими как единственно рациональная. Тем более что именно такую стратегию предлагают обычно своим детям

российские родители, пережившие опыт сталинского и постсталинского тоталитарного государства.

Еще один из ключевых факторов устойчивой аполитичности и деполитизации российского общества — *недоверие*, царящее в нем. По показателям доверия Россия — в самом низу страновых рейтингов. Недоверие касается всего — политики, социальных структур, просто других людей. Недоверие и страх — основы сталинского террористического порядка, они и сегодня толкают людей в апатию и приватность. А еще снижает возможность активности и участия сам факт неверия в то, что российское государство и общество в принципе поддаются изменениям. В результате «сработала одна из самых устойчивых и отчетливых форм отношения к политике в российском обществе: отказ от активного участия в общественно-политических процессах как выбор, основанный на приоритете личного над общественным, а также как кризис доверия к политическим и общественным институтам» (А. Желнина).

Протесты 2011–2013 годов не смогли выработать *политическую идентичность* протестующих — среднюю между абстрактными требованиями и индивидуальными позициями.

Можно ли ожидать нового подъема протестного движения в России? Будет ли преодолена долгая традиция бегства от политики и от всего идеологического и коллективного? Сумеют ли «рассерженные» индивидуумы создать прочные политические структуры и показать готовность к диалогу и компромиссу в своем кругу? Сумеет ли государственная линия на репрессии и на дискредитацию гражданского общества удержать страну от общественного подъема и новых протестов? Станет ли новая повестка, предложенная властью, а именно новый традиционализм, достаточным противоядием против общественного запроса на демократизацию и перемены?

Авторы коллективной монографии не берутся делать соответствующие прогнозы. Ведь само протестное движение «За честные выборы!» оставило двойственное, парадоксальное впечатление. С одной стороны, оно оставило после себя политизированную среду и саму память о массовом совместном выступлении. С другой — оно схлынуло и общество вернулось к привычному состоянию деполитизации и антиполитичности. Может быть, память о политике сделает возможным формирование новой политической повестки и новых субъектов.

Возможно, дадут свои плоды гражданские инициативы, направленные на решение локальных проблем. Они могут вырасти в политические движения, привязанные к содержательным проблемам, волнующим людей. Возможно, начнет расти доверие в обществе. Или власти дадут новый острый повод к массовому выступлению и массовой солидарности.

Четверть века спустя после распада советской системы сама возможность общественной активности, политизации, идеологизации, формирования политических идентичностей и реальных политических структур в российском обществе остается под большим вопросом.

Культур много, гражданство одно*

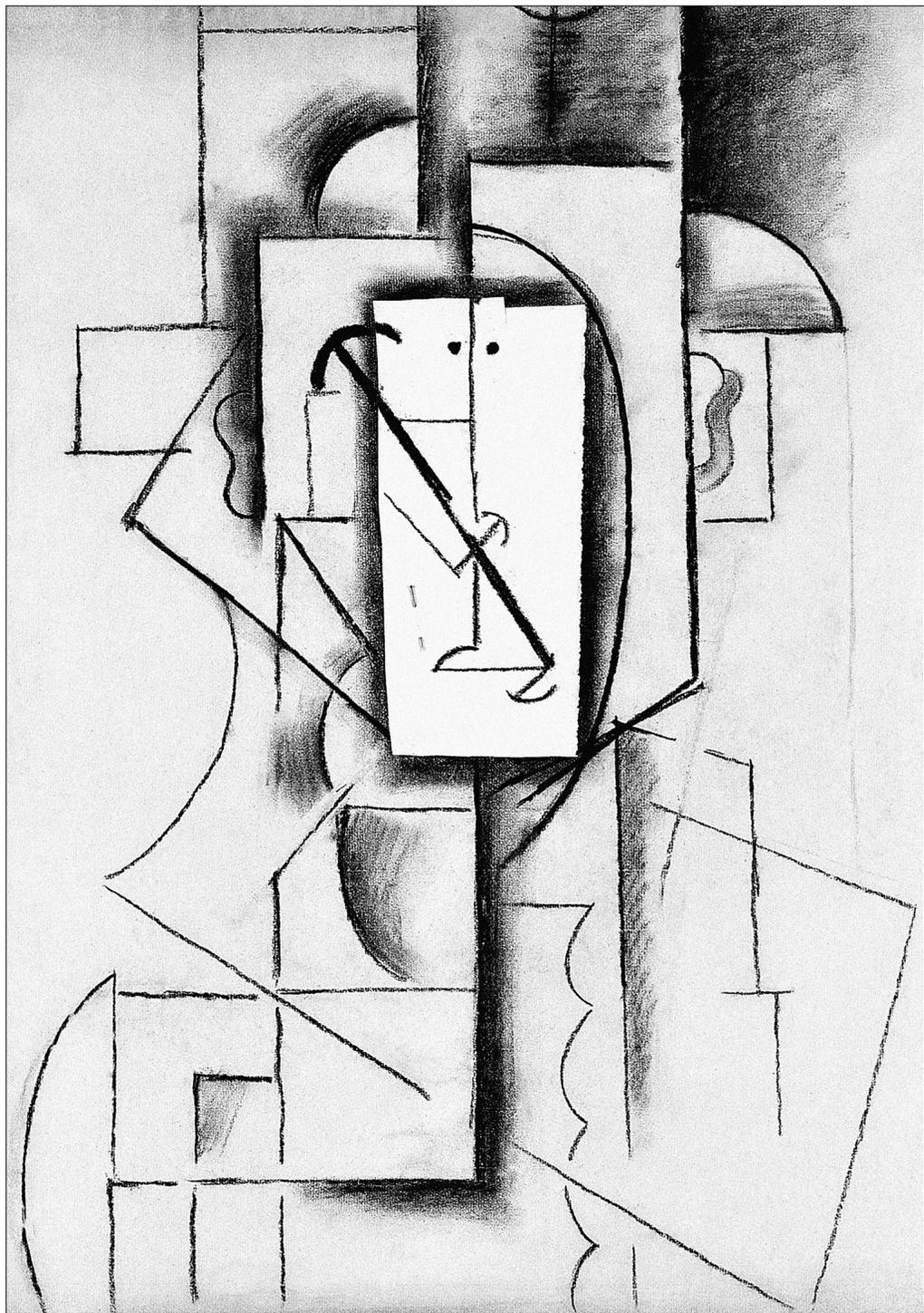

Ален Турен,
французский социолог,
Центр анализа
и социологических
исследований (CADIS),
Высшая школа социальных
наук (EHESS), Париж,
Франция

I. Наша тема из разряда тех, когда какие угодно ответы невозможны, ибо они лежат в полярных областях... Мысль о том, что существует только один путь к «современности», должна быть отвергнута, так как она совершенно не соответствует наблюдаемым фактам.

Во-первых, такую идею надлежит отвергнуть ввиду ее наивно колониалистского и империалистического содержания. Страны не образуют некий воображаемый ряд, в котором каждая страна следует в колее предшествующей. Ни одна африканская, азиатская или латиноамериканская страна не следовала в полной мере моделям европейской или североамериканской модернизации. Хотя было бы ошибкой отрицать отношения власти и подчиненности, посредством которых богатые и могущественные страны навязывали странам относительно слабым и бедным институты, верования, образовательную систему и т.д. И тем не менее линейный взгляд на процесс модернизации ошибочен. Многие страны после деколонизации, разумеется, сохранили некие элементы социальной и культурной ориентации метрополии, в особенности ее языка и зачастую правовых институтов. Однако защищать идею совершенного различия, отсутствия сходства между странами столь же нелепо, как и отстаивать противоположное мнение — о существовании одного единственного рационального пути модернизации. В теории промышленного управления давно отказались от тейлоровской идеи о «лучшем пути». То же необходимо проделать в контексте сравнения международного опыта. Действительность такова, что сегодня относительно немногочисленное меньшинство в промышленно развитых странах все еще отстаивает идею о том, что все страны должны следовать в колее «старых держав».

* Вариант статьи был представлен в качестве доклада на семинаре в Стамбульском университете Билги, проходившем с 19 по 24 мая 2010 г. См. специальный выпуск: *Realigning Liberalism: Pluralism, Integration, Identities. Reset-Dialogues on Civilizations Istanbul Seminars 2010*, Edited by: Alessandro Ferrara, Volker Kaul and David Rasmussen.

Пабло Пикассо. Голова Арлекино. 1913

В исторической перспективе нам надлежит вспомнить, что европейские страны прошли весьма разными путями модернизации. Так, Великобритания и Голландия приняли принципы капитализма, защищая интересы купцов и банкиров и даже открыв им ворота в благородное сословие. Во Франции модернизация была инициирована государством, вступившим в союз с буржуазией против аристократии, стремившейся воспрепятствовать установлению абсолютной монархии. В Германии природа государства была иной: оно отождествляло себя с немецким народом, обладающим, так сказать, культурной или даже биологической идентификацией.

Что и говорить, в эпоху, когда Европа демонстрирует разве что не самый низкий уровень демографического роста в мире, кажется нелепым провозглашать абсолютное превосходство европейских экономических, социальных и политических процессов.

II. Большинство людей склонны признавать существование и положительные аспекты «мягкого» культурного разнообразия. Большинство согласно, что сильное, высокоцентрализованное государство оказывает негативное влияние на общество, пытаясь навязать ему однородную, единообразную модель социальных отношений, и в частности политики в отношении адаптации иммигрантов. Необходимость уважать культурные права меньшинств все шире признается не только по культурным, но и по вполне практическим причинам. Попытки сочетать современные универсальные законы с традиционными обычаями и установлениями предпринимаются и поныне. Так, к примеру, в Мексике в контексте общих Сан-Андреасских договоренностей (1996), касающихся прав коренного населения страны, было достигнуто понимание,

что принцип равенства мужчин и женщин Всеобщей декларации прав человека должен соблюдаться, несмотря на отсутствие такового в местных установлениях.

Все же такой мягкий плюрализм не решает наиболее острых проблем современности. Различные формы расизма и дискриминации, с одной стороны, и — с другой — направленные против Запада террористические акты, а также теократические или коммунитарные модели обществ не вписываются в единый концепт мягкого плюрализма и толерантности.

Это не означает, что толерантность и мультикультурализм бессмысленны и бесполезны. Их содержание определяется тем, что мы отказались от подходов, окрашенных в черный или белый цвет, как это было свойственно эволюционной философии истории, когда культурные и социальные факторы рассматривались в зависимости от их взаимного расположения на шкале, ведущей от традиционализма к модернизму или от консервативных установок — к прогрессивным. Эта вторая шкала еще более условна, чем первая, так как термины «прогресс» и «прогрессивный» донельзя заезжены коммунистическими диктатурами. Коротко говоря, единственное преимущество мягкого мультикультурализма и толерантности в том, что они противостоят радикальному мультикультурализму, при котором на одной территории сосуществуют различные культуры, часто противоречащие друг другу, и не только в религиозном смысле.

Мы живем в мире, в котором большинство обществ обладают многокультурным укладом, но при этом вспыхивают гражданские или международные конфликты, в которых противопоставляются так называемые цивилизации, например исламская, христианская, иудейская или

индуистская. Необходимо прекратить поиски слишком «мягких» ответов и попытаться отыскать более реалистичные комбинации между единством и разнообразием во всех типах обществ.

Уважение к основным свободам каждого человека является частью общего понятия, которое мы именуем демократией, и соответствует светскому характеру общества как таковому. Причем «светское государство» не должно становиться инструментом борьбы с религиозными верованиями и обычаями. Уважение к политическим или религиозным меньшинствам подразумевает, что всякие меньшинства, равно как и представители большинства, принимают некие общие институты и формы общественной жизни.

В истории европейского континента защита национальных меньшинств часто означала национально-освободительное движение народов, которые пребывали в составе имперских держав. Проблемы, вызвавшие так называемое переселение народов в Центральной Европе в XIX веке, не могли быть решены посредством политики терпимости. На примере современных Каталонии в Испании и Квебека в Канаде мы видим довольно вялые национальные движения. Процесс практически угас в Квебеке и находится в ситуации самоограничения в Каталонии. Напротив, национальное движение басков приобрело военные формы, и его представители в стремлении к независимости многократно прибегали к насильственным методам борьбы. Эти и другие наблюдения ставят перед нами вопросы о существе основной проблемы: какими общими качествами должны обладать представители различных культур и религий, чтобы мирно уживаться на данной территории? Очевидно, что только «рыночных сил» недостаточно для функционирования мультикультурного общества. Но такой взгляд на проблему, при

его кажущейся слабости, приводит к следующему фундаментальному выводу: сосуществование между культурами или религиями возможно только тогда, когда так называемые мировые цивилизации, подвергаются фрагментированию и утрачивают контроль над социальной, экономической и даже культурной сферой жизни. Мультикультурализм невозможен, пока люди преисполнены уверенности в том, что все экономические, социальные, культурные и религиозные идеи и практики полностью взаимосвязаны, образуя единую систему, которая противостоит автономным процессам в каждой области социальной и культурной жизни. Автономность экономического поведения весьма благотворна, как и автономность культурного или политического поведения.

Итак мультикультурализм невозможен без фрагментирования и, в предельном смысле, устранения цивилизации как некой глобальной системы. В Западной Европе и Северной Америке секуляризм и светская природа общества подразумевают отделение церкви или культурных и религиозных организаций от государства. Католическая церковь должна в полной мере отделиться от так называемого христианского мира, чтобы стать совместимой с понятием толерантности и культурной или религиозной свободы.

Разделение между церковью и государством принимает разные формы в разных странах. Во Франции оно насаждалось со всяческой строгостью, даже жестокостью, и теперь практически всеобъемлюще, в США оно реализуется частично; в лютеранских странах и в англиканской Великобритании разделения в принципе не происходит, однако государственные церкви во многом утратили реальную власть. До тех пор пока мы возглашаем — *Gott mit uns!* (нем. — Господь с нами!), невозможны ни демократия, ни мультикультурализм.

Сегодня проблема ислама важнее и тяжелее других. Однако заключение в данном случае должно быть таким же, как во всех остальных: религиозный плюрализм будет уважаться только в том случае, если религия отделена от культурных норм и форм общественной организации. Именно по этой причине католическая церковь утрачивает большую часть своего влияния и власти, особенно в сфере частной жизни и в вопросах сексуальных отношений, — религия не может более отождествляться с культурой как таковой. Подобного рода конфликт приобретает особую остроту в отношениях с исламскими институтами, например в контексте общественного положения женщин. Чтобы заслужить право на защиту, религия должна отказаться от контроля над культурной жизнью, в частной и публичной сферах. Это не вопрос для свободного и открытого обсуждения. Исторически все религии довели над политикой и культурой и были лишены безраздельного господства над социальной и культурной жизнью, снискав, со временем, признание на другой основе и даже получив право на защиту своего жизненного пространства. Там, где по-прежнему сильны традиционные социальные и культурные структуры и ценности, религиям сложно отказаться от прямого контроля над политической и общественной жизнью. Справедливости ради надо отметить, что во многих случаях религия, отождествляя себя с национальными интересами, способна мобилизовать общество для сопротивления иноземному господству. Так было во многих частях Европы в XIX и XX веках. Однако сразу после обретения народами политической свободы церковь, которая еще недавно играла столь положительную роль, направляла

свое влияние на противодействие мультикультурализму. Разногласия и борьба между разными исламскими конфессиями существенно затрудняют их отношения и тем самым резко отдалают от типа отношений между различными христианскими церквями. Хотя Кемаль Ататюрк

Мультикультурализм невозможен без фрагментирования и, в предельном смысле, устранения цивилизации как некой глобальной системы

в Турции или Хабиб Бургиба в Тунисе провели реформы, придавшие их странам светский характер, гораздо чаще наблюдаются политические движения, накрепко привязанные к исламу как идее и противопоставляющие себя всем разновидностям культурной свободы и мультикультурализма. Даже в Европе ислам, принимающий светскую природу общества и разделение между религией и другими аспектами культурной жизни, крайне невлиятелен.

Несколько слов об условиях сохранения многокультурного уклада. Фрагментирование так называемых цивилизаций — это скорее предварительное условие для подлинного преобразования культурной жизни. Но недостаточно устранить препятствия. Чтобы состоялись культурная и религиозная свобода и разнообразие, в обществе должны присутствовать некие позитивные элементы.

Движение к секуляризации убедило многих политиков и интеллектуалов в том, что эффективная рациональность, если она рассматривается как главный принцип управления, способна покончить с религиозными догмами и философией истории. Нужно ли говорить, что подобные утверждения опровергаются историческими фактами: религии не исчезли, а

Рауль Хаусманн. Чревоугодие, или Дюпон-Дюран пишет стихи. 1920

религиозные конфликты и войны столь же часты, как и в любой другой исторический период.

Нам необходимо действительно позитивный аспект единства. Всякий анализ, основанный лишь на утверждении о постепенном размывании ценностей или на трансцендентных принципах, явно безуспешен. Единственный удовлетворительный ответ состоит в том, что существуют всеобщие права человека, преобладающие над всеми институциональными и экономическими аспектами общества. Вот почему необходимо защищать нашу концепцию «гуманизма» от секулярной проекции творческой энергии человека вовне. Если не принять мысль, что человеческая природа подразумевает способность и право каждого на мобилизацию внутреннего, чисто человеческого принципа легитимации своих действий; если не принять мысль, что современность существует только в той мере, в какой универсальные принципы, такие как разум и права человека, играют ключевую роль в личной и коллективной жизни, строительство мультикультурализма на прочных основаниях невозможно.

III. Сегодня главный враг мультикультурализма — это уже не абсолютная монархия, отождествляющая себя с религией или же с народом и языком. Именно глобалистское массовое общество преобразует народы и культуры мира в рынки, особенно в рынки массового потребления, массовых коммуникаций и средств массовой информации. Массовое общество — это в первую очередь общество без акторов, без нравственных и институциональных принципов.

Культурное многообразие не сможет выжить, если оно не станет увязывать защиту национальной или местной культуры или культуры меньшинств с положительными действиями, направленными против господствующей парадигмы.

Единственный путь избежать негативной трансформации — это не изолировать каждую национальную языковую или религиозную культуру в целях их охраны, а выступить против массового общества, разрушающего субъектность, традиции, нормы и представления. Все культуры должны быть заинтересованы в одном: не подвергнуться разрушению со стороны всемирного культурного рынка или авторитарного, теократического государства. Каждая культура должна защищать право человека создавать, использовать и передавать культуру, которая определяется в первую очередь посредством всеобщих ценностей рациональности и прав человека. Лишь универсалистские аргументы служат эффективными защитниками культурного разнообразия. «Очарования разнообразия» как такового недостаточно.

Однако контратака на общество массового потребления не может основываться на позитивном аспекте культурного плюрализма. Чтобы обладать силой, позволяющей противостоять массовому обществу и культуре, а также глобализированной экономике, необходимо давать приоритет культурам, определяющим самих себя в категориях универсализма. Так обстоит дело с основными религиями, с политической экологией, с разными формами феминистских движений и с защитой прав меньшинств — национальных, сексуальных, языковых или религиозных.

IV. Критики (и среди них постмодернисты) возражат, что они защищают мультикультурализм по более простым, менее драматичным причинам. Они стоят на позиции, что современным обществам более не присущ общий принцип единства. Нет единого централизованного ядра — своего рода агентства, способного контролировать образование, деятельность и досуг человека, знание нацио-

нальной литературы и произведений искусства. Мультикультурализм сам по себе ни хорош ни плох, скажут они, он естествен, потому что способность государства подавлять меньшинства все больше ослабевает. Господствующие группы озабочены экономическими процессами, которые приобретают все более глобальные масштабы, и их не пугает упадок национального языка или сосредоточение серьезных научных исследований всего в нескольких лабораториях, которые главным образом располагаются в США и в пяти или шести странах.

О таком подходе не следует судить в ценностных терминах. Он ни хорош и ни плох; единственный аргумент против состоит в том, что такой взгляд на вещи вещественно ложен.

Сознание национальной идентичности сильно в Соединенных Штатах и, равным образом, в развивающихся странах, особенно в крупнейшей из них — Китае. Лишь очень немногие китайцы считают, что до конца века они превратятся в «азиатских американцев». Индия больше любой другой страны выказывает заинтересованность в сочетании традиций и инноваций. Та же тенденция, с разной степенью интенсивности, наблюдается в большинстве стран мира. Единственное важное исключение — это Западная Европа, где большинство людей уверены, что их национальная идентичность и универсалистская роль их стран принадлежит прошлому.

V. Итак, все говорит о том, что европейцы все менее склонны проявлять интерес к разнообразию и самобытности, так как в молодом поколении ничтожно сознание собственной истории.

Сегодня культурные воззрения, стремительно растущие в Западной Европе,

близки к ксенофобии, к неприятию иностранцев и в особенности иммигрантов. Ксенофобия так же сильна в северо-европейских, как и в южно-европейских странах, хотя на первый взгляд она сильнее в Северной Европе.

Образ мягкого, толерантного мультикультурализма, свободного от надзора централизованного государства, — это не более чем отвлеченное понятие. Мультикультурализм чаще воспринимается в негативном, чем в позитивном ключе. Чтобы сообщить ему положительное значение, нам необходимо в первую очередь подчеркнуть способность групп людей, объединенных культурными ценностями и социальными нормами, противостоять глобализованной массовой культуре и материальной и культурной притягательности экономических сверхдержав.

Защита культурного плюрализма не может ограничиваться защитой истории культуры, каковая во многом уже исчезла из памяти молодых людей. По-настоящему защитить его возможно только посредством сопротивления экономике глобализации и массовой культуре, ведь последняя устраняет культуру как переосмысление прошлого, необходимое, в свою очередь, для созидания осмысленного будущего. Надежная защита национальной или региональной культуры — это одно из главных условий для выработки здорового положительного отношения к культурному плюрализму, по крайней мере когда культуры, за пределами собственной идентичности и своеобразия, определяют себя как выражение общечеловеческого свойства создавать системы символов и выносить ценностные суждения.

*Перевод с английского
Марка Дадяна*

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

Глобальный мир и глобальные вызовы

Наши авторы:

Александр Архангельский

Александр Аузан

Лев Гудков

Андрей Захаров

Кристофер Коукер

Бобо Ло

Алексей Макаркин

Эмиль Паин

Владимир Рыжков

Александр Согомонов

Михаил Фишман

Ютта Шеррер

Фредрик Эриксон

Цесарио Г. Эспада

Подписано в печать 27.07.2015.

Формат 70×108/16.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Школа гражданского просвещения

127006 Москва,

Старопименовский пер., д. 11/6, строение 1

<http://www.civiceducation.ru>

№ ISBN 978-5-93895-106-8